С. Н. ПРОКОПОВИЧ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ПО ДАННЫМ БЮДЖЕТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ДИНАМИЧЕСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„КООПЕРАТИВНАЯ МЫСЛЬ“
БЕРЛИН 1924

Пров 38

Право собственности, в том числе и право перевода на другие языки, во всех странах закреплено за издательством „Кооперативная Мысль“

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht
in fremde Sprachen

Copyright 1923 by Buchverlag „Kooperatiwnaja Mysl“

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1801
25

Набор типографии Г. А. Гольдберг, Берлин SW 68, Циммерштрассе 7/8.
Druck: Hempel & Co., G. m. b. H., Berlin SW 68, Zimmerstrasse 7/8.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Крестьянское хозяйство составляет основу национальной экономии России.

При подобном экономическом и государственном значении этого хозяйства, надобно было бы ожидать, что его теория давно уже разработана и установлена русскими экономистами, и что в ней возможны разногласия и споры только по второстепенным вопросам.

К сожалению, действительность не отвечает этим ожиданиям. На пороге XX века, один из лучших знатоков нашего крестьянского хозяйства, известный земский статистик Н. Н. Черненков в предисловии к первому изданию своих очерков «К характеристике крестьянского хозяйства» выразил сомнение в том, положено ли даже начало научной разработке материалов о крестьянском хозяйстве, собранных земскою статистикой.

«Русская научно-теоретическая мысль, по мнению Н. Н. Черненкова, — несмотря на жгучий и неослабевающий интерес к вопросам о жизни и судьбах нашего крестьянства, — оказывалась, однако, до сих пор бессильною овладеть (в научном смысле) всею совокупностью имеющихся данных, понять и прочно установить основные принципы и тенденции крестьянского хозяйства, построить из груды накопленных фактов и эмпирических обобщений цельную и стройную систему (исходя из упомянутых основных принципов и тенденций) или, иначе говоря, создать согласованную с совокупностью фактических материалов «теорию» крестьянского хозяйства, принимающую в соображение как специфические черты этого типа хозяйства (в наиболее чистом его виде), так и черты сходства его с другими хозяйственными типами, а затем и те изменения и осложнения, которые порождаются в нем специальными условиями данного времени. Из этого, конечно, не следует, чтобы наши общественные и литературные течения были совершенно лишены той или иной системы теоретических представлений о крестьянском хозяйстве и о процессах, в нем происходящих; такие системы всегда были и теперь имеются

и даже строились и строются скорее в чрезмерном обилии и с чрезмерной легкостью, мы только подчеркиваем, что эти системы и отдельные их положения едва ли могли и могут считаться научно обоснованными совокупностью имевшихся в известный момент или теперь имеющихся фактических данных. Все эти системы и положения представляли и представляют из себя, чаще всего, или не что иное, как облеченные в форму несомненных и установленных истин ходячие обобщения из отрывочных наблюдений, распространенные среди известных классов населения и среди самих крестьян и сильные исключительно своей распространенностью и привычностью, или же они представляют из себя построения, сделанные a priori, нередко притом на основании данных, относящихся к другим типам хозяйственного строя, и вносимые в сферу нашего крестьянского хозяйства как бы извне и более или менее насильственно, часто игнорируя весьма важные его стороны и особенности. В общем, совокупность таких «узаконенных» ходячих представлений и более или менее чуждых крестьянскому хозяйству по своему происхождению идей и построений, вместе с частичными эмпирическими обобщениями фактов крестьянской жизни, и образует обыкновенно своего рода искусственнную комбинацию, которая составляется, за отсутствием чего-либо лучшего, каждым из имеющихся в данный момент направлений и оттенков общественной мысли и основной характер которой остается при этом один и тот же, хотя составные элементы в разных случаях и бывают различны. Получаются в конечном результате лишь различные разновидности того, что, в известном смысле, может быть названо «вульгарною экономиею крестьянского хозяйства», в противоположность научной его экономии, которая может считаться лишь зарождающейся, но, повидимому, имеет шансы на быстрое развитие при обилии накопленных материалов для ее построения и при той острой борьбе направлений, которая характеризует последние годы» *).

С момента, когда были написаны эти строки, прошло почти четверть века, И я не думаю, чтобы кто либо из русских экономистов решился утверждать, что надежды Н. Н. Черненкова на быстрое развитие научной теории крестьянского хозяйства были осуществлены.

Причины этой слабой продуктивности теоретической мысли в наиболее интересующем нас вопросе повидимому две.

Первая состоит в том, что при изучении крестьянского хозяйства до последнего времени нам приходилось пользоваться, главным образом, данными подворных переписей. В них учитываются все основные элементы крестьянского хозяйства, но не

*) Н. Черненков, К характеристике крестьянского хозяйства, изд. 2-е, 1918 г., стр. III — IV; ср. также стр. 139.

улавливается внутренняя связь этих элементов между собою, то телеологическое единство их, которое определяет хозяйственное значение этих элементов и превращает их совокупность в хозяйственное целое. Эта особенность материалов подворных переписей наложила свою печать и на господствовавшие среди русской интеллигенции теории крестьянского хозяйства: в них было очень мало хозяйственности. Даже аграрный вопрос мы склонны были трактовать как чисто социально-политическую проблему, а не с точки зрения развития крестьянского хозяйства.

Этот недостаток подворных переписей был восполнен бюджетными исследованиями крестьянского хозяйства.

Но тут явилась помехой другая причина застоя экономической мысли в области теории крестьянского хозяйства, — недостаточные и неправильные приемы анализа статистических таблиц

В этом отношении очень характерны взгляды покойного А. А Кауфмана, статистика-практика, написавшего ряд работ по вопросам крестьянского хозяйства и автора последнего по времени курса по теории статистики. Когда среди земских статистиков возник интерес к более совершенным способам анализа статистических таблиц, А. А. Кауфман выступил с защитой изучения статистических рядов «на глаз».

Конечно, во многих таблицах и при рассмотрении их невооруженным глазом можно установить, как изменяется зависимая переменная при росте независимой,—растет или падает. Но в других таблицах глаз не улавливает никакой определенной тенденции развития зависимой переменной, что же касается меры зависимости или других, более сложных вопросов причинной связи явлений, то тут простое созерцание таблиц невооруженным глазом не дает ничего или очень мало.

К каким результатам может приводить подобная трактовка статистических рядов, показывают некоторые примеры в последней работе А. В. Чаянова. Так, в одной из таблиц проф. Чаянов пытается проследить влияние размеров землепользования и высоты личного бюджета на количество коров и лошадей, приходящихся на одного едока в семье крестьянина. Оказывается, что с ростом личного бюджета растет и число штук скота, приходящихся на едока:

	Коров	Лошадей
При бюджете до 70 руб. . .	0,14	0,17
„ „ 70,1 — 90,0	0,24	0,19
„ „ более 90,0	0,28	0,24

Проф. Чаянов утверждает, что табличка эта выявляет специфические особенности в «сложении капиталов трудового хозяйства, так как в хозяйстве капиталистическом очевидно нормы капиталосложения всецело определяются рассчетом хозяйственной

рациональности и никакого влияния на них не могло быть оказано уровнем благосостояния владельца предприятия» *)

Это установление смысла приведенной выше таблички является совершенно неожиданным. Какие основания у проф. Чаянова утверждать, что число коров в хозяйстве изменяется по личному бюджету крестьянской семьи, а не бюджет — по ее зажиточности, а следовательно и по количеству скота в хозяйстве? Табличка констатирует наличность связи между этими двумя моментами, но не дает никаких указаний на направление этой связи. Чтобы определить это направление, нужно было бы проделать очень большую и сложную аналитическую работу. «На глаз» дело решается гораздо проще. Ведь в табличке независимой переменной является бюджет, зависимой — количество скота, а посему: высота личного бюджета крестьянской семьи определяет величину ее капитала. Проф. Чаянов не замечает даже, что совершенно аналогичную табличку можно было бы составить и для фабрик и фабрикантов, поскольку фабрики являются индивидуальным, а не акционерным имуществом. С акционерными предприятиями дело обстоит сложнее. Но относительно личных предприятий, при условии пользования приемами проф. Чаянова, ничего не стоит «статистически» доказать, что размер капитала этих фабрик определяется уровнем жизни их владельцев.

Эта методологическая беспомощность в высшей степени характерна для этого течения в среде наших статистиков.

Гораздо выше в методологическом отношении стоит другое течение, одним из наиболее крупных представителей которого был В. Ф. Арнольд**), и которое требовало точного математического определения формулы роста зависимой переменной. Этот прием вполне удовлетворительно разрешал вопрос о связи или зависимости двух переменных, входящих в табличку, но оставлял открытым вопрос о возможности сравнения коэффициентов роста нескольких переменных. Возьмем какой-либо конкретный пример, — хотя бы влияние факторов крестьянского хозяйства на его валовой доход по данным наших бюджетных исследований:

	Вельск	Вологодск.	Новгор	Тамбовск.	Старооб
Землевладение . .	4,317	6,895	7,964	52,591	55,548
Хоз. имущество. .	0,189	0,209	0,274	0,597	0,681
Работники.	27,517	41,584	53,451	166,126	211,593

В этой табличке коэффициентов регрессии или роста бросаются в глаза три особенности: во первых, рост коэффициентов регрессии по всем факторам крестьянского хозяйства от Вель-

*) Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau, übersetzt von Fr Schlömer, Berlin, 1923, стр. 71.

**) Общие черты агрономической техники и сельскохозяйственной экономии крестьян Херсонского уезда, 1902 г.

ского к Старобельскому уезду. Во вторых, резкий скачек в этом росте коэффициентов по землевладению и работникам при переходе от нечерноземных губерний к черноземным. В третьих, определяющее влияние на высоту валового дохода крестьянского двора числа в нем работников, меньшее влияние землевладения двора и совсем ничтожное — его хозяйственного имущества.

На этих особенностях нашей таблички, главным образом, на последней, можно построить целую теорию крестьянского хозяйства, и эта теория могла бы претендовать на индуктивное обоснование на данных бюджетных исследований.

На самом же деле единственным ее основанием было бы неуменье статистика подвергнуть анализу находящийся в его распоряжении статистический материал.

Суть дела в том, что коэффициенты регрессии, из которых составлена эта таблица, представляют собою не простые, а сложные величины. Во первых, в них выявляется влияние отдельных факторов крестьянского хозяйства на его валовой доход, определение которого составляет задачу исследования. Во вторых, на величину этих коэффициентов оказывает большое влияние хозяйственное соотношение масштабных единиц этих факторов. В одном случае они выражают меру влияния на валовой доход десятины землевладения, в другом — рубля хозяйственного имущества, в третьем — работника. Эти величины в хозяйственном отношении не эквиваленты друг другу, точно так же, как работник или десятина земли Вельского у. не эквивалентны работнику и десятине Старобельского у., и даже рубль хозяйственного имущества Вельского у. не эквивалентен рублю хозяйственного имущества Старобельского у. Если бы второй момент был слабее первого, он только искажал бы те соотношения величин, определить которые мы стремимся. Но на самом деле хозяйственный вес работника или десятины земли в несколько десятков раз выше хозяйственного значения рубля имущества. Поэтому отношение величины масштабных единиц в данном случае не искажает, а закрывает, затушевывает влияние факторов хозяйства, и мы имеем в приведенной выше таблице не искомое нами соотношение влияния отдельных хозяйственных факторов на валовой доход крестьянского хозяйства, а выражение соотношения масштабных единиц этих факторов и масштабной же единицы валового дохода.

Эта подмена в процессе обработки статистического материала одного отношения другим фатально происходит у каждого исследователя, пользующегося в аналогичных случаях коэффициентами регрессии.

Устранить эту ошибку довольно легко. Для этого мы должны воспользоваться открытием, сделанным Фр. Гальтоном в 1888 г. *).

*) Correlation and their measurement, chiefly from anthropométric data. Proceedings of the Royal Society, 1888; Natural Inheritance, 1889.

В явлениях простого строения, в которых причины действуют раздельно, для определения зависимости между двумя рядами достаточно установить коэффициент регрессии (или роста) одного ряда по другому. В этих явлениях кривая x по y всегда совпадает с кривой y по x, и, следовательно, отношение между коэффициентами роста x и y выражается следующей простой формулой: $в_x = \frac{1}{в_y}$. Не то — в явлениях сложного строения, в которых причины действуют не раздельно, а слитно. В них, как установил Гальтон, кривая x по y никогда не совпадает с кривой y по x, и, следовательно, коэффициенты роста $в_x$ и $в_y$ не находятся между собою в том простом отношении, которое мы находим при функциональной зависимости между явлениями При корреляционной зависимости между явлениями, отношение коэффициентов регресси выражается формулой:

$$в_x \quad r = r : в_y$$

Величина r называется коэффициентом корреляции Таким образом, коэффициент корреляции двух величин x и y представляет собою среднюю геометрическую между их коэффициентами регрессии x по y и y по x. Графически коэффициент корреляции может быть изображен в форме угла между двумя пересекающимися кривыми, — линиями регрессии, x по y и y по x. Чем теснее связь между величинами x и y, тем более сближаются эти две кривые и тем меньше между ними угол, чем слабее связь, тем больше их расхождение и тем больше угол

Эта величина r обладает в высшей степени ценным для нас качеством: в ней устранено влияние величины масштабных единиц. Так как коэффициенты регрессии определяются по формуле

$$в_x = \frac{Sn\,(x - x_m)\,(y - y_m)}{Sn\,(x - x_m)^2}, \text{ то}$$

$$r = \sqrt{\frac{Sn\,(x - x_m)\,(y - y_m)\;\; Sn\,(x - x_m)\,(y - y_m)}{Sn\,(x - x_m)^2 .\; Sn\,(y - y_m)^2}}$$

т. е. в числителе и знаменателе мы имеем одинаковое количество как x, так и y, откуда следует, что величина масштабных единиц x и y на величину r никакого влияния оказывать не может.

Вернемся к нашему примеру и посмотрим, как велика корреляционная связь между факторами крестьянского хозяйства и его валовым доходом по данным бюджетных исследований:

	Вельск	Волог	Новгор	Тамбов.	Староб.
Землевладение .	0,50	0,69	0,63	0,54	0,78
Хоз. имущество . .	0,68	0,66	0,82	0,66	0,86
Работники	0,44	0,40	0,42	0,52	0,63

Сравнение этой таблицы с предыдущей наглядно показывает, как пагубно влияние соотношения масштабных единиц при анализе статистических рядов. Таблицу коэффициентов регрессии нельзя даже назвать искаженным отображением таблицы коэффициентов корреляции. Это попросту две разные таблицы, не имеющие между собою почти ничего общего

Итак, способы анализа статистических рядов определяются задачею, которую ставит себе исследователь. При описании явлений и некоторых простейших задачах их анализа можно довольствоваться оценкою рядов «на глаз». В других случаях необходимо прибегать к определению коэффициентов регрессии. Но в тех случаях, когда сравнивается мера связи двух или более моментов с какою либо величиною, необходимо пользоваться коэффициентами корреляции.

Коэффициент корреляции вполне точно выражает меру связи, зависимости, соотношения или соответствия двух переменных величин, поскольку их изменчивость установлена статистическим наблюдением. Но как только мы ставим вопрос об обобщении полученного результата и его распространении на всю массу однородных с наблюденными, но оставшихся вне наблюдения явлений, т. е о соответствии полученного результата действительной природе изучаемых явлений, возникает вопрос о вероятной ошибке полученного результата. Эта вероятная ошибка коэффициента корреляции определяется по формуле:

$$E_r = \frac{1 - r^2}{\sqrt{n}}$$

где n = числу наблюденных случаев. Формула эта чрезвычайно проста, и раз известны r и n, вычислить E_r ничего не стоит. Поэтому в тексте работы я не счел нужным осложнять таблицы коэффициентов корреляции таблицами их вероятных ошибок Так как число бюджетов в тех исследованиях, которыми мы главным образом пользуемся, колеблется от 85 до 136, то, если мы возьмем цифру 85, как наименьшую, мы получим следующие величины E_r при разных r:

величина r	вероятн ошибка
0,01	0,11
0,10	0,11
0,20	0,11
0,30	0,10
0,40	0,09
0,50	0,08
0,70	0,06
0,90	0,02

Чем выше коэффициент корреляции, тем меньше вероятная ошибка. Когда коэффициент менее 0,30, выводы, на нем основывающиеся, обобщать довольно рискованно.

Конечно, существование вероятной ошибки вовсе не означает, что полученный вывод обязательно должен быть ошибочным и именно в размерах вероятной ошибки, или даже удвоенных или утроенных размерах. Нет, ее существование говорит лишь, что число наблюдений, по своей недостаточности, оставляет возможность подобной ошибки. Поэтому не следует пренебрегать также другими критериями устойчивости и надежности полученных результатов. Одним из таких критериев является сравнение статистических рядов и их коэффициентов в двух или более сериях наблюдений над однородными явлениями. В нашем случае, параллелизм результатов бюджетных исследований по пяти территориям чрезвычайно повышает вероятность их соответствия действительности, приближая ее к полной достоверности.

Поскольку речь идет о выводах из бюджетных исследований, решающее значение имеет следующее обстоятельство. Вероятную ошибку результата, по приведенной выше формуле, нужно вычислять в том случае, если отбор подлежащих наблюдению единиц был произведен чисто механически. Но бюджетные исследования, разработке данных которых посвящена настоящая работа, большею частью производились во время подворных переписей, реже — вскоре после них (Тамбовская губ.), и описанию подвергались не рядовые, механически отобранные хозяйства, а типические, намечавшиеся на основании данных подворных переписей. Наши бюджетчики стремились даже к тому, чтобы описаны были типичные представители всех экономических групп в числе, пропорциональном удельному весу каждой группы (Вельский у., Вологодский у., Новгородская губ.), так, чтобы бюджетная совокупность хозяйств представляла собою как бы уменьшенную модель общей совокупности хозяйств описанного района.

Таким образом, распространение полученных нами результатов на всю совокупность хозяйств обследованных в бюджетном отношении территорий обусловливается не количеством описанных хозяйств, обеспечивающим полученным средним достаточную устойчивость и соответствие действительности, а прежде всего типичностью описанных хозяйств.

Поэтому, в настоящей работе сохраняют все свое показательное значение и коэффициенты корреляции менее 0,30.

Не следует преувеличивать познавательной ценности отдельных коэффициентов корреляции. Ведь в статистических данных мы всегда имеем дело со слиянием действия многих причин. Положим, нам удалось определить меру зависимости интересующего нас явления от одной из причин; но пока мы ничего не знаем о мере его связи с другими моментами, на него влияющими, ника-

кого вывода из полученного коэффициента корреляции мы делать не можем. Поэтому, познавательное значение мы должны приписывать только сериям коэффициентов корреляции, охватывающим по возможности все те моменты, которые влияют на изучаемое явление.

Но и эти серии имеют только наводящее значение. Так как статистические средние являются произведением многих причин, действующих слитно, то при группировке статистического материала по какому — либо признаку, напр, землевладению, мы получаем величину валового дохода, отвечающую не только величине землевладения, названной в таблице, но и не названным в ней, скрыто действующим другим факторам, хозяйственному имуществу и работникам. Если в области простых явлений, где причины действуют раздельно, существо отношений между причиной и ее действием может быть выражено формулою:

$$fx = a$$

то в области сложных явлений, с которыми имеет дело статистика, существо это выражается формулой

$$fx\ (y, z \ldots) = a$$

причем x названо в таблице, а y, z и т. д. действуют на величину a скрыто. Возможно, что действие явного x сильнее действия этих скрытых y, z и т. д Тогда величина a будет определяться главным образом величиною x, и эмпирически — данная корреляционная связь будет более или менее отвечать действительности Но возможен и обратный случай, — что действие x будет меньше действия y, z и т. д. Тогда определенная нами эмпирическая корреляционная связь двух величин x и a будет носить совершенно неверный характер.

Очевидно, чтобы получить действительную меру действия x на a, мы должны устранить искажающее это действие, мешающее нам влияние скрытно действующих y, z и т. д. Этого мы можем достичь применением комбинационных таблиц, выравнивающих в первых группировках действие тех факторов, которые мы хотим устранить, и освобождающих таким образом действие фактора, который мы хотим изучить и по которому производится последняя группировка, от искажающего влияния других факторов.

Комбинационные таблицы были введены в земскую статистику в 1880-х г.г. черниговским статистиком А. П. Шликевичем. Их форма, до сих пор остающаяся неизменной, страдает тремя недостатками.

Во первых, выбор признаков для построения комбинационных таблиц носит более или менее произвольный характер. Из изучения материала с помощью групповых таблиц статистик выносит убеждение, что наибольшее влияние на интересующее его

явление имеют такие-то факторы. По ним и строится комбинационная таблица. Выше мы указывали на неудовлетворительность подобного поверхностного анализа групповых таблиц и отрицательное значение отношения масштабных единиц изучаемых величин. Очевидно, лишь коэффициенты корреляции могут дать твердое основание для выбора признаков при построении комбинационных таблиц *).

Во вторых, мера связи между изучаемыми величинами в комбинационных таблицах никогда, насколько я знаю, не подвергалась точному измерению. Статистиков, очевидно, смущало то обстоятельство, что каждая подгруппа имеет свой особый коэффициент роста или регрессии. Поэтому, они довольствовались определением этой величины «на глаз». Между тем, вполне возможно определить этот коэффициент регрессии и для всей совокупности случаев, показываемых таблицей. Особенно удобна для этого исчисления формула $b_x = \frac{Sn(x - x_m)(y - y_m)}{Sn(x - x_m)^2}$ так как при пользовании ею имеют значение только разности $x - x_m$, $y - y_m$, а не абсолютные значения этих величин; обстоятельство это позволяет прямо суммировать соответствующие производные разностей всех подгрупп комбинационной таблицы и, путем деления одной суммы на другую, получить искомый коэффициент регрессии.

В третьих, если в комбинационных таблицах не вычислялись даже коэффициенты регрессии, то никто и подавно не помышлял об определении коэффициентов корреляции. Конечно, от А. П. Шликевича, А. С. Харизоменова и др. статистиков 1880-х г.г нельзя было этого и требовать.

Но и в настоящее время никто не думает об определении в них коррелятивных зависимостей. Между тем, если в комбинационной таблице возможно исчисление коэффициента регрессии a по x, то можно исчислить и регрессию x по a, затем по двум коэффициентам регрессии — коэффициент корреляции.

Таким образом, устранение всех этих дефектов вполне возможно. Беда лишь в том, что бюджетный материал страдает одним крупнейшим недостатком для его анализа с помощью комбинационных таблиц Он недостаточно для такой формы разработки многочислен. Поэтому, мы вынуждены были допустить слишком большие интервалы при группировках**), благодаря чему

*) Этому вопросу был посвящен мною специальный доклад на с'езде статистиков при Обществе имени А. И. Чупрова в 1913 г.

**) Площадь землевладения мы делили на следующие группы: до 3,0 дес., 3,01—6,0, 6,01—9,0, 9,01—12,0, 12,1—15,0, 15,01—20,0 20,01—30,0, 30,01 — 40,0 более 40,0; хозяйственное имущество до 250,0 руб., 250,1 — 500,0, 500,1—750,0, 750,1—1000,0, 1000,1—1500,0, 1500,1—2000.0, 2000,1 — 3000,0 более 3000,0; работники до 1,0, 1,1 — 2,0, 2,1 — 3,0, 3,1 — 4,0, 4,1 — 5,0, 5,1 — 6,0, 6,1 — 7,0, более 7,0.

не получилось полного выравнивания влияния устраняемых факторов; и тем не менее, в большинстве подгрупп мы получили только 2,3 и 4 хозяйства. Вместе с тем, в некоторых погруппах оказалось только по одному хозяйству, что делало невозможным определение разностей по формуле $x - x_m$, и все такие хозяйства мы вынуждены были попросту исключить из подсчета. Число таких исключенных бюджетов достигло в нашей работе 9,7%.

Сравнение аналитических коэффициентов корреляции с соответствующими эмпирическими коэффициентами показывает, во первых, что в том случае, когда факторы действуют в одном направлении, их эмпирические коэффициенты выше коэффициентов аналитических; лишь в том случае, когда факторы действуют в противоположных направлениях, т. е. один фактор имеет знак +, другой —, эмпирический коэффициент корреляции может быть ниже аналитического. Во вторых, что относительная высота эмпирических коэффициентов более или менее соответствует относительной величине аналитических коэффициентов. Но в тех случаях, когда основные факторы, определяющие величину изучаемого явления, имеют разные знаки, отношение между эмпирическими и аналитическими коэффициентами корреляции становится в высшей степени сложным и запутанным. Возьмем например, влияние на крестьянскую аренду факторов крестьянского хозяйства:

	I эмпирич коэфф.			II аналит. коэфф.		
	Волог	Тамбов	Староб	Волог.	Тамбов	Староб
Землевладение	—0,31	—0,01	0,46	—0,18	—0,41	—0,15
Работники . .	—0,10	0,33	0,54	0,03	0,18	0,11
Хоз. имущ. . .	—0,09	0,48	0,69	0,09	0,49	0,64

Не трудно понять, откуда происходит столь значительное отклонение эмпирических коэффициентов от аналитических. Если мы обозначим через x землевладение, y — хозяйственные имущество, z — работников, a —аренду, то коэффициент корреляции землевладения и аренды в первой табличке по Старобельскому уезду выражает собственно следующую величину·

$$x\,(y\,z) - a = 0{,}46$$

Во второй табличке, благодаря применению комбинированной группировки, действие остальных факторов выравнено и устранено, и мы имеем:

$$x - a = -0{,}15$$

Очевидно, влияние y и z, носящее прямой характер, перевешивает в эмпирической действительности влияние x, имеющего обратный характер, и хотя группировка произведена по x, а факторы y и z остаются скрытыми, тем не менее эти скрытые y и z,

а не поставленный в основу группировки x определяет характер коррелятивной связи данной эмпирической совокупности с величиною a. Так возникают ложные коррелятивные зависимости, — не по величине ложные, ибо все эмпирические коэффициенты корреляции не совпадают с аналитическими коэффициентами, — а по знаку, по характеру действия. В результате мы и получаем такие искаженные изображения действительной природы действия различных факторов на аренду, как например, обратное влияние размера хозяйственного имущества и числа работников в Вологском у. или прямое влияние, — да еще с каким высоким коэффициентом! — землевладения на аренду в Старобельском уезде.

Причинные отношения между элементами статистических совокупностей находят свое выражение в аналитических коэффициентах корреляции.

Поэтому, научный анализ каждого сложного явления, изучаемого посредством массового наблюдения, обязательно приводит к определению его корреляционных зависимостей.

Повидимому, наши бюджетные работники начинают осознавать все значение для них более совершенных, глубже проникающих способов анализа статистических рядов. По крайней мере в новом издании «Истории бюджетных исследований» А. В. Чаянова, в дополнении, написанном Г. Студенским, мы находим след. замечание: «Научная разработка бюджетов должна все больше обращаться к точным методам математической статистики и прежде всего к методу корреляции, ибо здесь лежит единственный путь к исчерпывающему количественному уразумению всех коррелятивных внутри и внехозяйственных связей в элементах крестьянского сельского хозяйства» *).

В добрый час!

Для построения научной теории крестьянского хозяйства у нас не хватает не материалов, а уменья подвергнуть существующие материалы научному анализу. Лишь применением более совершенных методов обработки и анализа статистических материалов мы можем преодолеть тот эмпиризм и суб'ективизм существующих концепций в области крестьянского хозяйства, на которые так красноречиво жалуется Н. Н. Черненков.

*) А. Чаянов и Г. Студенский, История бюджетных исследований, изд. 2-е, дополненное, 1922, стр. 124.

ГЛАВА I.

ВАЛОВОЙ ДОХОД КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Основною задачей бюджетных исследований, по определению Ф. А. Щербины, является точное и полное описание хозяйств, выбранных для изучения. Описание должно быть точным, т. е. каждое понятие должно употребляться в исследовании в одном определенном смысле, и все элементы хозяйства должны быть подвергнуты исчислению и измерению; оно должно быть полным, — т. е. должно охватить по возможности все элементы описываемых хозяйств, поддающиеся количественному определению, — 1) состав семьи, 2) состав имущества и 3) годичные приходы и расходы в денежной и натуральной формах *).

В бюджетах рабочих главный интерес представляет расходный бюджет, так как их доходный бюджет чрезвычайно прост: основную его массу составляет заработная плата, получаемая рабочими на фабриках, прочие же источники, — сдача комнат и углов, заработки жены и детей, дополнительные заработки отца семейства и т. п. — имеют лишь подсобное значение и по своей величине мало значительны. Напротив, в бюджетах крестьян центральное место занимает их доходный бюджет. Хотя хозяйство русского крестьянина и носит главным образом земледельческий характер, однако, значительную роль играют в нем также промысловые заработки. Всего в бюджетных исследованиях в нем учитывается более 25 составных частей, которые слагаются в след. схему.

На первое место мы должны поставить факторы производства, входящие в состав крестьянского хозяйства, — рабочую силу, землевладение и хозяйственное имущество. Но не все работоспособные члены семьи принимают участие в сельском хозяйстве крестьянского двора. Часть своих членов двор отпускает на сторону, в промысловые заработки, а недостающие рабочие силы принимает со стороны. В результате этой операции мы получаем число работников, занятых в

*) Ф. Щербина, Крестьянские бюджеты, 1900, стр. 71.

сельском хозяйстве крестьянского двора. Их участие в хозяйстве мы можем еще более уточнить, определив число дней, затраченное ими на сельскохозяйственные работы. Аналогичным изменениям подвергается и участок земли, находящийся в собственности крестьянского двора. В случае нужды, двор арендует и сдает землю. Поэтому наряду с землевладением мы различаем землепользование крестьянского двора, с его главными составными частями — площадью посева и покоса Проследить изменения в хозяйственном имуществе по бюджетным данным мы не можем, и ограничиваемся лишь выделением для отдельного учета главной составной части этого имущества, — количества скота, принадлежащего двору. Совокупность этих производственных моментов определяет годовой приход от сельского хозяйства; вычитая из этого прихода сельскохозяйственные расходы, мы получаем остаток, являющийся основною составною частью чистого дохода от сельского хозяйства, получаемого крестьянским двором. Другую составную часть этого чистого дохода составляет накопление (или прирост) хозяйственного имущества в течение года.

Доход крестьянской семьи не исчерпывается этим доходом от сельского хозяйства крестьянского двора. Другим источником ее дохода являются промысловые заработки. Крестьянская семья отпускает часть своих рабочих сил на заработки, затрачивая на них некоторое количество рабочих дней, и получая от них некоторый чистый доход. Чистый доход семьи, полученный от сельского хозяйства и промысловых заработков, более или менее определяет ея личные расходы; эти расходы находятся в некотором соответствии с личным имуществом семьи На эти личные расходы содержатся те члены семьи, которые проживали дома; часть членов ея могла жить и кормиться на стороне. Таким образом, начав нашу схему с производственных факторов, находящихся в распоряжении крестьянской семьи, мы кончаем ее потребительским моментом, — размером крестьянской семьи, числом в ней душ и едоков.

Некоторые из этих элементов крестьянского хозяйства, именно хозяйственное имущество, годовой приход от сельского хозяйства, доход от промысловых заработков, сельскохозяйственные расходы, в свою очередь распадаются на целый ряд составных частей.

Более или менее полно все основные элементы крестьянского хозяйства учтены в след, бюджетных исследованиях:

1) 230 бюджетах Воронежской губ., собранных в 1887 — 1896 гг. и обработанных Ф. А. Щербиною (Ф. А. Щербина, Крестьянские бюджеты, 1900 г.).

2) 632 бюдж. Вятского у, собр. в 1900 г. (Сборник материалов по оценке земель Вятской губ., т I, Вятский у.).

3) 727 бюдж. Орловского у., собр. в 1900 г. (Сборник материалов по оценке земель Вятской губ., т II. Орловский у.).

4) 628 бюдж. Слободского у, собр. в 1901 г. (Сборник материалов по оценке земель Вятской губ., т. III, Слободской у.).

5) 91 бюдж Тотемского у., собр. в 1903 г и обработанных К. Я. Воробьевым, В. М. Смирновым и Я. В. Бляхером. (Материалы для оценки земель Вологодской губ., т. III, Тотемский у.).

6) 136 бюдж. Вологодского у., собр. в 1905 г. и обраб. К. Я Воробьевым. (Материалы для оценки земель Вологодск. губ., т. II, Вологодский у.).

7) 102 бюдж. Вельского у., собранных в 1907 г. и обраб. И А. Сабанеевым. (Материалы для оценки земель Вологодской губ., т. IV, Вельский у.).

8) 243 бюдж. Кадниковского у., собр. в 1910 г. и обраб. Е. В Пашковским. (Материалы для оценки земель Вологодской губ, т. V, Кадниковский у.).

9) 92 бюдж. Новгородской губ., собр. в 1905 — 1912 гг. и обработанных В. К. Каниным. (Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губ., 1918 г).

10) 101 бюдж. Старобельского у., собр. в 1910 г. и обработанных А. В. Чаяновым. (Бюджеты крестьян Старобельского у., 1915).

11) 85 бюдж. Тамбовской губ., собр. в 1915 г. и обработанных А. Н. Челинцевым. (Таблицы к бюджетному исследованию крестьянских хозяйств Тамбовской губ. летом 1915 г.).

Подавляющее большинство описанных в этих исследованиях хозяйств представляют собою хозяйства обычного крестьянского типа, имеющие посев на полевой земле. Но некоторые бюджетные исследования захватили также и небольшое количество хозяйств без посева, обрабатывающих только небольшой огород. Таких безпосевных хозяйств описано:

в Воронежской губ.	— 6	Кадниковском у.	— 10.
Тотемском у	— 7.	Старобельском у.	— 10.

Эти хозяйства, как глубоко отличные по своему экономическому строению от обычного типа крестьянских хозяйств, мы исключили из нашей сводки.

Всеми этими бюджетными исследованиями мы могли воспользоваться для нашей работы далеко не в одинаковой мере. Те исследования, которые опубликованы в сводных групповых таблицах, очень мало дают для изучения крестьянского хозяйства. В области социальных явлений мы лишены возможности делать опыты; пользуясь единственно доступным нам методом наблюде-

ния, мы должны обладать полною свободою группировки и сопоставления материала, для всестороннего изучения связей интересующего нас явления с другими. Очевидно, этому требованию удовлетворяют лишь те бюджетные исследования, по которым опубликован первичный материал описания отдельных хозяйств. Эти бюджеты опубликованы полностью по Воронежской, Новгородской, Тамбовской губ. и Старобельскому у., сокращенно — по уездам Вологодской губ. Но воронежские бюджеты собирались в течение 10 лет, новгородские — в течение 8. Это обстоятельство чрезвычайно подрывает их ценность, так как малое хозяйство малоземельного крестьянина, описанное в год хорошего урожая и высоких цен, может показать более высокий годовой доход, чем зажиточное хозяйство среднего крестьянина, описанное в год неурожая или низких цен. Особенно тяжко должна была отразиться эта разновременность бюджетных исследований на воронежских бюджетах, часть которых была собрана до голодного 1891 г., а другая часть — после него. Кроме того бюджеты эти в значительной мере устарели. Поэтому, мы не сочли возможным включить их в основную сводку. Из уездов Вологодской губ. мы подвергли разработке только два крайних по своему географическому положению и экономическим условиям — Вологодский и Вельский.

Таким образом, настоящая работа основана на изучении и анализе 102 крестьянских хозяйств Вельского уезда, 136 — Вологодского у. и 92 — Новгородской губ. для нечерноземной полосы и 91 хозяйства Старобельского у., 85 — Тамбовской губ. для черноземного трехполья; Старобельский у., граничащий с Екатеринославской губ. и Донской обл, носит полустепной характер Все эти бюджеты были собраны в 1905 — 1915 гг.

Во всяком научном исследовании, опирающемся на статистические данные, одним из необходимых предварительных вопросов является вопрос об устойчивости полученных средних, о достаточности количества наблюдений для устранения влияния случайных обстоятельств. При пользовании данными бюджетных исследований вопрос этот имеет тем большее значение, что, благодаря сложности этих исследований, требующих от производящих их лиц особых знаний, и их дороговизне, бюджетные работы, как мы видели, дают в большинстве случаев описание очень ограниченного числа хозяйств.

Если бы мы имели в бюджетных исследованиях дело с описанием рядовых крестьянских хозяйств, число наблюдений, не превышающее 136, а в большинстве исследований падающее до 100 и даже 85, должно было бы быть признано явно недостаточным. Но при бюджетных исследованиях описываются не рядовые крестьянские хозяйства, а типичные для различных экономических групп населения, выбранные на основании данных предшествующего под-

ворного исследования из всей массы хозяйств губернии или уезда. При подобном выборе описываемых хозяйств, для получения устойчивых средних нужно гораздо меньшее число наблюдений и, как показывает сравнение бюджетных средних и их рядов в различных исследованиях, заключающееся в них число наблюдений достаточно велико и делает вполне возможной их научную обработку.

Несмотря на все старания земских статистиков дать в своих бюджетных исследованиях описание вполне типичных крестьянских хозяйств, описанные ими хозяйства несколько уклоняются от среднего уровня. Из самой природы бюджетного исследования вытекает неизбежность описания не средних хозяйств, а таких, во главе которых стоят более интеллигентные крестьяне; такие хозяева всегда предприимчивее, а, следовательно, и зажиточнее других, их хозяйства стоят выше среднего обычного уровня и в них более развиты денежные элементы, связь с рынком. На это явление обратил внимание уже Ф А Щербина в своей обработке бюджетов крестьян Воронежской губ. «Так как бюджеты, — говорит Ф. А. Щербина, — всегда составлялись по памяти, то не всякий хозяин был пригоден для этого рода работ. Люди, не привыкшие думать, размышлять, анализировать, считать и соображать, и тем более люди с ограниченными умственными способностями сильно замедляли работу, часто путались в показаниях, а иногда и просто заставляли статистика прекращать составление начатого бюджета. Нельзя, следовательно, было брать, что называется, по ряду крестьян, а требовалось выбирать наиболее толковых и смышленных из них. Такие лица заранее замечались или при переписях или при разных других статистических работах и вообще при расспросах». — «Что касается выбора самих хозяев или лиц, по хозяйствам которых составлялись бюджеты, то в этом отношении всегда испытывались более или менее серьезные затруднения. Тут нельзя было ограничиться одними количественными приэнаками, по которым хозяйство можно было отнести к той или иной группе, напр., средним составом семьи, числом душевых наделов, количеством скота, размерами посева, наличностью остатков или дефицита и т. п; но существенно важно было, чтобы лицо, дававшее показания, осмысленно относилось к предмету исследований, могло соображать, помнило важнейшие моменты в годовом обороте своего хозяйства и вообще отличалось известным умственным развитием, практической сметкой и здравым смыслом. Без этих качеств лица, дававшего показания, нельзя было удовлетворительно составить бюджет по хозяйствам крупным и сколько-нибудь сложным. Но и при составлении бюджетов по мелким хозяйствам по необходимости приходилось подбирать все таки хозяев наиболее смышленных и сообразительных, така как при этом условии легче велось составление

бюджета и получалось у составителя больше уверенности в правильности и точности сообщаемых сведений. Избежать этого было нельзя и придумать какие либо приемы, которыми устранялась бы необходимость иметь дело с наиболее толковыми и сведущими хозяевами, едва ли возможно Это было бы во всяком случае в ущерб исследованиям Лучше иметь дело со сведующими людьми, чем с малознайками и недоумками» *). Но хозяйство более смышленного крестьянина, привыкшего вести учет своему хозяйству и обладающего практической сметкой, при прочих равных условиях, всегда стоит выше хозяйства его менее толкового соседа. «При исследованиях по Воронежской губ. замечено было,— говорит Ф. А. Щербина в другой своей работе,—что выбор среднего типического хозяйства, несмотря на самое тщательное определение средних признаков, всегда почти давал в результате не средний для данной местности бюджет, а несколько выше среднего Дело в том, что при составлении бюджета выбираются обыкновенно наиболее разумные, бойкие и смышленные хозяева, хорошо ведущие хозяйство и превосходно понимающие весь механизм хозяйственных оборотов. Крестьяне, не удовлетворяющие этим условиям, очень тянут, замедляют и путают работу, а нередко дают совсем несообразные сведения. И вот, благодаря такому именно подбору бойких и смышленных хозяев, и бюджеты оказываются несколько выше средних, потому что эти «умственные» крестьяне, в силу своего превосходства, и сами работают производительнее других, и лошадей содержат поценнее, чем более неудачные их однообщественники, и зерна получают больше с одной и той же площади земли, и вообще с хозяйством справляются так, что в одних случаях умелое сокращение расходов, а в других своевременное извлечение приходов ставит их в более благоприятные условия, чем других представителей того же среднего типа хозяйства» **).

Эта необходимость опрашивать более развитых хозяев признается и другими исследователями.

Так, Е. В. Пашковский, разрабатывавший бюджеты по Кадниковскому уезду, замечает: «Необходимым условием сравнимости выводов по итогам бюджетного исследования с выводами по сплошной переписи является соблюдение пропорциональности между числом всех хозяйств группы и числом сделанных бюджетных описаний. Хотя при проектировании бюджетного исследования это условие и было поставлено, но выполнить его не удалось, и по группам безпосевных и малосеющих число описанных бюджетов оказалось в 2 — 3 раза меньшим, чем по группам круп-

*) Ф. А. Щербина, Крестьянские бюджеты, 1900, стр. 39, 80.

**) Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства, 1897, т. II, стр. 29 — 30.

ных посевщиков. Несоблюдение пропорциональности обуславливалось трудностью выбора среди беднейших групп населения развитых и сообразительных домохозяев, могущих справиться с такой сложной работой, каковой является составление бюджета»*) При бюджетном исследовании в Новгородской губ. «выбор домохозяина для составления бюджета был до некоторой степени случайным, так как статистик не руководствовался при этом никакими об'ективными данными, но он не был и механическим; а раз он не был механическим, то внимание статистика останавливалось на домохозяине, который так или иначе обратил его вниманне своими индивидуальными особенностями и в результате для бюджета брался домохозяин наиболее толковый и развитой; а наиболее толковый ..при одних и тех же средствах и размерах хозяйства может извлечь больше, чем менее толковый, и следовательно получался неизбежный отбор хозяйств выше среднего, если не по об'ективным данным, то по своей индивидуальности»**). При полубюджетном обследовании льноводных хозяйств Волоколамского у Московской губ также пришлось опрашивать главным образом развитых и толковых крестьян. «При больших посевах льна в 20 — 25 мер и более, — пишет статистик Б. А. Фидлер, когда лен сеялся не только на своей земле, но и на арендованной у помещика подесятинно и у крестьян полосами в разных местах, когда часто нанимают для помощи убирать и обрабатывать лен, тогда всегда приходится много соображать при подсчете количества затраченного времени на культуру льна и стоимости его производства. Поэтому в этом раионе, расспрося двух толковых крестьян, не всегда удавалось найти третьего. «Таких мужичков, с которыми поговорить можно, у нас больше нет, — говорили крестьяне, — лучше не спрашивай, все равно только напутают, да и время зря потеряешь». И действительно, не со всяким крестьянином можно было справиться при нашей большой программе обследования»***). Эта необходимость вести опрос главным образом наиболее интеллигентных крестьян привела к тому, что обследованные хозяйства оказались выше среднего уровня, как по хозяйственному достатку, так, главным образом, по способу вести хозяйство****).

Таким образом, не может быть сомнения в том, что в бюджетных исследованиях мы имеем описание крестьянских хозяйств

---

*) Материалы для оценки земель Вологодской губ., т V, Кадниковский уезд, вып. II, стр. 185 — 186.

**) Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губ. 1918 г., стр. 4.

***) А. Чаянов, Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. Вып. I, Волоколамский у. 1912 г., стр. XX.

****) Там же, стр XXI.

не средних для каждой экономической группы, а несколько выше среднего уровня. Это нужно помнить каждый раз, когда средние бюджетных исследований распространяются на всю массу крестьянских хозяйств. Но, само собою разумеется, обстоятельство это нисколько не мешает пользоваться бюджетными исследованиями для изучения строения крестьяского хозяйства и соотношения составляющих его элементов.

Основною величиной в бюджетных исследованиях является валовой доход крестьянского хозяйства. В большинстве бюджетных таблиц мы находим графу «валовой натуральный доход от всего хозяйства», «всего годового дохода», «итого поступило в бюджетном году», «годовой приход в рублях», «приход хозяйства в рублях»

Исследователи крестьянских бюджетов обычно берут цифру, стоящую в этой графе, и принимают, что она точно выражает действительный валовой доход крестьянского хозяйства.

Между тем величина эта весьма существенно расходится с настоящим его валовым доходом. Валовым доходом называется сумма всех материальных ценностей, произведенных в течение года в хозяйстве, без вычета хозяйственных расходов, которые нужно было произвести для их получения. Сумма эта складывается из двух слагаемых, — всех продуктов, произведенных в хозяйстве в течение года, хлеба, льна, молока и т. п., и годового прироста ценности его хозяйственного имущества — в земле, постройках, в скоте и мертвом инвентаре.

Чтобы учесть прирост ценности хозяйственного имущества в течение года, необходимо иметь опись или реестр этого имущества к началу и концу бюджетного года. В бюджетных исследованиях дается только одна опись имущества, — к концу года. Таким образом, в наших бюджетных исследованиях эта составная часть валового дохода совершенно не учитывается. Под валовым доходом разумеется в них исключительно сумма продуктов, произведенная в течение года в хозяйстве, т. е. поступления по счету продуктов своего хозяйства.

Поэтому, эту величину следовало бы назвать не валовым доходом от сельского хозяйства, а годовым приходом его. Но так как накопление хозяйственного имущества не учитывается в бюджетных исследованиях, то мы вынуждены в дальнейшем оперировать с этою величиною, как приближенно выражающею валовой доход крестьянского хозяйства. При бюджетном учете этой величины мы встречаем следующие трудности:

1) При бюджетных исследованиях статистики обычно исходят из предположения, что описываемое ими хозяйство представляет организованное целое, управляемое одним хозяином и имеющее одну кассу. На самом деле это далеко не так. В большинстве местностей России продукты женского хозяйства, — масло, сме-

тана, яйца, лук, полотно, рукоделье и т. п., — являются предметом «бабьей коммерции» и выручка от них поступает в распоряжение женской половины семьи на наряды и прочие «бабьи» расходы. Точно так же и заработки от поденных работ часто не поступают в кассу семьи, а остаются на руках у ходившего на работу ея члена. Как правильно замечает А. В. Чаянов, «в крестьянской семье нет единства кассы, и очень часто отдельные члены семьи, помимо своих личных расходов, имеют еще и свои доходы, которые не сливаются с общехозяйственными, так во многих районах, где льноводство не имеет промышленного характера, лен представляет собою специально «бабью» статью дохода, то же можно отметить по поводу огорода, кур и промыслов для других членов семьи. А так как опрос обращен обычно к хозяину, в присутствии которого хозяйка склонна скрывать некоторые свои специальные доходы, — то возможны весьма значительные упущения» *). В Тамбовских бюджетах, как констатирует А. Н. Челинцев, учет дохода по птицеводству оказался неполным, — «цифры оказались ниже действительных; причина в несовершенстве опроса специально по птицеводству: опрашивались хозяева — мужчины, яичное хозяйство в большинстве случаев велось «бабами», коих подвергать опросу дополнительно удавалось редко» **).

2) Основное правило при учете производительности как народного хозяйства в целом, так и каждого частного хозяйства состоит в том, что учету подлежат все без исключения материальные ценности, производимые в хозяйстве, при чем каждая хозяйственная ценность должна учитываться только однажды. Вторая часть этого правила имеет в виду предупредить включение в сумму валового производства ценности сырых материалов и полупродуктов, подвергаемых дальнейшей обработке в том же хозяйстве и ценность которых, следовательно, обязательно будет учтена в ценности какого либо другого, готового продукта.

В обрабатывающей промышленности недопустимость подобного включения особенно наглядна. Возьмем, напр., обработку хлопка. Из хлопка производится пряжа, продающаяся на бумаготкацкие фабрики; сырой миткаль поступает затем на отделочные и ситценабивные фабрики. Таким образом, если бы мы считали не только готовый продукт, но и сырой материал и полупродукты, производительность хлопчатобумажной промышленности выразилась бы суммой ценностей хлопка — хлопчатобумажной пряжи — хлопчатобумажных сырых тканей — окрашенных

*) А. Чаянов, Лен и другие культуры, вып I, Волоколамский у, стр. XXXIX.

**) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства. Тамбовской губ, 1919 г стр. 599 — 600.

готовых тканей. Такой счет, очевидно, совершенно неверен, ибо в нем ценность хлопка учитывается 4 раза, ценность прядения — 3 раза, тканья — 2 раза; в действительности вся производительность хлопчатобумажной промышленности в целом, включая в нее и производство хлопка, равняется ценности готовых окрашенных хлопчатобумажных тканей.

Аналогичные материалы и полупродукты, служащие для производства других продуктов, на которые и переносится полностью их ценность, имеются и в хозяйстве крестьянина. Напр., ценность навоза целиком переносится на собираемые с полей хлеба и торгово-технические растения; ценность зерна, соломы, мякины, сена и продуктов огородничества и бахчеводства, скармливаемых скоту в собственном хозяйстве, переносится на скот и его продукты. Также переносится на другие продукты и ценность работы лошадей. При учете производительности каждого сельского хозяйства в целом это самоочевидно; но при разделении хозяйства на отдельные отрасли и их самостоятельном учете эти материалы и полупродукты, являясь окончательными продуктами данной отрасли хозяйства, включаются в учет ея производительности и затем, при взгляде на хозяйство, как на простую сумму отдельных его отраслей, входят и в состав его валового дохода.

Мы должны признать, что подобный учет валового дохода сельского хозяйства неправилен, преувеличен. Все подобные материалы и полупродукты должны быть исключены из суммы его валовой производительности, иначе их ценность будет учтена дважды. На это обстоятельство обратил внимание уже К. Я. Воробьев в своей разработке бюджетов крестьян Вологодского у. «В виду того, — говорит он, — что крестьянское хозяйство в целом заключает в себе две главные сельскохозяйственные отрасли: земледелие и скотоводство, из которых вторая потребляет продукты первой, в нашем бюджетном учете некоторые статьи доходов повторились два раза, увеличив вследствие такого, чисто бухгалтерского приема, общие обороты хозяйства. В самом деле, продукты луговодства и, отчасти, полеводства, скармливаемые скоту в собственном хозяйстве крестьянина, в бюджетном учете фигурируют сперва как доход от названных отраслей земледельческого хозяйства, а затем, после переработки их в организме продуктивного скота, уже в качестве дохода от скотоводства. При таком способе рассмотрения крестьянского бюджета хозяйство крестьянина расчленяется на два предприятия: земледельческое и скотоводческое; по каждому из них производится учет всех приходо-расходов, а результат выводится общий, суммирующий результаты того и другого предприятия. Практически это ведет к тому, что стоимость продуктов земледелия, идущих в корм скоту (соломы, сена и др. корма) записывается сперва на приход земледельческому хозяйству, а затем та же сумма списывается в рас-

ход по скотоводству. Выходит как будто, что крестьянин эти продукты продает самому себе. Ясно, что такой бюджетный учет может определить результаты каждой из сельскохозяйственных отраслей в отдельности, но не дает верного представления о размерах тех средств, которые получаются крестьянином из своего сельского хозяйства в целом. Чтобы ответить на этот последний вопрос, необходимо повторные доходы хозяйства, или — вернее — стоимость земледельческих продуктов, перерабатываемых в скотоводческом хозяйстве (корм и подстилка для скота), исключить из годового оборота крестьянского хозяйства. После такого исключения, получим ясный и определенный ответ на вопрос: что дает крестьянину... его сельскохозяйственное предприятие» *)

Кл. Я. Воробьев совершенно забыл о существовании продукта скотоводства, перерабатываемого в земледелии, — о навозе. Исключив из учета валового дохода крестьянского хозяйства сено и солому, он оставил в этом учете навоз. Это — явная ошибка. Ее исправил Е. В. Пашковский в своей разработке Кадниковских бюджетов, но перегнул при этом палку в другую сторону. По мнению Е. В. Пашковского, «при учете доходов-расходов в земледельческом хозяйстве спорным вопросом является учет переходящих продуктов, производство которых не является самостоятельной задачей хозяйства, а служит всецело нуждам отдельной отрасли; таковыми продуктами являются семена, солома и мякина в полеводстве, все почти сено в луговодстве, навоз и обрат в скотоводстве, лесные материалы, идущие на ремонт сельскохозяйственных построек и изгородей и на отопление овинов. Включение переходящих продуктов в приход и расход по хозяйству ведет к искусственному повышению оборота; при разделении же приходов на части — натуральную и денежную — такое увеличение натуральной части оборота дает совершенно неправильное представление о взаимоотношении этих частей. Но при самостоятельном рассмотрении отдельных отраслей хозяйства исключение переходящих продуктов совершенно невозможно, ибо ведет к крайнему умалению, а иногда и к полному исключению из расчетов весьма существенных отраслей хозяйства, (напр. луговодства)» **).

Учитывать или не учитывать семена — это вопрос учета дохода от полеводства, точно так же, как учет или неучет обрата — касается исключительно дохода от скотоводства. Правильная постановка учета обеих отраслей крестьянского хозяйства требует

---

*) Материалы для оценки земель Вологодской губ., т. II. Вологодский уезд, вып. II, 1907, стр. 235; ср. также т. III, Тотемский у., вып. II, стр. 227.

**) Там же, т. V: Кадниковский у., вып II. стр 193

учета семян, но не обрата, скармливаемого скоту, ценность которого целиком переносится на ценность производимого в хозяйстве молока и мяса. Здесь нет того различия между учетом отдельных отраслей хозяйства и хозяйственного целого, с которым мы имеем дело, когда говорим об учете навоза, или сена, или соломы. Поэтому, Е. В. Пашковский совершенно напрасно так расширил число полупродуктов или «переходящих» в другую отрасль хозяйства продуктов. Что касается лесных материалов, то поскольку они представляют собою окончательный расход хозяйства на сельскохозяйственные постройки и изгороди, — часть хозяйственного имущества, — они обязательно подлежат учету; расход дров и хвороста на топку овинов, напротив, носит оборотный характер и учету в валовом доходе хозяйства в целом не подлежит.

Таким образом, из валового дохода отдельных отраслей хозяйства, при определении валового дохода всего хозяйства в целом, мы считаем нужным исключить навоз и работу лошадей, поскольку они не отчуждаются хозяйством на сторону, продукты собственного хозяйства скармливаемые скоту, а также дрова и хворост, идущие на топку овинов *).

Такое устранение из валового дохода стоимости материалов и полу-продуктов дает еще ту выгоду, что мы избегаем оценки нерыночных продуктов, — оценки, представляющей чрезвычайные трудности. Рыночными продуктами называются такие, которые могут быть проданы в любое время в любом количестве; цена их известна на каждом рынке. Нерыночные продукты, напротив, только случайно выносятся или совсем не появляются на рынке; цена их на рынках не устанавливается. При производстве этих продуктов имеется в виду не внешний спрос, а потребность собственного хозяйства; часто они являются второстепенными спутниками или даже отбросами при производстве. Поэтому оценка этих нерыночных продуктов, не находящая твердой опоры в рыночных ценах, всегда является произвольной.

К сожалению, в вологодских и вельских бюджетах это исключение может быть точно проведено только в сводных таблицах. Индивидуальные бюджеты опубликованы в таком виде, что в них удаление некоторых статей можно провести только приблизи-

*) В моей книге «Сельскохозяйственная кооперация и бюджет крестьянского хозяйства» (Москва, 1922) я вынужден был пользоваться общепринятым в русской бюджетной литературе способом исчисления валового дохода. В работе, посвященной вопросам кооперации, я не мог входить в обсуждение специальных вопросов бюджетной статистики. В следующем издании цифры будут мною исправлены.

тельно. Техника принятого нами способа указана в примечании *).

3) Неправильно учитывается в бюджетных исследованиях и доход от земельной аренды. Существуют четыре формы аренды: за деньги, за отработки, из части продукта и смешанная. При денежной форме учет прост: сбор с арендуемой земли включается в общий доход хозяйства от земледелия, денежная плата в число сельскохозяйственных расходов При отработочной форме аренды нужно было бы ввести в учете сельскохозяйственных расходов особую графу — арендная плата отработками. Наконец, при издельной аренде весь сбор с арендуемой земли следовало бы поставить, по аналогии с денежной арендой, в доход, а отдаваемую землевладельцу долю урожая — в расход, как арендную плату натурой. Таким образом, весь сбор с арендуемой земли, какова бы ни была форма аренды, должен быть включен в доход крестьянского хозяйства, в расходном бюджете статья арендная плата должна заключать в себе три графы: деньгами, натурой и отработками.

Несмотря на широкое распространение издольной аренды на черноземе, в воронежских, старобельских и тамбовских бюджетах учтена только денежная арендная плата. Мы подозреваем поэтому, что при издольной аренде часть урожая, отдаваемая владельцу, не включена в валовой доход крестьянского хозяйства

4) Мы уже указывали, что правильная постановка бюджетного исследования требует полного учета всех ценностей, произведенных в хозяйстве, как бы малы они не были. Но мелкие приходо-расходные статьи крестьянского хозяйства чрезвычайно трудно поддаются учету. По словам участников костромских бюджетных исследований «все дело шло хорошо, пока не дошли до вопросов о стоимости 11-летнего ухвата и 5-летней рубахи,

---

*) В этих бюджетах нельзя выделить расход на покупные удобрения; за незначительностью этой суммы мы приняли, что весь расход на удобрение носит натуральный характер и подлежит вычету. Затем, в индивидуальных бюджетах не проведен расход на топку овинов. Мы распределили расход по этой статье, общая сумма которого указана в сводной таблице, пропорционально площади посева, — конечно только для тех дворов, у которых есть свой лес. — Затем, для получения приближающейся к действительности цифры сельскохозяйственных расходов из их величины, указанной в индивидуальных бюджетах, надобно вычесть: 1) расходы на промышленные заведения и инвентарь, распределив их пропорционально доходам от торговых и промышленных предприятий; 2) засыпку в хлебозапасные магазины, отдачу продуктов в заем, пропажу хлебных растений — распределенные пропорционально общей сумме сельскохозяйственных расходов.

когда крестьяне не только отказывались давать сведения по этим графам, но и вообще отказывались от дальнейших разговоров. — «Да пиши, что хочешь, и уходи с Богом», говорили они статистику» *). Нужно определенно признать, что в бюджетном исследовании нельзя учесть подобные мелочи. Но во многих исследованиях пропущены гораздо более крупные статьи Так, в воронежских и тамбовских бюджетах совершенно не учтен доход от леса, хотя среди воронежских хозяйств 18 имело от 0,51 — 1,0 дес. леса, 14 от 1,01 до 2,0 д. и 5 — более 2 десятин; среди тамбовских — 5 хозяйств имело от 0,51 до 1,0 дес. и 4 — более 1 дес. Затем, в тамбовских бюджетах валовой доход от земледелия опубликован в таких суммарных цифрах, что в нем невозможно выделить доход от луговодства и огородничества, а доход от полеводства подразделить на доход от зерновых хлебов и торгово-технических растений. В старобельских бюджетах на описание усадебного хозяйства уделено 92 графы, а на описание полевого хозяйства — всего 35 граф, и доход от зерновых хлебов не может быть отделен от дохода от торгово-технических растений, расход же семян на посев не учтен в таблицах вовсе. Денежный доход от продуктов скотоводства и птицеводства показан также суммарно и не сходится с данными о производстве и потреблении этих продуктов

Таковы недостатки учета валового дохода крестьянского хозяйства в наших бюджетных исследованиях. Они очень досадны Тем более, что при надлежащей постановке работ их устранение не представит особых трудностей. Но хорошо уже и то, что они не уничтожают познавательной ценности бюджетных материалов. Мы должны утешаться след. замечанием Баули: «статистика отличается от арифметики тем, что в то время, как арифметика оперирует с точными величинами, статистика имеет дело с оценками, иногда довольно правильными, часто достаточно правильными для ея целей, но никогда не достигающими математической точности»**). Как мы увидим ниже, анализ бюджетных материалов, несмотря на все их дефекты, дает нам возможность проникнуть в экономику крестьянского хозяйства глубже, во всяком случае, чем это позволяют материалы подворных переписей.

Основною проблемою при изучении производительности крестьянского хозяйства является определение меры действия на его валовой доход различных факторов производства. Поэтому мы должны начать наш анализ с самой краткой характеристики размеров землевладения, рабочей силы и хозяйственного имуще-

*) Вопросы организации сельского хозяйства, 1912, стр. 90.

**) A. L. Bowley, Elements of Statistics, 3-d ed., 1907, стр. 3.

ства, которыми располагают подвергшиеся бюджетному обследованию крестьянские хозяйства.

По размерам землевладения хозяйства, с которыми мы будем далее оперировать, группируются следующим образом:

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов	Старобельск.
до 3,0 дес.	1	4	—	2	—
3,1 — 6,0	3	26	5	30	14
6,1 — 9,0	16	19	13	27	17
9,1 — 12,0	14	25	12	9	15
12,1 — 15,0	16	17	13	11	13
15,1 — 20,0	15	15	14	3	14
20,1 — 30,0	18	16	17	1	12
более 30,0	19	14	18	2	6
Всего	102	136	92	85	91

Мы не можем быть уверены в том, что настоящая группировка точно отображает группировку по размерам землевладения всех крестьянских хозяйств обследованных территорий. Поэтому, на этой стороне дела мы останавливаться не будем. Нас интересует другой вопрос: каково отношение между собою отдельных факторов производства в крестьянском хозяйстве? Чтобы уяснить это отношение, мы должны прежде всего познакомиться с их абсолютною величиною. По числу работников в семье *) мы получаем след. группировку:

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов	Старобельск
до 1,0 работн.	—	2	—	—	1
1,1 — 2,0	25	42	12	10	21
2,1 — 3,0	18	37	22	14	19
3,1 — 4,0	21	28	22	26	19
4,1 — 5,0	19	15	17	14	13
5,1 — 6,0	11	9	13	13	5
6,1 — 7,0	5	3	5	4	8
более 7	3	—	1	4	5
Всего	102	136	92	85	91

Наконец, по величине хозяйственного имущества, т. е. стоимости скота ,мертвого инвентаря и построек, обследованные в бюджетном отношении хозяйства дают след. таблицу:

*) Способ исчисления работников и едоков будет разобран ниже.

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов	Старобельск
до 250,0 руб.	29	19	8	3	9
250,1 — 500,0	43	38	32	11	19
500,1 — 750,0	14	37	22	20	10
750,1 — 1000,0	9	16	9	20	14
1000,1 — 1500,0	4	19	13	20	18
1500,1 — 2000,0	3	4	8	8	11
более 2000,0	—	3	—	3	10
Всего	102	136	92	85	91

Как мы видим из этих таблиц, по своему обеспечению землею, хозяйственным имуществом и рабочими силами крестьянские хозяйства далеко не однородны и не однотипичны. Давно замечено, что с ростом одного из факторов в крестьянском хозяйстве, напр, землевладения, растут и другие два, число работников в семье и ее хозяйственное имущество. Но мы не можем довольствоваться установлением одного лишь направления в развитии факторов производства, а должны попытаться измерить тесноту связи между ними

Если бы мы имели дело с явлениями простого строения, в которых причины действуют раздельно, для определения зависимости между интересующими нас факторами производства достаточно было бы установить коэффициенты роста (или регрессии) каждого фактора в зависимости от других. Но крестьянское хозяйство представляет собою явление сложного строения, и различные причины влияют на него не раздельно, а слитно; именно поэтому мы не довольствуемся индивидуальными наблюдениями этого хозяйства, а подвергаем его статистическому изучению. При исследовании статистических рядов коэффициенты регрессии, на которые оказывают сильное влияние размеры масштабных единиц, уже недостаточны и мы должны прибегнуть к определению меры корреляционной связи между ними. Коэффициенты корреляции между интересующими нас величинами дают след. табличку:

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов	Староб.
Землевладение — хоз. имущество	0,33	0,66	0,47	0,51	0,79
Хоз имущество — работники	0,37	0,34	0,36	0,35	0,61
Землевладение — работники	0,24	0,30	0,23	0,30	0,58

Такова мера связи между факторами производства в крестьянском хозяйстве. Как оказывается, мера эта очень различна. В

большинстве губерний между землевладением и хозяйственным имуществом связь значительно теснее, чем между этими материальными факторами и живою рабочею силою крестьянского двора. Затем в разных губерниях корреляционные связи между одними и теми же факторами дают сильно изменяющиеся коэффициенты, — что указывает на глубокое различие в строении крестьянского хозяйства в этих губерниях Вопрос этот заслуживает самого тщательного изучения.

После этого краткого ознакомления с факторами крестьянского хозяйства мы можем перейти к изучению его производительности.

Познакомимся прежде всего с размерами валового дохода крестьянского хозяйства различных губерний. Группируя дворы по величине получаемого ими валового дохода от сельского хозяйства, мы получаем следующую табличку их распределения:

	Вельск	Волог	Новгор.	Тамбов.	Староб.
до 200,0 руб.	47	77	28	3	9
200,1 — 400,0	45	50	47	24	19
400,1 — 600,0	10	6	12	19	15
600,1 — 800,0	—	2	2	19	13
800,1 — 1000,0	—	1	—	10	7
1000,1 — 1500,0	—	—	3	9	17
1500,1 — 2000,0	—	—	—	—	6
более 2000,0	—	—	—	1	5
Всего	102	136	92	85	91

Очевидно, черноземное крестьянство значительно богаче северного. Но если мы в основу группировки положим не размер валового дохода, а посев, то найдем, что величина валового дохода на хозяйство след образом растет с ростом посевной площади:

	Вельск	Волог	Новгор.	Тамбов.	Староб.
Сеющие до 1,0 дес	108,7	93,7	155,4	—	175,2
1,1 — 2,0	134,2	173,4	156,8	385,9	181,2
2,1 — 3,0	195,3	217,3	249,0	279,0	248,6
3,1 — 4,0	240,0	285,0	326,2	438,7	364,6
4,1 — 6,0	325,0	379,0	465,0	558,7	421,4
6,1 — 10,0	430,6	574,5	484,0	715,5	584,7
10,1 — 20,0	—	710,4	872,0	1047,2	1027,6
более 20,0	—	—	—	3508,0	1805,1
Всего	227,5	221,6	305,1	633,4	806,9

Таким образом, причина большей доходности южного крестьянского хозяйства кроется не столько в большей урожайности

посевов на южном черноземе по сравнению с северными суглинками и подзолами, сколько в более высокой распаханности крестьянских земель и более значительных размерах посева на хозяйство.

Вопрос о моментах, определяющих размеры годовой производительности крестьянского хозяйства, заслуживает самого серьезного внимания, и мы не можем ограничиться в его анализе приводимой выше группировкой по посеву. Нам нужно выяснить этот вопрос всесторонне. Попытаемся поэтому проследить действие на эту производительность всех тех экономических моментов, влияние которых можно предполагать a priori или на значение которых указывалось в экономической литературе. Само собою разумеется, мы должны прежде всего начать с факторов крестьянского хозяйства, определяющих экономическую силу крестьянского двора, и их составных частей — землевладения, землепользования, посева, работников, хозяйственного имущества, количества скота и т. д.; затем мы должны ввести и потребительные моменты, количество едоков в семье и отношение числа едоков к числу работников На значение последнего момента первый обратил внимание кн А. И. Васильчиков [*]), в последнее же время на нем усиленно настаивали А. В. Чаянов и А. Н. Челинцев. Мера коррелятивной связи валового дохода крестьянского двора со всеми этими моментами выражается в след. коэффициентах [**]):

	Вельск	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Староб
Землевладение	0,50	0,69	0,63	0,54	0,78
землепользование .	0,55	0,69	0,61	0,86	0,90
посев .	0,82	0,77	0,73	0,83	0,93
покос . .	0,65	0,60	0,51	0,32	0,45
хоз. имущество	0,68	0,66	0,82	0,66	0,86
стоим. построек	0,59	0,48	0,77	0,31	0,66
" мертв. инвент	0,63	0,66	0,58	0,73	0,85
" скота .	0,82	0,71	0,81	0,77	0,83

*) Сельский быт и сельское хозяйство в России, 1881, стр, 37—39.

**) Предварительные итоги по Вологодскому и Старобельскому уездам были мною уже опубликованы в статье «Производительность крестьянского хозяйства по данным бюджетных исследований», помещенной в № 9 «Записок Русского Экономического Общества в Лондоне», 1923 г. При окончательной проверке цифры подверглись некоторым небольшим изменениям, не изменяющим их смысл и значение.

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Староб.
всего шт. скота*) .	0,74	0,73	0,69	0,67	0,81
коровы	0,71	0,72	0,69	0,34	0,61
раб. скот .	0,65	0,45	0,37	0,42	0,78
работники . .	0,44	0,40	0,42	0,52	0,63
работн. в сел. хоз. .	0,43	0,53	—	—	—
едоки	0,49	0,40	0,42	0,56	0,64
едоки / работники .	0,02	0,04	—0,10	±0,004	0,01

Таблица показывает прежде всего, что факторы производства оказывают на величину валового дохода (точней, годовой приход хозяйства) гораздо большее влияние, чем моменты потребитель-

*) Для каждого исчисления нужна счетная единица. В Самарской, Саратовской и Таврической губ. такою единицей при учете скота является голова крупного рогатого скота, наз. «черед»; по стоимости содержания или потребительной силе за черед принимается одна лошадь = 6 овец = 2 телят старше одного года. Этим исчислением крестьяне пользуются как при регулировании летнего выпаса, так и при разверстке снимаемых сенокосов. В нормах подобного приравнивания или перевода всегда заключается много произвольного. Большою популярностью пользуется норма, указываемая в «Настольной книге для русских сельских хозяев» Баталина, 1892 г., — по которой одна штука крупного рогатого скота приравнивается 10 овцам и 4 свиньям. По А. Ф. Фортунатову «при определении общего количества скота за единицу сравнения обыкновенно принимается рогатый скот. При этом либо не обращают внимания на различие видов по возрастному составу, и тогда принимают, что 1 голова рогатого скота = $^2/_3$ лошади = 10 овцам = 4 свиньям; либо исходят от среднего живого веса взрослой особи рогатого скота, и ее называют штукою крупного скота. Эта штука равна одной лошади = 2 жеребятам = 2 бычкам или нетелям = 4 телятам = 10 овцам старше двух лет, 20 овцам моложе 2 лет = 4 свиньям = 10 поросятам. Мы решились бы назвать самою удобною для практических оценочных исчислений формою перевода — перевод по ценности». (Несколько страниц из экономии и статистики сельского хозяйства, изд. 3-е, 1913, стр. 44—45). В вологодских бюджетах приняты следующие нормы: лошадь рабочая, корова, бык = 1,0; лошадь — подросток, телка и бычек старше 1 года = 0,5; телята и жеребята до одного года, овцы и свиньи = 0,2. В тамбовских бюджетах взяты вологодские нормы. В новгородских бюджетах телята, жеребята, овцы, ягнята, свиньи, поросята приняты = 0,1; для перевода скота в старобельских бюджетах мы приняли вологодские нормы, с одним дополнением: ягнята и поросята = 0,1. При определении числа голов рабочего скота 3 вола, как это принято в новороссийских губ., приравниваются двум лошадям.

ного характера, число едоков и величина нагрузки работников едоками Последний момент дает такие ничтожные коэффициенты, и притом с различными знаками, что трудно вообще говорить о существование постоянной корреляти́вной связи между этим моментом и валовым доходом. Само собою разумеется, что между валовым доходом и числом едоков должна быть некоторая и при том значительная корреляти́вная связь. Во первых, число едоков в семье находится в тесной корреляти́вной связи с числом работников. Во вторых, если число едоков и не оказывает прямого влияния на величину валового дохода, то оно в значительной мере зависит от этой величины, ибо валовой доход от сельского хозяйства определяет величину его чистого дохода, являющагося основной частью потребительного бюджета крестьянской семьи, который находится в очень тесной корреляти́вной связи с размерами семьи, т. е. с числом в ней едоков

Из производительных факторов наибольшее влияние оказывают посев и землепользование — меньшее влияние имеет землевладение, особенно в районе больших аренд, в Тамбовской губ. и Старобельском у ; еще менее значительное — величина сенокосных угодий. Высокая корреляти́вная связь валового дохода крестьянского хозяйства с площадью посева и землепользования представляет собою отраженье той технической связи, которая существует между площадью посева и количеством сельскохозяйственных продуктов, полученных в хозяйстве. Мы имеем здесь дело с различными выражениями одного и того же явления — — об'ема сельско-хозяйственной деятельности крестьянской семьи. За земельным фактором, по своим размерам, идет хозяйственное имущество, в составе которого более активная часть, скот и мертвый инвентарь, дают в большинстве губерний значительно более высокие коэффициенты корреляции, чем более пассивная часть, постройки Размер построек отражает на себе в значительной мере не современное, а прошлое состояние хозяйства крестьянского двора. Влияние скота на валовой доход также базируется на технических моментах. Исчисление скота по ценности или в переводе на голову крупного скота дает очень близкие коэффициенты, что свидетельствует о полной практической пригодности принятых норм перевода. В нечерноземном хозяйстве коровы дают более высокий коэффициент корреляции, чем лошади; напротив, в черноземном хозяйстве, с слабым развитием молочного скотоводства, более высокий коэффициент связи дает рабочий скот. Наконец, наименьшую корреляти́вную связь с величиною валового дохода от сельского хозяйства обнаруживают рабочие силы семьи. Об'ясняется это явление отчасти тем, что значительная часть этих сил занята вне собственного сельского хозяйства, в промысловых заработках. Но даже если мы возьмем не всех работников в семье, а только занятых в сель-

ском хозяйстве (вместе с принанимаемыми со стороны для работ в этом хозяйстве), — как это сделано во Вельскому и Вологодскому у. у., — то и тогда мы получим более слабую коррелятивную зависимость, чем от землепользования и хозяйственного имущества.

Как показывает наша таблица, получившие столь широкое распространение в земской статистике группировки по землепользованию, посеву и скоту наиболее отвечают существу дела. Менее удачны группировки по работникам, землевладению и по рабочему скоту в нечерноземных губерниях Поэтому мы должны отвергнуть вывод А. А. Чупрова о преимуществах группировки по наделу над группировкой по посеву*), и внести поправку в пользующееся такой популярностью заключение Н. Н. Черненкова, что «наиболее целесообразными признаками для групповых делений крестьянских хозяйств, — поскольку они рассматриваются как хозяйства земледельческие, — должны, повидимому, считаться количество рабочего скота и размеры посевной площади: оба эти признака наиболее точно и наиболее полно выражают собою об'ем и положение земледельческого производства в каждом дворе (при достаточном сходстве других условий) и преимущества которого либо одного из них, по сравнению с другим, представляются весьма спорными»**). Н. Н. Черненков переценил значение рабочего скота, особенно в нечерноземных губ. Еще менее удовлетворительна группировка по числу едоков, и ничего не может дать группировка по отношению числа едоков к числу работников.

Итак, определение величины коррелятивной зависимости валового дохода от различных факторов производства устанавливает известную градацию в размерах их влияния в таком порядке: первое место занимает землепользование, второе — хозяйственное имущество и последнее — работники.

Мы не можем, однако, ограничиться результатами нашего анализа. Ведь в статистических данных мы всегда имеем дело со слиянием действия многих причин, поэтому, при группировке по какому либо признаку, напр. землевладению, мы имеем величину валового дохода, отвечающую не только величине землевладения, названной в таблице, но и не названным в ней, скрыто действующим другим факторам, хозяйственному имуществу и работникам. Очевидно, чтобы получить действительную меру действия размеров землевладения на величину валового дохода, мы должны устранить изменяющее это действие влияние скрытно действую-

*) Известия СПБ. Политехнического Института, т. I, вып. 1—2, 1904, стр. 100.

**) Н. Черненков. К характеристике крестьянского хозяйства, вып. I, изд. 2, 1918, стр. 112.

щих других факторов. Этот результат мы легко можем достичь применением комбинационных таблиц.

Как мы видели выше, мера эмпирической коррелятивной связи валового дохода крестьянского двора с его производственными факторами выражается в след. коэффициентах:

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов	Староб.
землевладение .	0,50	0,69	0,63	0,54	0,78
работники	0,44	0,40	0,42	0,52	0,63
хозяйств. имущество	0,68	0,66	0,82	0,66	0,86

При выделении действия каждого отдельного фактора с помощью комбинационной таблицы мы получаем след. аналитические коэффициенты корреляции валового дохода от сельского хозяйства с отдельными производственными факторами:

	Вельск	Волог.	Новгор	Тамбов.	Староб.
землевладение .	0,33	0,34	0,42	0,14	0,28
работники . .	0,15	0,08	0,13	0,16	0,37
хозяйств. имущество . . .	0,56	0,33	0,69	0,49	0,64

Итак, наибольшее действие на величину валового дохода оказывает количество хозяйственного имущества, накопленных крестьянским двором материальных ценностей, произведенных его же трудом, наименьшее — число работников в семье.

Хотя крестьянское хозяйство и носит трудовой характер, но его производительность в гораздо большей мере зависит от находящихся в его распоряжении земли и хозяйственного имущества, чем от рабочих сил семьи крестьянина Очевидно, решающее значение имеет не количество этих сил, которым располагает хозяйство, а возможность их производительного приложения, определяемая размерами землевладения и количеством живого и мертвого инвентаря Тут несомненна известная аналогия с плодородием почвы, которое определяется тем из питательных веществ, которое находится в ней в минимуме. Только соотношение факторов производства в хозяйстве носит более растяжимый, эластичный характер, чем полезное сочетание питательных веществ почвы.

Таким образом, мы должны решительно отвергнуть прежде всего теорию А. В. Чаянова, приписывающего потребительному моменту определяющее влияние на строение и об'ем крестьянского хозяйства Поставив вопрос: кто определяет собою размеры крестьянского хозяйства — едоки или работники? — Чаянов отвечает: «работники соразмеряют свою продукцию с запросами едо-

ков»*). «Размер русского крестьянского бюджета, по его мнению, всецело определяется запросами потребления, сообразно чему крестьянский работник всегда доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей едоков»**).

Этот взгляд на роль потребительного момента в крестьянском хозяйстве был усвоен также А Н. Челинцевым. «В области потребления в крестьянском хозяйстве, говорит проф Челинцев в одной из последних своих работ, должна быть отмечена прежде всего особенно важная роль его в хозяйстве. Годовой доход хозяйства идет целиком или почти целиком на удовлетворение личных потребностей хозяйствующей семьи. Отсюда внутрихозяйственное влияние его, равно как и размеров семьи по числу едоков на сельскохозяйственное производство»***). Конечно, крестьянское хозяйство по своему строению представляет довольно сложное образование, в нем органически слиты хозяйство и семья, моменты экономического и демографического характера. Но из этой двойственной природы крестьянского двора, как семьи-хозяйства, на которую вполне правильно указывает Н Н Черненков****), никоим образом не следует, что демографический момент величины семьи определяет размеры крестьянского хозяйства и величину получаемого им дохода.

В настоящее время А. В. Чаянов отказался от этой концепции. В своей последней работе, вышедшей на немецком языке, он определенно говорит, в противоположность своим старым утверждениям, что строение крестьянского хозяйства определяется не числом душ в семье, а числом работников, — не потребительским, а производственным моментом. По его мнению, при организации предприятия «на началах трудового семейного хозяйства, мы прежде всего сталкиваемся с тем фактом, что один из его элементов — рабочие силы оказываются фиксированными наличностью их в составе семьи Они не могут быть по произволу увеличиваемы или уменьшаемы и подчиняясь необходимости целесообразного сочетания факторов, мы естественно должны ставить другие факторы производства в оптимальное отношение к этому фиксированному элементу.. Таким образом в схеме гармонично развиваемых органических элементов трудового сельскохозяйственного предприятия, данным является рабочая сила семьи и сообразно ей фиксируются в обычной между собой технической гармонии производ-

---

*) Вопросы организации сельского хозяйства, 1912, стр. 5 — 6.

**) Очерки по теории трудового хозяйства, вып. II, 1913, стр 26.

***) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства... Тамбовской губ., 1919, стр. 8.

****) К характеристике крестьянского хозяйства, вып. I, изд. 2-ое, Москва 1918, стр. 72, 83.

ственные элементы хозяйства»*). При этом проф. Чаянов определенно отмечает, что «семья в каждый данный момент не является единственным определяющим фактором размера хозяйства и определяет его об'ем только в общих чертах»**).

Таким образом, в настоящее время сторонником определяющего влияния числа душ в крестьянской семье на строение и об'ем хозяйства крестьянского двора является один лишь проф. А. Н. Челинцев.

Отказавшись от своих старых взлядов, А. В. Чаянов примкнул к господствующей в нашей экономической литературе теории крестьянского хозяйства, видящей в рабочей силе крестьянской семьи основной фактор, определяющий его строение и об'ем. Так напр К. Я. Воробьев в своей обработке вологодских бюджетов говорит: «Представляя из себя более или менее однородную в социальном отношении массу, вологодское крестьянство далеко не однородно по размерам своей производственной организации. Коренная причина этой неоднородности лежит в различиях семейного состава крестьянских хозяйств и в неодинаковом обеспечении их рабочими силами. Крестьянство живет семьями различной величины и, в зависимости от размеров семьи и от численности ея работоспособного населения, ведет сельское хозяйство различных размеров. Крупному составу семьи, обыкновенно хорошо обеспеченному мужскою рабочею силою, соответствуют и более крупные размеры хозяйства; наоборот, признаком экономически слабых хозяйств (карликовых и мелких) служит малая семья с незначительным запасом в ней мужской рабочей силы»***) Проф. Н. П. Огановский также стоит на этой точке зрения. По его мнению «основа крестьянской неоднородности, во всякую эпоху, — семья. В каждой деревни существовала и существует целая гамма семейств, начиная от сложных семей из 20-30 душ и кончая одинокими бобылями и бобылками. Неоднородность семейного состава — главный базис имущественной неоднородности. Сложные семьи, с большим количеством рабочих — сильные физически коллективные ячейки — и в экономическом отношении являются наиболее мощными хозяйственными организмами. Любой статистический сборник, в котором есть группировки по семейному составу, показывает, что с ростом семьи, обеспеченность средствами производства возрастает еще быстрее: чем крупнее семья, тем больше на душу приходится земли, посевов, скота, рабочего инвентаря и т. д.»****). К этому же взгляду примыкает и А. И. Хря-

*) Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft. Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau. Berlin 1923, стр. 43.

**) Там же, стр. 24.

***) Материалы для оценки земель Вологодский губ., т. II, Вологодский у., вып. II, стр. 237.

****) Очерки по истории земельных отношений в России, 1911, стр 593.

щева, которая в своей разработке подворной переписи по Новосильскому у., Тульской губ. пришла к выводу, что «организующим началом в крестьянском хозяйстве является семья. Размеры ее находятся в тесной связи с размерами землевладения. Рабочие силы семьи стремятся к равновесию с размерами земледельческого предприятия, поскольку оно выражается в эксплоатируемой площади земли. На нарушение этого равновесия хозяйство реагирует различным образом: оно суживает или расширяет сельскохозяйственное предприятие путем аренды или сдачи — с одной стороны; оно отпускает в промыслы излишний запас рабочих сил или нанимает добавочные к своим рабочие силы — с другой»*).

Все такого рода теоретические построения, приписывающие определяющее влияние на хозяйство крестьянина его семье, числу в ней работников или едоков, грешат в самом основании, — их авторы забывают, что крестьянское хозяйство есть прежде всего хозяйство, т. е. подчинено факту недостаточности существующего в мире запаса благ и средств производства для удовлетворения всех потребностей человека.

Лишь в исключительных условиях рабочие силы семьи могут оказывать на производительность крестьянского хозяйства большее влияние, чем его обеспеченность материальными средствами производства. Таким исключительным случаем являлось хозяйство крестьян-переселенцев в Сибири. По свидетельству А. А. Кауфмана, в их хозяйстве «с течением времени влияние обеспеченности семьи рабочею силою перевешивает влияние другого первостепенно важного фактора — обеспеченности переселенцев денежными средствами. Если взять недавно прибывших переселенцев, то у них деньги еще заметно превалируют над рабочею силой. Для переселенцев, проживших 4 года и более и, значит, уже вышедших из фазы первоначального обзаведения на новом месте, комбинационная разработка по обоим названным факторам — рабочей силе и принесенным деньгам — дает иную картину:

У дворов, принесших с собой денег	Однорабочие в среднем на двор		Многорабочие в среднем на двор	
	рабоч лошадей	десят. посева	рабоч. лошад	десят. посева
ничего .	1,6	2,9	3,5	7,7
до 25 руб . . .	1,8	3,0	3,7	7,5
25—50 руб.	2,0	3,6	4,3	10,0
50—100 руб.	2,4	4,8	5,0	12,4
100—200 руб.	2,8	5,8	5,4	13,1
более 200 руб.	2,6	5,4	5,6	14,9

*) Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства. Новосильский у. Тула, 1914, стр. 46.

«Мы видим, — переселенцы, пришедшие без копейки или с несколькими рублями в кармане, но сильные числом работников, через немного лет решительно обгоняют принесших хотя бы относительно большие деньги, но не располагающих большою рабочей силой»*).

Исключительный характер этих условий состоял в том, что в процессе сложения и создания нового хозяйства приложение рабочих сил семьи не встречало никакого ограничения ни в размерах землепользования, так как земли больше, чем может осилить переселенец, ни в хозяйственном инвентаре, потому что ценность остального, — сверх лошади, — необходимого для хозяйства переселенца инвентаря минимальна, заработки же у сибирских старожил переселенец имел прекрасные Приведенные выше данные относятся к переселенцам, осевшим в Сибири в 1880-1889 гг., с тех пор экономические условия значительно изменились, и о переселенцах начала 1900-тых годов А. А Кауфман говорит. «Нельзя упускать из виду, что некоторые преимущества и теперь остаются за многорабочими дворами — хотя бы уже то, что они могут отпустить на заработки, без ущерба для хозяйства, часть своих рабочих сил. Но денег и на обзаведение и на продовольствие, пока хозяйство станет на ноги требуется несравненно больше; условия для приложения избыточного труда несравненно менее благоприятны, и потому едва ли можно сомневаться в том, что размер принесенных денежных средств приобретает вместо прежнего второстепенного, доминирующее, первостепенно важное значение»**).

Таким образом, единственный известный нам случай доминирующего влияния на крестьянское хозяйство количества в нем рабочих сил носил временный характер и принадлежит уже к прошлому времени.

Но не вполне правы и те, которые видят определяющий момент в размерах землевладения или, при отрицательной формулировке — в малоземелье крестьянского хозяйства. На этой точке зрения стоит напр. В. К. Канин, который в своей обработке новгородских бюджетов признает землепользование «основным фактором сельского хозяйства», определяющим его «экономический облик»: «Размеры земельного обеспечения являются основным фактором экономической силы крестьянского хозяйства, так как рост этого обеспечения несет за собой наростание всех положительных признаков: увеличение рабочей силы, повышение грамот-

*) А. Кауфман, Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства, 1918, стр. 19 — 20; ср. его-же, Переселение и колонизация, 1905, стр. 303 — 5.

**) Переселение и колонизация, стр. 305.

ности, бюджетного имущества, приходо-расхода и норм потребления» *).

Таким образом, мы приходим к выводу, что прав был один лишь А. П. Шликевич, который, изучая с помощью комбинационной таблицы моменты, влияющие на количество обрабатываемых десятин в крестьянском хозяйстве Козельского уезда, пришел к выводу, что данные таблицы «согласно говорят о решающем значении капитала и землевладения. Для размера хозяйственной энергии (крестьянского двора) важен не тот или иной размер рабочей силы, а только капитал и земля.. В общем результате действия всех трех причин, рабочей силе надлежит отвести лишь весьма подчиненное место. Хозяйственная энергия двора складывается под прямым влиянием капитала (всего больше) и землевладения, а от рабочей силы, как ни странно это, почти независима» **).

К сожалению, этот вывод Шликевича прошел в нашей литературе по крестьянскому хозяйству совершенно незамеченным

Этот анализ моментов, определяющих строение крестьянского хозяйства, дает в высшей степени важные опорные пункты для разрешения одного из самых спорных вопросов теории крестьянского хозяйства, — именно, вопроса о степени отличия этого хозяйства от капиталистического.

Что крестьянское хозяйство по своему экономическому строению и природе качественно отлично от капиталистического предприятия, — это мы знаем давно, чуть не с начала XIX века, во всяком случае с момента возникновения исторической школы экономистов, т. е. середины XIX в Наличие этого различия — вещь общепризнанная, спорно лишь определение его размеров и содержания. Особенно преувеличенное представление о глубине этого различия имеют те экономисты, которые приписывают определяющее влияние на строение и об'ем крестьянского хозяйства семье крестьянина, ее потребительскому и рабочему составу. Так, напр., А. В Чаянов думает, что это различие так велико, что требует построения, наряду с теорией капиталистического хозяйства, также особой теории семейно-трудового хозяйства; сущность различия он видит в ином понимании выгодности хозяйства. «Подробный анализ внутренней организации крестьянских хозяйств установил, говорит в своей новой немецкой работе Чаянов, что ему свойственно совершенно иное понимание выгодности, иные основы хозяйственного расчета и всей хозяйственной психологии, благодаря чему его хозяйственное поведение во многом резко отличается от предприятий капиталистического типа, что в свою очередь при-

*) Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губ., 1918, стр. 19, 61.

**) А. П. Шликевич, Что дают и что могут дать подворные описи. Земский сборник Черниговской губ., 1890, № 3—4, стр. 54—55.

водит к целому ряду крупных народнохозяйственных последствий и позволяет конструировать особое учение о крестьянском хозяйстве»*).

Затем, приведя пример, иллюстрирующий всю глубину различия в понимании выгодности между капиталистическим предпринимательским и трудовым крестьянским хозяйством, А. В. Чаянов почувствовал, что различие это не так уж велико Поэтому он заключил анализ своего примера след замечанием· «Мы считаем безусловно необходимым подчеркнуть, что подобное строение понятия выгодности вовсе не требует от крестьянского хозяйства каких либо экстравагантностей в его хозяйственном поведении. В большинстве случаев мы будем иметь один и тот же результат, все равно будет ли относительная выгодность определяться по принципу чистой прибыли или, при исключении категории заработной платы, по принципу наибольшей производительности труда. И лишь в отдельных случаях, когда для крестьянского хозяйства заинтересованность в годовом продукте труда решительно отодвигает на задний план заинтересованность в получении возможно более высокой оплаты каждой единицы труда, — лишь тогда резко обнаруживается природа крестьянского семейно-трудового хозяйства и лишь тогда оно поступает совсем иначе, чем капиталистическое хозяйство, находящееся в тех же условиях»**).

Итак, гора родила мышь. Нам было обещано демонстрирование таких «иных основ хозяйственного рассчета», благодаря которым поведение крестьянского хозяйства «во многом» и «резко» отличается от поведения капиталистических предприятий, что приводит « к целому ряду» и притом «крупных» народнохозяйственных следствий. На деле оказалось, что эти иные принципы хозяйственного рассчета применяются крестьянским хозяйством лишь в отдельных, исключительных случаях, которые конечно не могут имет ни «целого ряда», ни «крупных» народнохозяйственных последствий.

Создавать для этих случаев особую теорию крестьянского хозяйства вряд ли нужно.

Тем не менее, Чаянов и далее продолжает игнорировать общие элементы в экономике всех форм сельского хозяйства и хочет видеть в них только различия.

Он приходит даже к выводу, что «в то время как в капиталистическом хозяйстве определяющим фактором является авансируемый капитал... в хозяйстве трудовом центральное определяющее место занимает размер годовой выработки»***) Такое про-

*) Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft, стр. 8.

**) Там же, стр. 40 — 41.

***) Там же, стр. 70.

тивоположение капитала производительности лишено смысла и только без нужды запутывает вопрос.

Столь же неудачно аргументирует и А. Н. Челинцев. -Он видит органическую особенность крестьянского хозяйства в том, что оно имеет задачей «получение средств к жизни при помощи собственного труда и необходимых для этого орудий последняго». Оно работает «в меру потребления семьи» и его доход «идет целиком или почти целиком на удовлетворение личных потребностей хозяйственной семьи». Его чисто потребительный характер приводит к тому, что «от заработка хозяйства за покрытием потребления семьи сбережений совсем или почти не остается»*). Или, как говорит А. Н. Челинцев в другой своей работе, «в трудовом крестьянском хозяйстве размеры потребления семьи, измеряемые суммой потребляемых благ, в общем равны всему чистому заработку семьи Это явствует, как было говорено, и из теоретического представления о природе трудового хозяйства, а также и из эмпирических данных бюджетных исследований»**). Потребительный характер крестьянского хозяйства выражается «в том, что весь годовой доход хозяйств потребляется; крестьянское хозяйство поэтому не является приобретательским в противоположность капиталистическому. Не эксплоатируя по общему правилу чужого труда, оно не «наживает» сверх того, что надо для существования семьи»***).

Если бы А. Н. Челинцев был прав и природа крестьянского хозяйства исключала бы возможность накопления средств производства, оно всегда оставалось бы бедным и жалким, никакой экономический и агрикультурный прогресс его был бы немыслим, а под влиянием прироста населения оно нищало бы все более и более. Под общую теорию хозяйствования, конечно, такое оригинальное хозяйственное образование не могло бы быть подведено, и было бы безусловно необходимо создание «особой» теории крестьянского хозяйства. Но в действительности крестьянское хозяйство не соответствует его изображению у А. Н. Челинцева и процессы «приобретательского» характера, накопление хозяйственного имущества идут в нем, при благоприятных условиях, с такою же регулярностью, как и в капиталистическом хозяйстве.

Наш анализ показал, что крестьянское хозяйство — прежде всего хозяйство, и подчинено основному в мире хозяйственных явлений факту недостаточности существующего запаса средств производства для удовлетворения всех потребностей его хозяина, кре-

---

*) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства... Тамбовской губ., стр. 6, 8, 166.

**) Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, стр. 161

***) Там же, стр. 125 — 6.

стьянина. В нем, как и в капиталистическом хозяйстве, решающее значение принадлежит средствам производства и земле. Поэтому нет никаких оснований для создания «особой» теории крестьянского хозяйства. Общность основных экономических категорий всем формам хозяйства, и фермерской капиталистической, в которой хозяину принадлежит только капитал, и помещичьей, в которой хозяин является владельцем земли и капитала, и крестьянской трудовой, где также и рабочая сила поставляется семьею хозяина, — делает излишним создание специальных теорий для каждой из этих форм Нужны лишь вариации одной общей теории в зависимости от того, кому принадлежат средства производства

ГЛАВА II.

АРЕНДА И СДАЧА ЗЕМЛИ.

Чтобы факторы производства могли успешно исполнять свою задачу создания новых хозяйственных ценностей, между ними в каждом хозяйстве должно быть известное соответствие. Для хозяйственной эксплоатации десятины земли нужно, при данном уровне агрономической техники, определенное количество рабочих сил, скота и сельскохозяйственного инвентаря.

Это соотношение между факторами производства в хозяйстве не имеет той строгой определенности, которая должна существовать, согласно закону Либиха, между отдельными питательными веществами в почве, — оно имеет эластичный, растяжимый характер. В общем, однако, при данной технике сельского хозяйства отношение это более или менее неизменно и отступления от оптимальной нормы сочетания всех факторов, участвующих в сельском хозяйстве, сопровождаются всегда понижением производительности хозяйства или повышением его издержек, и чем значительнее отступление, тем больше это понижение производительности и рост издержек. Поэтому, подобные неправильные сочетания факторов производства допустимы, без подрыва жизнеспособности хозяйства, только в некоторых, довольно ограниченных пределах. Когда в хозяйстве оптимальное отношение между факторами производства нарушено в значительной степени, хозяин, первою задачею которого является рациональная организация хозяйства, — такая организация, при которой оно приносило бы возможный максимум дохода, — должен принять меры к исправлению этого отношения, увеличив снабжение хозяйства одними факторами и, быть может, уменьшив другими.

Именно таково положение, как показывают наши бюджетные исследования, крестьянского хозяйства Хозяйство это в избытке снабжено рабочими силами, которые оно в бо́льшем количестве отпускает на сторону, чем нанимает, и недостаточно снабжено землею, которую оно в бо́льшем количестве арендует, чем сдает.

Литература по крестьянскому вопросу давно уже обратила внимание на малоземелье крестьян и на аренду земли, как средство борьбы с этим малоземельем.

Ю. Э. Янсон в своем известном исследовании о крестьянских наделах и платежах пришел к выводу, что наделение крестьян землею при их освобождении от крепостной зависимости было недостаточным и что корни современного малоземелья кроются в условиях проведения реформы 19 февраля 1861 г. В нечерноземных губ. «за редкими исключениями не только наделы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля в иных случаях может только прокормить их, не покрывая других потребностей крестьянского хозяйства, в большинстве же и прокормить их не в состоянии. Оно иначе не может быть На тощей почве, требующей сильного удобрения, следовательно достаточного количества лугов и выгонов, душевой надел, для того чтобы обеспечивать продовольствие семьи, и притом если земля не очень уж плоха, не может быть, с усадьбою, менее 8 десятин Средние наделы, как мы видели, у бывших государственных не достигают этой цифры, у бывших помещичьих они на половину менее. Но за прокормлением остается еще уплата податей, оброков и выкупных». — «Нужды нечерноземного крестьянина сделались общеизвестными; меру их тщательно исследовало земство и правительство, об них всякий знает; но не многие знают, что такую же, если не большую нужду, терпит и крестьянин, сидящий на черноземе... В 62% уездов черноземной трехпольной полосы все бывшие помещичьи крестьяне не могут получать с своих наделов даже насущного хлеба, а в остальных 38% уездов в таком положении находится значительная часть этих крестьян». Наконец, и в западных губерниях масса крестьян, «несмотря на помощь, оказанную им указами 1863 г., далеко не может не только уплатить с своих наделов податей и повинностей, но и доставить средства существования своим семействам»*). Под влиянием этого малоземелья, «немедленно после развязки прежних обязательных отношений во всей трехпольной черноземной полосе крестьяне бросились на с'емку земель и в ней искали средств и для обеспечения насущных потребностей своих, которым не удовлетворял скудный надел, и для уплаты податей и поземельных платежей, сразу легших тяжелым бременем на крестьянский труд. Помещикам малоземелье крестьян представляло наиболее выгодный способ эксплоатации оставшейся за наделом крестьян земли, и с'емка земель ими установилась надолго, как повсеместная форма соединения земельного капитала с трудом»**).

---

*) Ю. Янсон, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, 1877, стр. 25, 63 — 64, 68 — 69, 109.

**) Там же, стр. 84 — 85.

К аналогичному выводу приходит и В. П. Воронцов в своих «Очерках крестьянского хозяйства», печатавшихся в 1882-86 г. в различных журналах. По его мнению, условия наделения крестьян землею при их освобождении от крепостной зависимости были таковы, что для того, «чтобы сделаться самостоятельной сельскохозяйственной единицей, крестьянский участок должен соединиться с чужой землей, привлечь к себе часть окружающих его угодий. Эта зависимость мелкого хозяйства от крупного землевладения основана на двух моментах: на недостаточности среднего крестьянского участка для содержания полного земледельческого инвентаря и на отсутствии в этом участке требуемого соотношения между различными угодьями — главным образом, пищевой и кормовой поверхностью. И та, и другая особенность крестьянского землевладения имеют общую причину — недостаточность крестьянского надела вообще. Известно, что при окончательном отграничении крестьянских наделов, мелкое землевладение было лишено выгонов, лесов (которые нередко служили и покосом, и выгоном), иногда пашни, и все это осталось в распоряжении частных собственников, удела, казны и т. п. С тех пор мелкое хозяйство находится в зависимости от крупного землевладения, будучи вынуждено арендовать у него угодья, без которых немыслимо и самое хозяйство.. С размножением населения указанная зависимость росла и осложнилась новым элементом: измельчание участков вынуждало крестьянина распахивать и ту небольшую кормовую поверхность, какая еще оставалась в его наделе; от этого нужда в чужом луге, пастбище сделалась еще сильнее; но и распаханных угодий далеко не хватало на всех хозяев, почему многие из них нуждались и в помещичьей пашне» *).

Янсон и Воронцов вполне правы, что малоземелье русских крестьян имеет свои корни в реформе 1861 г. При крепостном праве крестьяне обычно должны были работать на помещика 3 дня в неделю; поэтому землею они наделялись в таком количестве, которое можно было обработать в остальные три дня. От этого-то количества земли, дававшего работу половине рабочей силы крестьянской семьи, при освобождении были отрезаны в пользу помещиков значительные участки, так называемые отрезы или отбои. Как велики были эти отрезы, можно судить на основании сведений о размерах крестьянского землевладения до и после освобождения крестьян:

	до 1861 г.	после 1861 г.	разн в %
15 нечернозем. губ.	13.944 000 д.	13.390.000	— 4,0
21 черноземн. и вост.	14,016 000	10.709.000	—23,6
9 западных	7.737 000	10.901.000	+40,9

*) В. В. Очерки крестьянского хозяйства. Статьи 1882 — 86 гг. 1911, стр. 256 — 57.

Особенно велики были отрезы в черноземных губерниях. В западных губерниях крестьяне получили даже значительные прирезки: польское восстание 1863 г. побудило правительство приложить все усилия для привлечения крестьян на свою сторону; прирезкою помещичьей земли правительство рассчитывало снискать симпатии крестьян.

Таким образом, помещичьи крестьяне вышли на волю с совершенно недостаточным наделом. Кроме того, крестьяне потеряли при их освобождении право пользоваться помещичьим лесом и лугами, которые отводились им для сенокошения по мере надобности, а также «привольем» для пастьбы скота на помещичьих землях. Несколько лучше были наделены удельные крестьяне и гораздо лучше государственные, которые не знали барщины и получили все то количество земли, которое они обрабатывали. Всего крестьяне получили земли в надел:

	Число душ муж п. в 1861 г.	десятин	на 1 душу мужск п.
Помещичьи	11.907.000	38.415 000	3,23
Удельные	870.000	4.145 000	4,76
Государственные	10 347.000	66.290 000	6,41
Всего	23.124.000	108.850.000	4.71

Следовательно, до трудовой нормы, по которой были наделены государственные крестьяне, помещичьи и удельные крестьяне недополучили около 40 милл. десятин земли.

Так возникло крестьянское малоземелье. Оно быстро усилилось под влиянием естественного прироста населения и направления политики правительства в пореформенное время, ведшей к искусственному скоплению населения на недостаточных земельных наделах. К 1890-м гг. малоземелье широких слоев крестьян стало одним из доминирующих фактов русской экономической жизни, а затем, с 1905 г и жизни политической.

Одним из средств борьбы с ним была аренда Недостаток собственной земли для приложения рабочих сил крестьянской семьи и удовлетворения ее потребностей естественно восполнялся арендою помещичьей земли. Аренда представляется таким образом следствием малоземелья. Чем больше малоземелье, тем шире она должна быть развита.

Однако, наблюдение арендных отношений на юге и юго-востоке Европ России показало, что этому об'яснению противоречает факты. Вот, напр., данные по Бердянскому уезду, приводимые В. Е. Постниковым *):

*) В. Постников, Южно-русское крестьянское хозяйство, 1891, стр. 135, 145.

	Имеют надельн земли на двор десятин	Сдача надельной земли		Аренда земли дес. на двор
		% домо-хозяев	% сдаваем. ими надельн. пашни	
не сеющие	6,8	73	97	0,1
засев. до 5,0 д.	6,9	65	54	0,4
„ 5,1—10,0	9,0	46	23,6	1,1
„ 10,1—25,0	14,1	21,5	8,3	4
„ 25,1—50,0	27,6	9	2,7	9,8
более 50,0	36,7	12,7	6,3	48,4
в среднем	14,8	32,7	11,2	5,0

Таким образом, в Таврической губ. малоземельные не арендуют землю, а напротив, ее сдают; арендуют же как землю своих малоземельных соседей, так и частновладельческие земли крестьяне, имеющие много своей надельной земли. Как говорит В. Е. Постников, «в наших многоземельных южных и восточных губерниях земская статистика обнаружила довольно видный процент зажиточного крестьянства, которое, сверх собственного значительного надела, довольно много еще арендует земли на стороне. Хозяйство здесь преследует не только удовлетворение собственных потребностей семьи, но еще и получение некоторого излишка, дохода, благодаря которому крестьяне улучшают свои постройки, заводят машины, прикупают землю... Цифры посевной площади, приходящейся на едока в средней семье каждой группы, показывают, что группы с высоким наделом ведут хозяйство несомненно коммерческое» *).

Таким образом, вопрос о крестьянской аренде, казавшийся после появления книги Янсона и статей Воронцова таким простым и ясным, сразу обнаружил всю свою сложность и запутанность. Оказалось необходимым подвергнуть его новому более основательному изучению. За эту работу взялся Н. А. Карышев в своем известном исследовании «Крестьянские вненадельные аренды», вышедшем в 1892 г.

Свою задачу Карышев вполне правильно видит в анализе того богатого материала, который собран земской статистикой, в целях выявления тех причинных зависимостей, которые определяют характер и размеры аренды. «Земские статистики, говорит Карышев, доставили такое огромное количество наблюдений, которое дает возможность отчетливо уловить влияние на интересующее нас явление всякого рода причин и постоянных, и пертурбационных. Как выяснится ниже, исследованный миллион с лишним арендных сделок охватывает собой всевозможные их разновидности, заключает в себе все условия, при которых и на которых оне заключаются, и относится ко всевозможным хозяйствен-

*) Там же, стр., XVII, XIX.

ным строям Европейской России нашего времени: и к лесистому северо-востоку, и к приозерной области, и к великорусскому центру, и к среднему Поволжью, и к малороссийским губерниям, и к северной черноземной полосе, и к степной Новороссии, и к горной части Крыма. Сказанные наблюдения дают возможность проследить причинные зависимости разных сторон явления и, следовательно, ознакомиться с факторами, обусловливающими их колебания». В анализе этого богатого материала Карышев руководствовался правилом, что «сходства и различия в развитии аренд в разных уездах находятся в тесной причинной зависимости от сходства и различия производящих факторов» *).

Применение этого правила позволило Карышеву обособить влияние на размеры аренды предложения земель от влияния моментов, заключающихся в самом крестьянском хозяйстве, — его нужды в земле и экономической силы или арендоспособности Предлагаются к аренде главным образом частновладельческие земли, составляющие главную массу арендного фонда. Поэтому, и земли больше арендуют бывшие владельческие крестьяне, селения которых расположены недалеко от сдаваемых земель. Карышев приводит **) след. таблицу, характеризующую развитие крестьянских вненадельных аренд по разрядам крестьян·

I. Полоса меньших аренд.

Разряды крестьян	Число аренд. дворов	Разм. аренд. участк. в дес.
Государ.-душевые	21,9%	1,3
Четвертные	23,8	0,9
б. владельч. временно обязанные	39,3%	1,6
„ собственники	46,6	1,6
„ дарственники	66,6	4,3

II. Полоса больших аренд

Четвертные	35,3%	1,9
Государ.-душевые	36,6	2,9
Казаки	50,3	1,7
Б. владельч. собственники	55,9	3,1
Б. удельные	60,5	5,3
Б владельч. врем. обязанные	61,7	4,3
„ дарственники	65,1	6,9

Менее всего развита вненадельная аренда у крестьян бывших государственных и четвертных; более всего — у крестьян бывш.

*) Крестьянские вненадельные аренды, 1892, стр. XIV — XV, XIX.
**) Там же, стр. 115.

владельческих. «Здесь приходится убедиться, каким важным фактором является в данном случае степень близости сдаваемых в аренду земель к усадьбам с'емщиков», говорит Карышев *). Но именно бывш. владельческие крестьяне являются хуже всего обеспеченными землей. И вот, в силу этого внешнего для крестьянского хозяйства момента, территориального распределения предлагаемых к сдаче земель, менее обеспеченные собственной землей разряды крестьян имеют возможность больше пользоваться вненадельными арендами.

Но внутри каждого разряда крестьян из-за арендуемой земли идет жестокая борьба, и в этой борьбе побеждает более экономически сильный. Хозяйственные различия, существующие среди крестьян, «играют крупную роль в борьбе земледельца из-за получения желаемой доли предлагаемых к сдаче земель. Дворы, сравнительно более обеспеченные наделами, рабочей силой и сельско-хозяйственным капиталом (рабочим скотом) имеют очевидно больше данных для победы в этой борьбе и оттесняют на второй план группу дворов менее обеспеченных» **). Побежденные в этой борьбе, более нуждающиеся, а следовательно и более слабые дворы оказываются оттертыми от земли. «При прочих равных условиях, при одинаковой близости сдаваемых участков — снимает больше тот, кто больше и имеет, и наоборот». — «Чем более у крестьянина своей земли, тем легче ему при помощи с'емки достигнуть сравнительно более высокой обеспеченности». — «Везде, где мы имели возможность провести группировку крестьян по размерам наделов среди отдельных разрядов их — везде мы встречали неуклонно повторяющийся рост аренды вместе с увеличением количества их собственной земли. Приведенными данными существование прямой зависимости между этими факторами крестьянского хозяйства должно считаться доказанным» ***).

Противоположный вывод, — о существовании обратной зависимости между крестьянским землевладением и размерами аренды, — основывается или на поразрядных данных о размерах аренд, по которым малоземельные бывш. владельческие крестьяне арендуют больше многоземельных бывш. государственных крестьян, или на общих поуездных данных, без деления на разряды, в которых смешано действие обоих факторов. Как правильно замечает Карышев, «при таких группировках вывод изменяется под влиянием того из двух названных факторов, который сказывается сильнее по местным условиям. При более слабой роли одного из них (напр., при более или менее равномерном распределении по площади уезда сдаваемых участков) выступает с большей силой дей-

*) Там же, стр. 117

**) Там же, стр. 154, ср. также стр. 193 — 4.

***) Там же, стр. 122, 130, 134.

ствие второго (выше мы встречали общие группировки с обнаружением прямой зависимости, напр., в Воронежской губ) и наоборот» *).

Итак, арендует при прочих равных условиях не тот крестьянин, у которого меньше земли и которой больше в ней нуждается, а тот, у которого больше земли и который, следовательно, меньше в ней нуждается. Но больше земли обыкновенно у тех крестьян, которые имеют большее количество работников в семье и владеют большим количеством скота и инвентаря. Очевидно, для полного выяснения вопроса следовало бы попытаться разделить действие на аренду величины всех трех факторов крестьянского хозяйства — рабочих сил, земли и хозяйственного инвентаря. К сожалению, Карышев уклонился от постановки этой задачи в полном об'еме. Он ограничивается, по отношению к рабочему составу семьи и рабочему скотоводству, только констатированием, что «рост обоих названных элементов хозяйства с'емщиков всегда сопровождается увеличением размеров их вненадельных аренд. Дворы, лучше обставленные рабочими силами и рабочим скотом, являются в то же время и наиболее крупными нанимателями» **). Таким образом, и земля, и рабочие силы, и хозяйственное имущество крестьянского двора одинаково влияют на аренду, увеличивая ее размеры. Общий вывод Карышева гласит: «При прочих равных условиях борьба за с'емную землю склоняется в пользу более состоятельных. При равенстве размеров землевладения и близости снимаемых угодий легче получить аренду тому, кто сильнее землей, трудом и капиталом» ***).

При защите Н. А. Карышевым своей диссертации в Московском университете против его выводов выступил Н. А. Каблуков, сославшийся на работу С. А. Харизоменова по Хвалынскому у., Саратовской губ., в которой этот земский статистик разрешил именно тот вопрос, который обошел Карышев, — вопрос о раздельном влиянии каждого фактора крестьянского хозяйства на размеры аренды. Раз величина аренды определяется не одним, а несколькими факторами, неизбежно возникают сомнения в показательности выводов, вытекающих из групповых таблиц.

«Если рабочий скот и рабочий состав семьи, — говорит С. А. Харизоменов, — оказывают такое сильное влияние на аренду, то весьма возможно, что возрастание надела не усиливает, а ослабляет склонность к арендованию земли, но такое влияние надела маскируется скотом и рабочим составом, рост которых повышает арендную способность группы. Дальнейший анализ убедит нас, что так оно и есть, что рост аренды находится не в

*) Там же, стр. 140.
**) Там же, стр. 141.
***) Там же, стр. 156

прямом, а в обратном отношении к наделу, но чтобы придти к этому выводу, необходимо рассматривать рост аренды при равных условиях рабочего скота и рабочего состава семьи». Очевидно, изолировать действие одного фактора, при прочих равных условиях, возможно только с помощью комбинационной таблицы. Харизоменов так и поступил. Он построил по Хвалынскому у. следующую комбинационную таблицу, в которой указывается, сколько десятин чистой аренды (т. е. за вычетом сдаваемой земли) приходится на 10 хозяйств:

Без работника муж. пола:	Без рабоч. скота	С 1 гол. раб скота	С 2 и более гол. раб. скота
до 2,5 дес. надельн. пашни	— 0,3	9,9	39,7
2,5—5,0 дес над. пашни	—25,1	— 0,4	14,6
5,0—10,0 дес. над пашни	—33,1	—12,5	10,0
более 10,0 дес над. пашни	—79,7	—53,6	—12,8
с 1 работником муж. пола			
до 2,5 дес. надельн. пашни	— 0,8	15,4	54,6
2,5—5,0 дес. над. пашни	—11,5	1,7	25,8
5,0—10,0 дес. над. пашни	—28,4	— 6,8	17,3
более 10,0 дес над. пашни	—56,2	—11,1	5,6
с 2 работниками муж. пола			
до 2,5 дес. надельн. пашни	— 0,9	12,5	65,4
2,5—5,0 дес. над. пашни	—15,5	4,9	38,7
5,0—10,0 дес. над. пашни	—30,8	— 6,4	25,1
более 10,0 дес. над. пашни	—51,1	1,7	13,0
с 3 и более раб. муж. пола			
до 2,5 дес надельн пашни	1,6	24,9	76,9
2,5—5,0 дес над. пашни	—13,7	17,2	57,2
5,0—10,0 дес. над. пашни	—54,8	— 9,0	30,4
более 10,0 дес. над. пашни	—58,5	— 4,3	31,6

Таблица эта обнаруживает, что «оба фактора, надел и скот, действуют на аренду в двух противоположных направлениях. Склонность к арендованию с возрастанием надела уменьшается, а с увеличеием рабочего скота возрастает. При этом отрицательное влияние на аренду надела с увеличением голов рабочего скота значительно ослабевает, да и вообще рабочий скот оказывает на аренду более могучее влияние, чем надел. Так как численность рабочего скота возрастает рука об руку с наделом, то понятно,

что с ростом землевладения увеличивается и аренда, маскируя таким образом истинное влияние надела на аренду. По мере увеличения числа работников в хозяйстве, склонность к арендованию, при прочих равных условиях, возрастает, но в более слабой степени, чем под влиянием рабочего скота».

Окончательные свои выводы Харизоменов формулировал в след тезисах:

«1. Склонность к арендованию пахотной земли прямо пропорциональна количеству голов рабочего скота и обратно пропорциональна размеру надела, при чем скот сильнее влияет на аренду, чем надел.

«2. С увеличением числа работников мужского пола, склонность к арендам, caeteris paribus, возрастает, но не в такой сильной степени, как под влиянием рабочего скота. При этом, с увеличением голов рабочего скота, влияние рабочего состава семьи на аренду усиливается.

«3. Так как рабочий состав семьи и скотоводство растут вместе с наделом, то при быстром росте скотоводства влияние этих двух факторов пересиливает отрицательное действие надела, и мы получаем ту картину, которую видели у мордвы: с ростом надела растет и аренда.

«4. Если, напротив, скотоводство и рабочий состав семьи увеличиваются с ростом надела слабо, то отрицательное действие надела пересиливает положительное влияние скотоводства и рабочего состава семьи, и аренда с увеличением надела уменьшается и даже переходит в отрицательную величину, как это мы видели у татар...

«6. В хозяйствах с большим наделом преобладают семьи многорабочие и многолошадные... и потому с ростом надела возрастает и аренда»*).

Таким образом работа Харизоменова опровергла одно из основных положений Карышева: что размеры аренды растут вместе с увеличением крестьянского землевладения. Мы имеем в данном случае перекрещивающееся влияние двух, даже трех факторов; методологически бесспорно, что выяснить характер действия каждого фактора можно только путем их взаимной изоляции в комбинационной таблице. Поэтому этот основной вывод Харизоменова не встретил возражений и получил всеобщее признание. Заслуживает внимания, что его работа появилась в 1886 г., за 6 лет до работы Карышева, и Карышев даже цитирует сборник по Хвалынскому у., в котором она напечатана, — ни словом не упоминая о выводах Харизоменова.

---

*) Сборник статистических сведений по Саратовской губ., т. V. Хвалынский у, 1886 г., стр. 144, 145, 146 — 7, 147 — 9.

Иная судьба постигла другой вывод С. А Харизоменова, который мы считаем не менее бесспорным, — что влияние количества скота на аренду сильнее противоположного влияния роста надела, почему в конечном итоге, под совместным влиянием обоих факторов с ростом надела размеры аренды не падают, а растут. Этот вывод не только не принят в последующей литературе о крестьянской аренде, но многие экономисты прямо приписывают главное влияние на размеры аренды другим факторам крестьянского хозяйства.

Так, по мнению А. А Мануилова «главнейшей причиной широкого распространения крестьянской аренды в нашей стране служит недостаток у крестьян надельной земли. Поэтому потребность в расширении площади надельного землевладения должна ощущаться тем сильнее, чем скуднее обеспечено собственной землей крестьянское хозяйство». — «Недостаточность обеспечения крестьян надельной землей служит основной причиной, вызывающей у них потребность в аренде; эта потребность и удовлетворяется различными разрядами крестьянского населения в обратном отношении к размерам их надела, т е. в прямом отношении к настоятельности нужды в земле; поскольку нормальное удовлетворение ее не встречает ограничений и не подвергается видоизменениям под влиянием других причин, — главным образом размеров земельного фонда и обеспеченности отдельных хозяйств рабочими силами и рабочим скотом». — «Малоземелье является первым фактором развития русских аренд»*).

По мнению В. А. Косинского, напротив, размеры аренды определяются главным образом числом работников в семье. Анализируя положения Карышева, что в хозяйствах с большими наделами преобладает семьи многорабочие и многолошадные и потому с ростом надела возрастает и аренда, Косинский приходит к след. выводу: «Семьи многорабочие обыкновенно бывают и многонадельными, так как надельная земля распределяется сплошь и рядом по наличным мужским душам и потому, чем больше мужчин в семье, тем больше должен быть надел семьи; многорабочие же семьи, очевидно, имеют большую возможность, чем малорабочие, образовать необходимый для их занятия капитал — завести скот; поэтому то многорабочие семьи обладают и более или менее значительными капиталами — бывают многолошадными. Вся суть, следовательно, в том, что семья многорабоча; поэтому то она многонадельна и поэтому же имела возможность создать более или менее значительный сельскохозяйственный капитал — скот и т д. Но, хотя многорабочая семья является и многонадельною, все же всех своих сил она занять на надельной

*) Очерки по крестьянскому вопросу под ред А. А Мануилова. вып. II, 1905, стр 85, 98, 168.

земле не может и «эти избыточные по отношению к размеру надела силы ищут своего приложения к арендуемой земле». «Избыточные» эти силы очевидно велики, да и сельскохозяйственным капиталом обильно снабжены, — естественно, что такие семьи являются и относительно крупными арендаторами, по сравнению с мало и средне-рабочими семьями, обладающими малым либо средними капиталами и малым либо средним наделом»*).

Ни А. А Мануилов, ни В. А. Косинский не делают даже попытки доказать с помощью количественного анализа арендных отношений истинность своих положений.

Однако, и аналитические доказательства С. А. Харизоменова грешат одним существенным недостатком, — недоделанностью, недоведенностью до конца.

В самом деле. если на какое либо явление влияют несколько факторов, то нужно установить не только факт и направление этого влияния, но и его размеры; Харизоменов же не дал в своей работе этого количественного определения меры влияния различных факторов крестьянского хозяйства на величину аренды. Если он констатирует, что количество скота оказывает на размеры аренды более сильное влияние, чем величина надела, — то тут мы имеем дело не с действительным определением меры того и другого влияния, а с выражением в количественных терминах того эмпирического факта, что при совместном влиянии величины надела и количества рабочего скота на аренду, побеждает последнее влияние, и аренда растет, а не падает с увеличением земельного обеспечния. Попытку количественного определения можно видеть еще в замечании Харизоменова, что рост числа работников в семье слабее действует на размеры аренды, чем увеличение количества скота. Как мы увидим ниже, этот вывод вполне верен, но получен он Харизоменовым совершенно неправильным путем. Во первых, его сделал Харизоменов «на глаз», простым сравнением роста десятин аренды в зависимости от изменений в числе работников и рабочего скота. Если мы из приведенной выше таблицы извлечем данные, относящиеся к какой либо посевной группе, — хотя бы группе с 2,5-5,0 дес. надельной пашни на двор, то получим след. табличку изменений в размерах аренды (на 10 дворов, в десятинах):

	Без раб. скота	С 1 головой	С 2 и более головами
Без работника муж. пола	—25,1	— 0,4	14,6
с 1 работником муж. пола	—11,5	1,7	25,8
с 2 работниками муж. п	—15,5	4,9	38,7
с 3 и более раб. муж. п	—13,7	17,2	57,2

*) В. А. Косинский, К аграрному вопросу, вып. I: Крестьянское и помещичье хозяйство, 1906, стр. 185 — 6.

Цифры аренды в этой табличке несомненно сильнее изменяются в горизонтальном направлении, под влиянием роста числа голов рабочего скота, чем в вертикальном, под влиянием увеличения числа работников в семье. Таким образом Харизоменов основывает свое заключение об относительной мере действия этих двух факторов на коэффициентах роста по ним аренды. Но в таком случае, было бы правильнее не довольствоваться определением величины этих коэффициентов «на глаз», а прямо вычислить их, что не представляет особых трудностей.

Во вторых, можно ли в данном случае основываться на коэффициентах регрессии, хотя бы и вычисленных по всем правилам? Очевидно, нельзя. Как мы знаем, основным недостатком коэффициентов регрессии является та их особенность, что в них истинное соотношение двух факторов, определяемое их хозяйственным значением, затушевывается или маскируется соотношением величины масштабных единиц. Если бы по своему хозяйственному значению одна голова рабочего скота была эквивалентна одному работнику муж. пола, тогда приведенная выше табличка была бы вполне показательна. Но этой эквивалентности нет,, а потому для решения интересующей нас задачи мы не можем пользоваться коэффициентами регрессии, а должны обратиться к коэффициентам корреляции, имеющим то познавательное преимущество, что в них устранено мешающее влияние величины масштабных единиц.

Таким образом, мы не можем удовольствоваться тою разработкою вопроса об аренде, которую дали Н. А. Карышев и С. А. Харизоменов, а должны прибегнуть к более совершенным способам количественного анализа.

Посмотрим прежде всего, как велики размеры аренды по данным бюджетных исследований. Часть крестьянских дворов сдает землю, другая, большая часть — снимает ее, приарендовывает. Число дворов, сдающих и снимающих землю, равняется:

	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Староб
сдают 3,1 д. и более . .	6	4	—	3
сдают до 3,0 дес. . .	24	1	10	10
не сдают, не аренд. . . .	42	41	27	10
арендуют до 3,0 дес. .	40	24	29	24
„ 3,1-6,0 дес. . .	16	13	9	12
„ 6,1-12,0 дес. .	4	7	6	13
„ более 12,0 . .	4	2	4	19
всего	136	92	85	91

Как показывает эта таблица, и в нечерноземной полосе, и на черноземном трехполье преобладают малые аренды, до 3,0 дес. на двор; и лишь в полустепном Старобельском у. мы находим широкое распространение больших аренд, более 12,0 дес. на двор.

При группировке крестьянских хозяйств по площади посева, аренда и сдача земли на двор в десятинах и % отношение арендуемой земли к площади землепользования дают след. таблицу:

	Волог.		Новгор		Тамбов.		Староб	
	дес	в %	дес	в %	дес	в %	дес	в %
Сеющие до 1,0 дес.	0,18	3,0	—	—	—	—	—2,36	—49,0
„ 1,01—2,0 „	0,84	7,7	1,17	8,3	0,33	9,5	—1,45	—38,6
„ 2,01—3,0 „	1,50	8,6	1,56	7,7	0,09	1,7	0,27	4,3
„ 3,01—4,0 „	1,81	8,9	1,89	6,8	1,02	16,6	0,07	1,2
„ 4,01—6,0 „	2,92	7,8	1 68	6,4	1,49	17,1	0,52	6,2
„ 6,01—10 0 „	—0 72	—2 0	0,92	2,8	1,78	14,0	3,58	23,2
„ 10,01—20 0 „	—1,50	—2,2	—	—	8 30	44,6	8,42	26,4
„ более 20,0 „	—	—	—	—	10,10	23 4	23.41	66,5
в среднем . .	1,20	7,3	1,48	6,5	2,20	20,8	6,73	33,0

В нечерноземной полосе, которая является областью малых аренд, размер аренды не превышает 1-2 десятин на наличный двор и 10% землепользования крестьян; на черноземе, в полосе больших аренд, они достигают 3 и даже почти 7 десятин на наличный двор и 20-30% землепользования. Количественные различия между размером аренд в различных губерниях и определенны, и определимы. Иной характер носят предполагаемые в них социально-экономические различия.

У нас принято противополагать крестьянскую продовольственную или трудовую аренду крестьянской же капиталистической аренде. Но социально-экономический характер аренды определяется экономическим и социальным строением арендующего хозяйства. Не может трудовое хозяйство имет капиталистическую аренду, или капиталистическое хозяйство — аренду трудового и продовольственного характера. Поэтому, вопрос о социально-экономическом характере крестьянской аренды сводится к вопросу о социально-экономической природе крестьянского хозяйства и ее эволюции.

При крепостном праве крестьянское хозяйство носило вполне или почти вполне натуральный характер. Его продукты отчуждались на сторону в самых минимальных количествах. В хозяйстве государственных крестьян денежные элементы были более развиты, но все же очень слабо. После 1861 г. началось постепенное развитие денежных элементов крестьянского хозяйства, в 1860-80-х гг. очень медленное, с 1890-х годов более быстрое. Пока крестьянское хозяйство носило почти чисто-натуральный характер, и аренда должна была служить его натуральным продовольственным нуждам. Таков был характер крестьянской аренды в 1860-х и 1870-х годах. Как говорит Н. А Карышев, «если бы существовала возможность познакомиться с подробной исто-

рией русских аренд со времени наделения крестьян всех разрядов собственной землей (1861, 1865, 1866 гг), то, можно думать, мы увидели бы, что с увеличением населения, с обнаружением недостаточности наделов, явилось стремление у с'емщиков увеличивать размер эксплоатируемых земельных пространств. Их собственный земельный фонд находится в общинном пользовании и обрабатывается не наемным, а личным трудом. Естественно вытекло отсюда стремление извлекать доход и из нанимаемых участков именно на тех же основаниях: аренды должны были носить мирской характер и практиковаться в размерах: а) допускающих обработку их вместе с наделом только личным трудом с'емщиков, и б) удовлетворяющих вместе же с наделом потребностям питания их семейств Таков был, можно с уверенностью предположить, первоначальный характер найма крестьянами вне-надельной земли в 60-х годах»*).

Этот тип аренды вполне уловлен в определении Н А Каблукова: «наша крестьянская аренда представляет собою продовольственную аренду: не ради прибыли арендует землю крестьянин, а из за нужды, из за недостатка надельной земли для прокормления, для продовольствия своего»**). Еще подробнее описывает этот тип аренды А. А. Мануилов: «Крестьянская аренда служит прежде всего средством восполнения пищи и корма в крестьянском хозяйстве. В громадном большинстве случаев она носит продовольственный характер». — «В огромном большинстве случаев крестьянская аренда, как это было показано выше, носит характер продовольственный.. С'емщик нуждается в арендуемой земле для того, чтобы прокормить себя и свою семью; поэтому, предлагая арендную цену, он не рассчитывает получить прибыли, весь его рассчет построен на том, чтобы при помощи аренды добыть известное количество хлеба или сена. При скудости денежных средств у крестьян, получение пищевых и кормовых продуктов на арендованной земле представляет то преимущество перед покупкою, что крестьянин при аренде пользуется своим собственным трудом, который без этого, может быть, не получил бы применения. Поэтому, часто он не ценит своей работы почти ни во что и считает свое дело удавшимся, если за покрытием семян и арендной платы у него останется от урожая на снятом участке хотя бы небольшой излишек хлеба или корма. Возможность отработать часть арендной платы или всю ее сумму делает аренду еще более предпочтительной в глазах такого с'емщика» — «Вненадельная аренда служит прежде всего средством восполнения пищи и корма в крестьянском хозяйстве. В громадном большин-

*) Карышев, Крестьянские вненадельные аренды, стр. 376.

**) Каблуков, Об условиях развития крестьянского хозяйства в России, изд. 2-е, 1908, стр. 267.

стве случаев она носит продовольственный характер... На преобладание у нас аренд продовольственного типа указывают ближайшим образом мелкие размеры значительного большинства арендных участков или долей, приходящихся на двор или на душу при коллективной аренде. Исчисления, произведенные для некоторых местностей, убеждают, что арендная площадь, вместе с надельною доставляют в среднем на двор не более минимального количества хлеба и корма, необходимых на содержание крестьянской семьи и скота»*).

Конечно, было бы ошибкою считать, — как это повидимому делают Каблуков и Мануилов, — что вся или почти вся крестьянская не-капиталистическая аренда носит натуральный характер. С развитием денежных элементов в крестьянском трудовом хозяйстве рыночные отношения должны были проникнуть и в эксплоатацию арендуемых земель. По данным бюджетных исследований % денежности крестьянского хозяйства равняется:

в Вологодском у.	47,7	в Тамбовской губ	34,2
в Новгородск. губ.	25,3	в Старобельском у	43,8

У нас нет оснований предполагать, что отчуждаются на сторону продукты, получаемые крестьянами только с собственной земли, но не с арендуемой. Поэтому, с течением времени, по мере усиления денежности крестьянского хозяйства, аренда все более и более утрачивает свой первоначальный натурально-продовольственный характер. Хозяйство крестьянина сохраняет свою трудовую не-капиталистическую природу, но денежные элементы постепенно нарастают в нем, ограничивая и сокращая значение элементов натуральных. Оно попрежнему имеет целью добывание средств существования для его семьи, но эти средства добываются не в натуральной, а в рыночной форме, — его хозяйство в значительной мере производит уже не потребительные, а меновые ценности, денежный эквивалент которых обращается на удовлетворение нужд крестьянской семьи в пище, одежде и жилище**).

Эта трудовая аренда, добывающая средства существования для семьи крестьянина в натуральной или денежной форме, при упрощенной постановке ее в связь исключительно с одним малоземельем, а не со всею совокупностью моментов, определяющих строение крестьянского хозяйства, мыслится обычно в обратном отношении к количеству собственной земли в крестьянском хозяйстве.

---

*) Очерки по крестьянскому вопросу, вып. II, стр. 115, 134, 170.

**) Ср. замечания А. А. Мануилова о денежной форме продовольственной аренды в Очерках по крестьянскому вопросу, вып. II, стр. 117, 120.

Так, Ю. Э. Янсон, как мы видели, считает аренду порождением малоземелья, а малоземельными — те наделы, которые не в состоянии «прокормить» крестьян, не говоря уже об удовлетворении остальных их потребностей, не могут «доставить средства существования» их семьям, «обеспечить их насущные потребности». В. П. Воронцов, разделяя в основе взгляды Янсона, вкладывает в понятие малоземелья иное экономическое содержание: он считает малоземельными те наделы, которые недостаточны для содержания полного земледельческого инвентаря. Вообще, термин этот страдает большою экономической неопределенностью, ибо земли может быть мало только для чего нибудь, для достижения какого либо задания, а цели хозяйству могут ставиться самые разнообразные. Н. А. Карышев говорит об этом понимании аренды и зависимости ее размеров от величины земельного обеспечения крестьян: «Подходя к этому вопросу à priori, можно бы думать, что оба эти явления колеблются в обратном отношении между собою. Такое заключение представляется повидимому, самым простым. Наличная земельная площадь крестьянских наделов не удовлетворяет требованиям существующей сельско-хозяйственной культуры. Потребности питания заставляют обращаться поэтому к найму земель на стороне. Понятно, к такому выводу должны прибегать в более сильной степени те, кого менее удовлетворяют наличные факторы их собственных хозяйств. Главнейшим из этих факторов служат, конечно, размеры принадлежащих им земель. Вполне естественно поэтому предположить, что наиболее малоземельные группы крестьян и являются крупнейшими с'емщиками и наоборот. Можно было бы думать, что при прочих равных условиях такая тенденция должна была бы осуществляться на практике в приблизительном равенстве эксплоатируемых земельных участков (своих плюс арендуемых) для средних крестьянских дворов разного надельного обеспечения» *).

Возможно, что подобное понимание аренд, столь распространенное в 1870 — 80 гг, является действительно результатом априорного подхода к вопросу, которому благоприятствовали давно укоренившиеся в передовой части русского общества симпатии к распределительной справедливости и экономическому равенству, а также недостаточное знакомство с условиями крестьянского хозяйства. Но Карышев высказывает и другое предположение: «à priori можно было предположить, что усиленный спрос на земли создается главным образом разрядами менее обеспеченными, что разрядов более состоятельных оно коснулось пока в слабейшей степени, или, пожалуй, не коснулось еще вовсе. Есть поводы думать, что таково было положение дел еще в 70-х годах. На эту мысль наводит, например, весьма распространенное среди

*) Крестьянские вненадельные аренды, стр. 154.

более ранних исследований народной жизни убеждение об обратной зависимости между размерами аренд и наделов. Можно легко себе представить, что в первые 1½ — 2 десятилетия со времени крестьянской реформы несоответствие потребностей населения со средствами к их удовлетворению еще не имело, быть может, по крайней мере, того всеобщего характера, какой вытекает из земельной статистической enquete половины 80-х годов»*).

А. А. Мануилов, вернувшийся, несмотря на работы Карышева и Харизоменова, к старой точке зрения на крестьянскую аренду, как результат главным образом крестьянского малоземелья, полагает, что обратное отношение между наделами и арендою сохранилось и в 1890-х, и в начале 1900-х годов**)

Наряду с трудовой арендой, дающей крестьянам только средства существования, большинство экономистов, изучавших аренду, указывает на существование в крестьянском хозяйстве капиталистической аренды, носящей предпринимательский характер, основанной на пользовании наемным трудом и имеющей целью получение прибыли. Так, В. Е. Постников прямо утверждает, что в новороссийских степях группы крестьян с высшим наделом «ведут хозяйство несомненно коммерческое»***). По мнению Н. А. Карышева, «для огромного большинства с'емщиков аренда вненадельной земли является делом не спекуляции, а необходимости... Промышленные аренды, по числу арендаторов составляют лишь небольшую часть общего их числа». При индивидуальной аренде с'емщик эксплуатирует арендную землю или «собственным трудом, или, если таковая превышает его личные силы, капиталистическим способом — или при помощи наемных рабочих, или путем пересдачи мелких полос по возвышенной цене . Сравнительно небольшая группа арендует крупные участки земли для упомянутой выше капиталистической ее эксплоатации». Этой группе свойственно «спекулятивное» отношение к земле. Появилась эта капиталистическая аренда в сравнительно недавнее время. При найме крестьянами вненадельных земель в 1860-х г. «элемент спекуляции, антрепризы был им, повидимому, совершенно чужд. Капиталистическое пользование крестьян чужими участками не имело места»****). Приблизительно так же высказывается и А. А. Мануилов. «Когда пространство собственной земли, приходящейся на крестьянское хозяйство, переходит за известную норму (15 — 20 дес.), видимо меняется и самый характер хозяйственной деятельности: выступают предпринимательские цели, и аренда уже

*) Там же, стр. 381.

**) Очерки по крестьянскому вопросу, вып. II, стр. 86, 90, 98, 118.

***) Постников, Южно-русское крестьянское хозяйство, стр XIX.

****) Крестьянские вненадельные аренды, стр 1. 160, 376.

служит не к восполнению недостаточного надела, но для развития хозяйства, производящего не только для собственного потребления, но и для сбыта». Как мы знаем, трудовое хозяйство, в котором развиты денежные элементы, также производит для сбыта. «Бесспорно существует меньшинство, более или менее значительное в разных местностях, которое арендует землю с предпринимательскими целями». «Предпринимательская и вообще более или менее крупная аренда также встречается в нашей стране, особенно в некоторых районах, преимущественно южных, но по своему развитию и значению этот вид аренды занимает второстепенное место» *).

Очевидно, один большой размер арендуемого участка не может быть достаточным свидетельством капиталистического характера аренды. Стоит допустить, что многоарендные семьи имеют большой личный состав, много работников, много едоков и высокий уровень потребностей, и капиталистической прибыли в этой аренде не будет места

Капиталистическую аренду может держать только капиталистическое хозяйство. Поэтому, признаки капиталистической аренды мы должны искать не в арендуемом участке, а в арендующем хозяйстве, — в том, в какой мере и как оно пользуется наемным трудом В типичном капиталистическом хозяйстве предприниматель не участвует в технических работах; в мелко-капиталистическом хозяйстве он участвует в них наравне с рабочими, но количество труда последних значительно превышает его личный труд.

Существуют ли среди крестьянских хозяйств хозяйства капиталистические или полукапиталистические, на этот вопрос мы можем получить ответ лишь путем анализа явлений найма рабочих в крестьянском хозяйстве. Этот вопрос мы рассмотрим в одном из последующих очерков.

Основным вопросом, нас сейчас интересующим, является вопрос о моментах, определяющих размеры крестьянской аренды. Попытаемся определить меру зависимости ее от различных причин, влияющих на это явление. Основываясь на сделанном выше обзоре высказанных в литературе о крестьянской аренде мнений, мы попытаемся количественно определить зависимость аренды и сдачи земли прежде всего от трех основных факторов крестьянского хозяйства: землевладения, рабочих сил и хозяйственного имущества, а также от общего количества скота, как наиболее активной части хозяйственного имущества, и специально рабочего скота, лошадей и волов (в переводе на лошадей по принятой в новороссийских губ. норме: 3 вола = 2 лошадям), как той части скота, которая имеет прямое отношение к обработке земли. Воз-

*) Очерки по крестьянскому вопросу, вып. II, 93 — 94, 118, 170.

можно, что определяющее значение для размеров аренды имеют не эти абсолютные величины, а их отношение к размерам землевладения; мы должны поэтому установить и меру влияний этих относительных величин. Наряду с производственными моментами на аренду могут влиять также моменты потребительского характера; поэтому, мы должны далее определить величину влияния на аренду числа едоков в семье, нагрузки работников едоками, отношения числа едоков к площади землевладения. Наконец, небезинтересно будет также определить отношение аренды к промысловым заработкам, % денежности валового дохода крестьянского двора от сельского хозяйства и доходности десятины землепользования. Все эти моменты дают с размерами аренды след. коэффициенты корреляции·

	Волог	Новгород	Тамбов.	Староб.
Землевладение	—0,31	—0,47	—0 01	0,46
Работники	—0,10	0,18	0,33	0,54
Хозяйственное имущество	—0,09	—0,28	0,48	0,69
Скота всего	±0,01	0,11	0,50	0,71
Рабочий скот	0,13	0,08	0,26	0,71
Землевл /работники	—0,24	—0,59	—0,18	±0,06
Хоз. им./землевлад.	0,16	0,26	0,56	0,48
Скот./землевлад.	0,22	0,43	0,34	0,52
Раб. скот/землевлад	0,25	0,36	0,34	0,47
Едоки	—0,03	0,15	0,34	0,52
Едоки/работники	0,04	—0,10	—0,01	—0,007
Землевл./едоки	—0,24	—0,53	—0,14	±0,02
Промысл· заработки	—0,06	0,25	—0,006	0,10
% денеж. вал. дохода	±0,02	—0,17	0,30	±0,01
Вал доход/землепользов	±0,05	±0,05	0,25	—0,22

Внимательное рассмотрение этой таблицы приводит нас к выводу, что моменты производственные находятся в большей корреляционной связи с размерами аренды, чем моменты потребительные. Особенно велико влияние на аренду хозяйственного имущества в одних районах (Старобельск. у., Тамбовск. губ.), землевладения — в других (Новгород, губ., Вологодск. у.). Но и оказывающее меньшее влияние число работников в семье во всех районах является все же более влиятельным, чем число едоков, — за исключением одного тамбовского, где разница в пользу едоков равняется 0,01. Что касается отношения едоков к работникам, то оно дает, в противность ожидания кн. Васильчикова и Чаянова, совершенно ничтожные коэффициенты корреляционной связи с размером аренды. Большую корреляционную связь обнаруживает отношение землевладения к едокам — почти такую же, как и отношение землевладения к работникам. Таким образом, влияние едоков на аренду приближается к влиянию числа работ-

ников, но меньше его При той тесной связи, которая существует между числом работников в семье и числом в ней едоков, прямое влияние числа работников на размеры аренды неизбежно должно сопровождаться производным или отраженным влиянием числа едоков на аренду. Мы вправе поэтому заключить, что влияние производственных моментов на размеры аренды является основным, определяющим величину этого явления, что же касается потребительских моментов, то их связь с арендою носит отраженный характер, является порождением той тесной связи, которая существует между числом работников и едоков в семье крестьянина.

Н А. Карышев указывает, что «для огромного большинства с'емщиков аренда вненадельной земли является делом не спекуляции, а необходимости... Служа главным образом, следовательно, удовлетворению первых потребностей заинтересованного населения вненадельная аренда, очевидно, должна иметь тесную связь с числом наличных душ («едоков») в арендующих дворах. Бесспорно, желательно было бы поэтому прежде всего проследить эту связь... К сожалению, однако, это невозможно, ибо наш материал не сообщает количества душ в арендующих семьях, а дает лишь число арендующих дворов» *) Бюджетные материалы позволяют проследить эту связь и определить ее резмеры. Она оказалась менее значительной, чем влияние факторов производства крестьянского хозяйства Возможно, что этот результат не отвечает ожиданиям, которые питал Карышев Но он не высказывал их более определенно. Формулировку взгляда, что размеры аренды в значительной мере зависят от размеров семьи, как потребляющей величины, мы находим у А. Н. Челинцева Он говорит в своей разработке бюджетов Тамбовской губ.: «Зависимость земельной территории хозяйства от количества едоков, т. е. от внутрихозяйственной плотности населения обнаруживается и в исследованных нами хозяйствах. Вот эти цифры площади землепользования, в % % к собственной земле в среднем по губернии·

В хозяйствах с площадью владения:

	До 4 д.	4—6 д.	6—8 д	8—14 д	бол 14 д	Среднее
5 и менее душ	173,3	106,3	103,1	109,1	107,7	110,5
6 — 7	148,8	148,7	134,8	102,3	97,3	114,8
8 — 9	128,2	144,4	162,1	127,8	100,0	132,7
10 и более	236,6	207,0	140,8	104,4	125,0	133,2
среднее	175,7	154,2	136,1	113,1	113,8	—

« . . Средние цифры говорят более наглядно о приспособлении территории хозяйства к размерам семьи; но и в пределах каж-

*) Крестьянские вненадельные аренды, стр 1.

дой группы по землевладению расширение площади землепользования тем больше, чем крупнее семья» *).

Как мы видели, именно в Тамбовской губ. коэффициент корреляционной связи между размерами аренды и числом едоков достигает сравнительно больших размеров — 0,34.

Но коррелятивные связи бывают прямые и отраженные; важен не только факт существования связи, но и ее характер. В приведенной цитате Челинцев, повидимому, считает связь между арендою и числом душ прямою. Но через несколько десятков страниц, остановившись на вопросе об отношении числа работников к числу душ в семье, он заключает: «Если увеличение семьи в среднем означает, как видим, рост числа работников, а увеличение числа работников сопровождается расширением площади, то становится понятной раньше выясненная зависимость территориальных размеров хозяйства (как и всех средств производства) от числа душ в семье» **). Другими словами, определяющее значение для размеров аренды имеет число работников, связь же между арендою и числом душ является производной, отраженной. Вывод, как мы видим, правильный; но способ, которым он получен, без установления и сравнения коэффициентов корреляции размеров аренды со всеми моментами, от которых аренда может зависеть, совершенно неудовлетворителен и лишен научной доказательности.

А. В. Чаянов, в свою очередь, приписывает определяющее значение нагрузке работников едоками. В своем исследовании бюджетов Старобельского уезда он делает след вывод: «Под давлением потребительских запросов семьи, хозяйство стремится расширить свою продукцию главным образом путем количественного расширения обрабатываемой территории, при чем это расширение удается ему тем полнее, чем большим количеством рук располагает семья и чем она экономически более мощна. Так, напр., на развитие аренд большое значение имеет размер собственной земельной площади» ***). Очевидно Чаянов приписывает все же потребительским запросам семьи значение самостоятельного фактора, влияющего положительным образом на размеры аренды.

По нашим данным, коэффициент корреляции между арендою и отношением едков к работникам по Старобельскому у. равняется — 0,007, т. е. хотя и в высшей степени ничтожных размерах, но с увеличением нагрузки работников едоками аренда падает, а не растет.

---

*) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства .. на примере Тамбовской губ., 1919, стр. 190 — 1.

**) Там же, стр. 245.

***) Бюджеты крестьян Старобельского уезда, 1915, стр 67, так же стр. 53.

На влияние отношения площади землевладения к числу душ в семье указывают А. А. Чупров*) и А. А. Кауфман**).

Очевидно, все эти указания влияния на аренду тех или других потребительских моментов страдают одним общим методологическим недостатком: они устанавливают факт некоторой корреляятивной связи, но не пытаются даже ее измерить, а тем более, определить ее характер, является ли она связью причинною, или отраженною.

Что касается относительных величин производственных моментов, — отношения количества хозяйственного имущества и числа работников к площади землевладения, — то, судя по величине их связи с арендою в губерниях с большими размерами аренд, они оказывают меньшее влияние, чем абсолютные величины производственных моментов На значении отношения землевладения к числу работников особенно настаивал А. А. Кауфман ***).

Итак, размер аренды определяется производственными факторами крестьянского хозяйства, — числом работников в семье, количеством принадлежащей ему земли и величиною хозяйственного имущества. Для большей наглядности, мы повторим табличку корреляятивных зависимостей аренды от этих факторов:

	Вельск	Волог	Новгор	Тамбов.	Староб
землевладение	—0,07	—0,31	—0,47	—0,01	0,46
работники	0,35	—0,10	0,18	0,33	0,54
хоз. имущество	0,18	—0,09	—0,28	0,48	0,69

Если бы мы имели данные только по Вологодскому и Старобельскому уу., мы могли бы подумать, что в полосе больших аренд ее размеры находятся в прямом отношении к величине факторов производства, а в полосе малых аренд — в обратном. Но данные по другим губерниям подсказывают иное толкование. Если мы подсчитаем по всем 5 обследованным территориям число корреляятивных коэффициентов с положительным и отрицательным знаком, то получим след табличку:

	положит.	отрицат.
землевладение	1 случай	4 случая
работники	4 „	1 „
хозяйствен. имуещство	3 „	2 „

Табличка эта наводит на мысль, что одним факторам свойственно положительное влияние на размеры аренды, другим —

*) Известия Петербургского Политехнического института, т. I, вып. 1 — 2, 1904, стр. 78 — 86.

**) Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства, 1918, стр. 92, 120 — 2.

***) Вопросы экономики, стр. 120 — 2.

отрицательное; слияние же действия нескольких факторов в различных комбинациях и порожает ту пестроту знаков при коэффициентах корреляции, которые характеризуют полученную нами таблицу

Попробуем раз'единить все эти перекрещивающиеся действия и противодействия различных факторов и прибегнем для этого, по примеру С А. Харизоменова, к комбинационным таблицам. Только в способе пользования этими таблицами мы пойдем гораздо дальше Харизоменова и, не довольствуясь сравнением полученных рядов на глаз, исчислим их коэффициенты регрессии и корреляции. Коэффициенты корреляции различных факторов с арендою в комбинационных таблицах дают след величины:

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Староб.
землевладение	—0,12	—0,18	—0,39	—0,41	—0,15
работники	0,14	0,03	0,25	0,18	0,11
хозяйств. имущ.	0,31	0,09	—0,06	0,49	0,64

В этой таблице каждый фактор, за одним лишь исключением, сохраняет свойственный ему знак. Таблица показывает, что:

1) размеры аренды находятся в прямом отношении с величиною хозяйственного имущества и числом работников, и обратном — с площадью землевладения;

2) число работников оказывает на размеры аренды менее значительное влияние, чем величина хозяйственного имущества, и

3) в разных губерниях относительная мощь отдельных факторов сильно изменяется, вследствие чего мы и получаем самые разнообразные комбинации эмпирических коэффициентов корреляции.

Единственным исключением из общего правила является Новгородская губерния, в которой величина хозяйственного имущества действует на размеры аренды не положительно, а отрицательно, и притом, величина действия этого хозяйственного фактора меньше величины действия числа работников в семье. Мы не можем дать удовлетворительного об'яснения этих особенностей земельной аренды в Новгородской губ. и ограничимся только след. предположением. В хозяйственной жизни этой губернии огромную роль играют заработки крестьян, уходящих в Петербург. Возможно, что влияние этих промысловых заработков на аренду перевешивает влияние накопленного имущества. А так как на заработки идут преимущественно члены более бедных семей, то зажиточность, сокращая отход, влияет отрицательным образом и на аренду.

В пользу этого предположения говорит след. особенность аренды в группе владеющих более 30 дес на двор, имеющей в данном случае решающее значение. На двор арендующий землю,

сдающий ее, и ни арендующий, ни сдающий ее, приходится в среднем (в рублях):

	аренд.	ни аренд. ни сдающ.	сдающ.
хозяйственного имущества .	900,3	1,302,7	1,657,1
промысл. заработков .	493,5	189,2	110,5

Наши выводы, следовательно, подтверждают выводы С. А. Харизоменова и опровергают как мнение А. А. Мануилова, что главным моментом, определяющим размеры аренды, является малоземелье, так и мнение В. А Косинского, что главное значение имеет число рабочих рук в семье или дворе. Этого же последнего мнения придерживаются, повидимому, также А. В. Чаянов и А Н. Челинцев. Так, А. В. Чаянов говорит: «параллельно росту рабочих сил семьи для нее значительно возрастает возможность использовать преимущество сложной кооперации Силы работника, координирующего свой труд с двумя-тремя другими работниками возрастают настолько, что не могут быть использованы на надельной площади и допускают широкое использование аренды Чем большее число работников об'единяет семья, тем шире возможность применения сложной кооперации и тем большая возможность расширять свою запашку за пределы надельной площади»*). По словам А. Н. Челинцева, «приспособление об'ема сельского хозяйства, поскольку он выражается площадью хозяйств, к размерам семьи, т. е. к числу работников и степени самоэксплуатации идет двусторонне; при увеличении семьи растет аренда и сокращается число случаев и размера сдачи земли в аренду, при уменьшении семьи — наоборот»**).

Результаты нашего анализа позволяют нам критически отнестись и к общей теории аренды, предложенной В. А. Косинским Сущность этой теории состоит в след. За землю идет борьба между крестьянами разного достатка. Кто побеждает в этой борьбе?

«Естественно, говорит проф. Косинский, что при конкурренции из за аренды побеждает тот, кто более силен, кто может больше заплатить за арендную землю

«Кто же может и захочет больше заплатить?

«Для того, чтобы ответить на этот вопрос, возьмем след. гипотетический пример... Предположим, что в одной и той же деревне рядом живут две крестьянские семьи (А и Б), обладающие одинаковым количеством мужской рабочей силы (скажем, по два

*) Бюджеты крестьян Старобельского у., стр. 12, также таблица на стр. 54.

**) Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, 1919, стр. 127 — 8, ср. также Опыт изучения крестьянского хозяйства Тамбовской губ., стр. 245.

человека) и одинаковым количеством лошадей (скажем также по 2 лошади). Но количество земли у них не равное у семьи А пусть будет 5 десятин, а у семьи Б — только 2 десятины. Кроме того предположим, что помощью того труда и скота, который имеется у наших семьей, каждая из них могла бы (максимум) обработать 10 десятин земли. Пусть далее, по соседству имеется у землевладельца земля, которая по своим качествам такова же, как и земля крестьян, и способна дать при обычной обработке за вычетом издержек по постоянному капиталу, дохода 30 руб с десятины. Пусть, наконец, для землевладельца представляется возможность вести свое хозяйство капиталистическим путем, т. е помощью наемного труда, причем, упомянутые 30 руб распределяются так: наемные рабочие получили бы 20 руб. с десятины, земельная рента равнялась бы 5 руб. и 5 руб. были бы процентами на капитал.

«При наших предположениях, если бы названные семьи пошли в наемные работники, то обрабатывая (помощью капитала владельца) по 10 десятин, каждая из них получала бы по 200 руб заработной платы. Допустим, что это и будет Existenzminimum для таких семей»

Кто же из них может дороже платить за арендуемую землю?

Крестьянин Б получает с своих двух десятин только 60 руб. дохода До минимального годового заработка, обеспечивающего ему самое необходимое для поддержания жизни и равного 200 р., ему нужно подработать 140 руб. Арендовать он может 10—2 = 8 десятин; след. с каждой десятины ему нужно иметь дохода 17,5 руб.; поэтому максимальная плата, которую он может предложить, равняется 12,5 руб

Крестьянин А получает с своих 5 десятин 150 р. дохода. До минимальных 200 руб. ему нужно доработать 50 руб. Арендовать он может 10—5=5 дес, следовательно, с каждой десятины он может удовольствоваться доходом в 10 руб., и арендную плату он может поднять до 20 руб. за десятину «Естественно, что А побеждает Б и других конкуррентов и аренда остается за А»*).

Отсюда Б А .Косинский делает вывод, что больше всего земли должны арендовать средние по достатку крестьяне: «Таким образом, хотя (при одинаковом обеспечении трудом и капиталом) наиболее нуждаются в арендовании земли крестьяне, обеспеченные меньше других надельною землею (безземельные и малоземельные), но при живой конкурренции наивысшую арендную плату определяют, так сказать, средние группы, приближающиеся по своему землевладению к обладателям пищевыми участками —

*) Крестьянское и помещичье хозяйство, 1906, стр. 191 — 5; также Основные тенденции в мобилизации земельной собственности, 1917, стр. 417 — 8.

Nahrungsflache. Дворы, обладающие землею в размере пищевых участков и больше, опять платят меньшую аренду». — «Победителем в борьбе за аренду оставались не наименее и не наиболее обеспеченные собственной землей, а лица, имевшие в своем обладании участки, не достигающие размеров Nahrungsflache, но все же более или менее близкие к Nahrungsflache. Эти лица оттесняли и наиболее малоземельных, и обадающих более чем Nahrungsflache. Они же определяли и высоту арендной платы: они соглашались платить наивысшую арендную цену»*).

В Г. Бажаев без каких бы то ни было оговорок принимает этот вывод В. А. Косинского, что в борьбе за землю побеждают средние крестьяне**).

Вся эта теория В. А. Косинского рассчитана повидимому на об'яснение арендных отношений в нечерноземной полосе России, полосе малых аренд: напр., в Вологодской или Новгородской губ. (см. табл. на стр. 58). Арендные отношения черноземных губ. в рамки этой теории очевидно не укладываются. В Воронежской, Тамбовской и Харьковской губ. зажиточные крестьяне арендуют земли не меньше средних и бедных, а гораздо больше.

Затем, при построении своей теории В. А. Косинский исходит из сравнения арендной силы двух дворов, обладающих одним и тем же количеством и рабочих сил, и хозяйственного имущества, — различающихся, следовательно, только размерами землевладения Таким образом, вся теория В А Косинского построена на устранении влияния этих двух факторов, — как будто аренда определяется не только главным образом, но исключительно одними размерами землевладения крестьянского двора. Так строит свою теорию В. А. Косинский, несмотря на то, что в другом месте (уже цитированном выше) он главное значение приписывает числу рабочих сил в семье. Понятно, что устранение влияния этих двух факторов должно было самым фатальным образом отозваться на его теории. Не менее пагубное значение для нее имеет допущение существования одного минимального уровня жизни для крестьян разного достатка. Как мы увидим в другом очерке, такого единого уровня жизни в деревне нет. Этот уровень в каждой семье особый, определяемый ее достатком. Если бы общий уровень существовал, тогда ни малоземельные, ни многоземельные крестьяне совсем не могли бы арендовать земли. Но мы знаем, что они все же землю арендуют, малоземельные — меньше своих более зажиточных соседей, многоземелные — часто даже больше крестьян средней зажиточности, первые — платя за эту аренду некоторым понижением своего уровня жизни, вторые — получая от нее некоторое его повышение.

---

*) Крестьянское и помещичье хозяйство, стр. 197, 328

**) Крестьянская аренда в России, 1910, стр. 45, 83.

Что касается остальных моментов, меру коррелятивной связи которых с размерами аренды мы пытались выяснить, именно, промысловых заработков, % денежности крестьянского хозяйства и высоты валовой доходности десятины землепользования, то наши данные не позволяют извлечь из них никаких определенных выводов. В нашей литературе господствовало убеждение, — судя по нашим данным мало обоснованное, — что земельная аренда находится с промысловыми заработками в некотором антагонизме Так, напр. Н А Карышев заметил, что всякого рода промыслы и заработки отвлекают крестьян от найма чужих земель*). По-видимому ход его мысли был таков: годовой доход крестьянского хозяйства может быть повышен или интенсификацией хозяйства на собственной земле, или его экстенсивным расширением путем аренды, или обращением к промысловым заработкам. Кто больше арендует, тот меньше зарабатывает на стороне, и наоборот.

Бюджетные данные показывают, что действительность гораздо сложнее и между арендой и промыслами нет прямого антагонизма

В конце концов, конечно, крестьянская аренда порождается недостатком земли у крестьян, — но недостатком не продовольственного характера, который имеют в виду, когда говорят о крестьянском малоземелье, а недостатком чисто производственного характера. Как мы уже указывали в начале главы, в каждом хозяйстве все факторы производства должны находиться между собою в известном соответствии, определяемом техническими соображениями. Когда эта оптимальная норма нарушена, мы говорим о недостатке того или другого фактора. Многоземельный крестьянский двор может испытывать этот недостаток, если размеры его хозяйственного имущества и количество рабочих сил позволяют ему обработать большее число десятин, чем то, каким он владеет. На него влияет, следовательно, не только количество работников в семье, но и количество принадлежащего двору хозяйственного имущества. Во многих крестьянских хозяйствах земля в ряду факторов производства находится в минимуме, нарушая оптимальное их соотношение Аренда земли восполняет этот дефект в организации крестьянского хозяйства. Как показывает наша таблица эмпирических коэффициентов корреляции, аренда тем больше, чем большее количество капитала и рабочих рук приходится на десятину земли, принадлежащей крестьянскому двору Очень показательна в этом отношении след. табличка, показывающая тесноту коррелятивной связи, с одной стороны, размеров крестьянского землевладения, с другой — размеров землепользования, с остальными факторами производства, хозяйственным имуществом и рабочими силами семьи·

*) Крестьянские вненадельные аренды, стр. 151 — 2, 156.

	Вельск	Волог	Новгород	Тамбов	Староб
землевлад.-хоз. имущ.	0,33	0,66	0,55	0,51	0,79
землепольз.-хоз. имущ	0,40	0,65	0,49	0,67	0,86
землевлад.-работники	0,24	0,30	0,23	0,30	0,58
землепольз -работники	0,28	0,30	0,35	0,47	0,64

В полосе малых аренд, к которой принадлежат нечерноземные губернии, аренда слабо улучшает соотношение факторов производства, а в Новгородской губ, на исключительный характер аренды в которой мы уже указывали, даже в одном случае ухудшает. За то в полосе больших аренд, в черноземных губ, положительное значение аренды в этом отношении выступает вполне определенно. Особенно в малоземельной Тамбовской губ., в которой коррелятивная связь размеров землепользования с прочими факторами крестьянского хозяйства гораздо теснее, чем связь с ними крестьянского землевладения.

ГЛАВА III.

ЛИЧНЫЕ РАСХОДЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ.

Личные расходы крестьянской семьи должны бы, казалось, представлять полную аналогию с хорошо изученными в западноевропейской литературе рабочими расходными бюджетами. Однако, и тут крестьянские бюджеты обнаруживают некоторые особенности.

В рабочих бюджетах, все расходы в общем и целом носят текущий характер, т. е. расходы на личные потребности соответствуют величине потребления. Некоторым исключением являются лишь расходы на домашнюю утварь, где она имеется, и одежду В крестьянских бюджетах, напротив, некоторые статьи определенно не носят этого текущего характера. Таковы расходы на жилище и одежду. Изба или хата строятся на десятки лет, и ежегодный расход на их ремонт далеко не соответствует ни той пользе, которую получает от них крестьянская семья, ни действительным расходам ее на эту потребность, если мы их учтем за много лет. Точно также и расходы на одежду, обувь и белье могут быть произведены в одном году, а носиться она будет в другом. Хороший год благоприятствует росту расходов на жилище и одежду, плохой год их сильно сокращает, хотя потребление, быть может, увеличивается или сокращается в самых незначительных размерах. Чтобы определить действительные расходы крестьянской семьи на жилище и одежду, нам нужно было бы иметь среднюю их расходов за ряд лет. Напротив, расходы на пищу носят текущий характер и точно определяют величину потребления.

В приведенных ниже бюджетах учтены фактические расходы на личные потребности. Следовательно, бюджеты эти не вполне точно отображают действительные расходы крестьянских семей. Насколько велика ошибка, это зависит от того, в какой год производилось бюджетное исследование, — в средний по своим хозяйственным результатам, хороший или дурной.

Познакомимся прежде всего с фактическими размерами личных расходов крестьянских семей, поскольку они учтены в наших бюджетных исследованиях. Группируя семьи по величине их расходов на личные потребности, мы получаем след. табличку.

	Вельск	Волог.	Новгород	Тамбов	Староб
до 100,0 руб .	8	9	—	—	1
100,1—200,0 .	31	49	6	—	14
200,1—300,0 .	32	42	28	7	14
300,1—400,0 . .	22	23	27	13	11
400,1—500,0	6	7	14	17	14
500,1—600,0 .	2	5	9	26	9
600,1—700,0 . .	1	1	4	12	9
700,1--1000,0 .	—	—	4	7	10
более 1000,0 . .	—	—	—	3	9
всего	102	136	92	85	91

В общем, черноземное крестьянство гораздо зажиточнее северного. Однако, семья, как единица потребления, не представляет собою неизменного и неразложимого целого: это величина сильно изменяющаяся. В самом деле: семья состоящая из двух душ, не может быть равнозначна, как потребляющая величина, семье в 6-7 душ. Поэтому будет правильнее принять за единицу учета личных расходов не семью, а человека, или, по принятой у нас терминологии, душу.

Конечно, 2-й член семьи, при прочих равных условиях, представляет собою иную потребительную величину, чем 6-й. Другими словами, члены семьи представляют собою не самостоятельные потребительные величины, определенные и неизменные, из которых складывалась бы семья и на которые она могла бы быть разложена в теоретическом анализе, а части одного хозяйственного целого, величина потребительной способности которых зависит от величины и строения семьи, как потребительного целого. На это обстоятельство обратил внимание уже Трирогов*); А. В. Чаянов правильно замечает, что «в квартире, где живут трое, свободно могут поместиться и четверо, в лампе сгорает столько же керосина, когда она светит четверым вместо двух, один и тот же самовар может служит различному числу людей и т. д. Возможность сокращения расходов на 1 едока в отдельных статьях бюджета приводит к тому, что известная степень насыщаемости всех потребностей будет достигаться с тем меньшими затратами на одного человека, чем больше размер семьи»**). Тем не менее,

*) Община и подать, стр. 77.

**) Очерки по теории трудового хозяйства, вып. II, стр. 24 — 25; также Основные вопросы сельского хозяйства, стр. 12.

мы несомненно ближе подойдем к действительности и сделаем меньшую ошибку, если примем за счетную единицу человека, а не семью. Группируя семьи по величине их личных расходов на одного члена семьи, мы будем имет следующую табличку

		Вельск	Волог	Новгород	Тамбов.	Староб
от	10,1— 20,0	6	2	—	—	1
	20,1— 30,0	20	18	8	1	2
	30,1— 40,0	30	30	13	3	17
	40,1— 50,0	21	35	17	13	15
	50,1— 60,0	12	19	22	20	13
	60,1— 70,0	4	18	10	16	16
	70,1— 80,0	3	7	8	14	9
	80,1— 90,0	1	3	7	12	3
	90,1—100,0	1	1	2	3	1
	100,1—120,0	2	1	4	2	6
	120,1—150,0	2	2	—	—	7
	150,1—200,0	—	—	1	—	1
	более 200,0	—	—	—	1	—
	всего	102	136	92	85	91

Но и человек, как счетная единица расходов на личные потребности, является мало устойчивой величиной. Грудной ребенок, дитя 4-6 лет, взрослый мужчина работник, старик старше 60 лет, — представляют собою слишком неравные потребительные величины. Бюджетные статистики давно уже обратили внимание на это обстоятельство и сделали соответствующие выводы.

Мысль установить идеальную счетную единицу, едока, для измерения потребительных нужд семей различного личного состава, принадлежит немецкому статистику Эрнсту Энгелю. Изучая бюджеты бельгийских рабочих, он поставил себе вопрос, «является ли вообще семья как таковая годным для употребления масштабом при измерении ее потребления. На этот вопрос мы должны дать отрицательный ответ. Основным условием годности всякого масштаба является его неизменность. Но семья ведь представляет собою в высшей степени изменчивую величину. В ее состав входят лица разного возроста и пола; они входят в семью и выходят из нея, частью на продолжительное время, частью навсегда. Молодые члены подрастают, их потребности увеличиваются, они больше потребляют. Словом, семья почти никогда не бывает в последующий момент тем, чем она была в предыдущий момент. Точно также, если мы примем за единицу измерения человека, мы этим дела не улучшим»*). Потребитель-

*) E. Engel. Die Lebenskosten belgischer Arbeiterfamilien früher und jetzt, 1895, стр. 4.

ная способность человека явным образом зависит от его возраста, пола и социально-экономического положения. Поэтому, напр, первый международный статистический конгресс, созванный по инициативе Кетле в Брюсселе в 1853 году, постановил, что бюджетные анкеты должны охватывать семьи разного социального положения, но одинакового, типичного состава Согласно этому постановлению конгресса, бельгийская анкета 1853 г изучала бюджеты «типичных» семей, состоящих из 6 человек, отца, матери и четырех детей, — 16, 12, 6 и 2 лет. Энгель, усомнившись в практический применимости метода наблюдения «типичных» семей, предложил ввести условную счетную единицу, — названною им кетою, в память Кетле, — с помощью которой семьи любого личного состава могли бы быть сведены к общей мере.

При определении потребительной способности семьи он особенно рекомендует «считаться с возрастом ее членов, так как этот момент имеет значительное влияние на потребление, начиная с момента рождения вплоть до 25-летнего возраста для мужчин и 20-летнего для женщин Очень тщательные исследования об издержках воспитания человека в наиболее многочисленном классе населения позволяют мне определить издержки на новорожденного в этом классе в 100 марок в год; мне кажется правильным принять эту сумму за исходную точку и, основываясь на тех же исследованиях, увеличивать ее на 10% в год до 25 лет для мужчины и 20 лет для женщины.. Введение этих единиц делает исчисление потребительских бюджетов независимым от состава семей»*).

Такая расценка потребительной способности лиц разного возраста и пола несомненно является недостаточно обоснованной, произвольной Бросается в глаза и явная ошибка в этой схеме: потребительная способность стариков и старух старше 60 лет явно ниже потребительной способности мужчин и женщин рабочего возраста Отсюда стремление исправить коэффициенты Энгеля, приведшее к созданию большого числа самых различных систем сведения неравного состава семей к единой условной счетной единице.

Наши земские статистики попытались обосновать эту расценку потребительной способности лиц разного пола и возраста на индуктивных данных: на опросе домохозяев во время составления бюджетных монографий, как расценивают они, на основании своих повседневных непосредственных наблюдений, относительную величину участия каждого члена их семей в потреблении всех пищевых продуктов. Опрос этот дал следующие результаты:

---

*) E. Engel. La consommation comme mesure du bien-être des individus, des familles et des nations. Bulletin de l'Institut int. de Statistique, т. II, ч. I, 1887, стр. 70—71.

	Вологод. у*)	Тульск. губ**)	Принят. норма
Работники 18-60 лет . .	1,00	1,00	1,00
работницы 16-55 лет . . .	0,78	0,90	0,80
полуработники 14-17 лет	0,80	0,74	0,80
полуработники старше 60 лет .	0,80	0,78	0,80
полуработницы 13-15 лет . . .	0,64	0,66	0,60
полуработницы старше 55 лет .	0,61	0,71	0,60
дети обоего пола старше 5 лет	0,55	0,51	0,55
„ „ „ 1-5 лет . . .	0,32	0,31	0,30
„ „ „ до 1 года	0,13	0,11	0,10

Несомненно, этот способ определения коэффициентов потребления дает им известное индуктивное обоснование, но и он не решает вопроса. Способ этот исходит из произвольного допущения, что участие каждого члена семьи в потреблении всех вообще благ то-же, что и его участие в потреблении одной только пищи. Нет никаких основании предполагать, что расходы на одежду и жилище, в зависимости от возраста и пола, изменяются пропорционально расходам на пищу. На это обратил внимание уже Ф. А. Щербина***).

Одновременно Ф. А. Щербина обратил внимание еще на след. сторону вопроса об этих коэффициентах. Отдельная семья, несомненно, по своему личному составу и потребительной способности своих членов сильно разнится от другой соседней семьи. Но когда мы берем сотни или несколько десятков семей, то оказывается, что средняя потребительная способность одного члена семьи в каждой группе, по мнению Ф. А. Щербины, приблизительно одна и та же: здесь действует закон больших чисел. Поэтому значение кет ограничивается «главным образом мелкими случаями, когда мало бывает абсолютных данных. Если, напр, из двух семей в 6 душ каждая, одна состоит из шести взрослых лиц, а другая из двух взрослых и четырех детей, то само собою понятно, что подразделением таких семей на кеты можно точнее выразить об'ем потребностей, чем рассчетом на душу. Но по мере того как будет суммироваться большее число тех и других случаев, индивидуальные особенности каждой семьи станут сглаживаться все более и более в этом отношении и получится нечто общее, однообразное». В воронежских бюджетах, напр., при группировке по площади землевладения, «отношение между населением и количеством кет более или менее однообразно: в

*) Материалы для оценки земель Вологодской губ., т. II: Вологодский у, вып. II, 1907, стр. 213.

**) Продовольствие крестьянского населения Тульской губ., 1917. стр. 21.

***) Крестьянские бюджеты, стр. 87 — 88, 102.

среднем на одну душу приходится 2,51 кет, и отклонения от этой цифры незначительны»*).

Этот вывод Ф. А. Щербины мы считаем вполне правильным. Как известно, с ростом доходного бюджета крестьянской семьи растет и ее размер, т. е. число в ней душ. При этом в разных бюджетных группах на наличную душу приходится различное число условных потребительных единиц. Так, при группировке по высоте личных расходов на семью, на одну душу приходится потребительных единиц·

	Вельск.	Волог.	Новгород.	Тамбовск.	Староб
до 100,0 руб	0,69	0,70	—	—	0,90
100,1—200,0	0,72	0,72	0,66	—	0,68
200,1—300,0	0,73	0,72	0,69	0,69	0,65
300,1—400,0	0,70	0,71	0,68	0,68	0,67
400,1—500,0	0,75	0,74	0,65	0,64	0,65
500,1—600,0	0,67	0,76	0,73	0,66	0,64
600,1—700,0	0,76	0,61	0,71	0,65	0,64
700,1-1000,0	—	—	0,71	0,67	0,66
более 1000,0	—	—	—	0,68	0,67

Как показывают эти данные, с ростом бюджета потребительная способность среднего члена семьи, выраженная в потребительных единицах, изменяется лишь незначительно и притом неопределенно. Поэтому, при большом числе наблюдений счет на кеты, повидимому, безцелен.

Критерием совершенства той или другой системы учета потребительной силы семьи является, очевидно, мера корреляции между личными расходами семей и количеством в них потребительных единиц.

Так как в разных бюджетных группах одна наличная душа имеет различную потребительную силу, то рассчет на число условных или идеальных единиц — едоков должен дать ряд величин, сильнее коррелирующих с высотою расходного бюджета, чем число душ в семье, и тем сильнее, чем совершеннее принятая система потребительных коэффициентов. Если мы, однако, сделаем соответствующие вычисления с принятой в наших бюджетных исследованиях системой коэффициентов, то получим следующие довольно неожиданные результаты Теснота корреляцтивной связи равняется

	Вельск	Волог.	Новгор.	Тамбв.	Староб.
ч. душ в семье — ч. едоков	0,89	0,91	0,91	0,95	0,97
личные расходы — ч. душ . .	0,66	0,60	0,47	0,63	0,69
личные расходы — ч. едоков	0,69	0,61	0,51	0,65	0,72

*) Там же стр. 150. 151.

Мы вправе из этой таблицы сделать след выводы.

1) принятая у нас система потребительских коэффициентов дает на семью такое число условных потребительских единиц, едоков, теснота связи которого с расходным бюджетом семьи лишь на 0,01-0,04 единицы превышает тесноту связи с бюджетом числа душ;

2) поэтому, для анализа бюджетных данных мы почти с одинаковым успехом можем пользоваться как числом едоков, так и числом душ.

Было бы в высшей степени интересно по какой либо территории исчислить число едоков по всем предложенным способам учета потребительной силы населения, и определить затем меру корреляции числа едоков, учтенного разными способами, с величиною личных расходов

Быть может, такая работа и обнаружила бы тот способ исчисления потребительной способности населения, который дал бы число едоков, значительно более коррелирующее с личными расходами крестьянских семей, чем число душ. Но пока эта работа не сделана, замена естественной величины числа душ искусственной единицей едока дает лишь незначительное уточнение результатов анализа.

Тем не менее, идеальная единица учета потребления, едок, получила широкое распространение в бюджетных работах. Поэтому нам нужно познакомиться и с величиною личных расходов на одного едока:

	Вельск.	Волог.	Новгор	Тамбов.	Староб.
20,1 — 30,0 руб.	7	3	—	—	—
30,1 — 40,0	19	11	4	—	2
40,1 — 50,0	15	19	9	1	6
50,1 — 60,0	20	28	8	1	7
60,1 — 70,0	17	20	17	7	14
70,1 — 80,0	10	18	15	12	14
80,1 — 90,0	6	19	13	16	6
90,1 — 100,0	3	10	5	10	8
100,1 — 120,0	2	2	10	18	15
120,1 — 150,0	3	6	6	19	5
150,1 — 200,0	—	—	4	—	11
более 200,0	—	—	1	1	3
всего	102	136	92	85	91

Уже в 1887 г, на основании изучения расходного бюджета нескольких крестьянских хозяйств Острогожского у. Воронежской губ., Ф. А. Щербина установил так назыв. «закон средних потребностей». В одной из своих позднейших работ г. Щербина формулировал этот «закон» след. образом: «в разных местах России получаются почти однообразные средние величины, опре-

деляющие об'ем крестьянских потребностей. Если выразить последние делением общей суммы расходов крестьянской семьи на количественный состав последней, то окажется, что денежные расходы (т. е выраженные в деньгах. — С. П.) в среднем выводе на одну душу населения очень близки между собою в самых отдаленных одна от другой местностях России .. В различных местностях получаются от деления общей суммы расходов на общее количество населения, очень близкие между собою по размерам средние величины, приближающиеся к средней для всех десяти губерний цифре расхода на одну душу в 54 р. 92 к. С одной стороны, в Херсонской губ, а с другой в Вятской об'ем потребностей выражается в одних и тех же 58 р. 51 к. на душу; очень близки затем между собой расходы по Рязанской и Пермской губ., по Ярославской и Новгородской, по Саратовской и Тульской и т. п. Все это тем разительнее, что составление бюджетов велось разными лицами, в разное время и по особым в каждом случае, выработанным самостоятельно программам. Самые колебания средних величин могли произойти частью от различия в приемах составителей бюджетов по оценке деньгами отдельных предметов и статей, а частью от трудности найти среднее типическое хозяйство для данной местности»*). Последние слова Ф. А. Щербины показывают, что он готов был видеть в среднем расходе на душу 54 р. 92 к. реальную величину, характерную для хозяйства русского крестьянина. Если, продолжает он далее, «несмотря на крайне резкие различия как в конкретных бюджетах, так и особенно в составных частях их, оказывается тем не менее однообразие средних величин, характеризующих крестьянские потребности, то, очевидно, явление это служит своего рода особенностью существующего экономического и бытового строя страны» **).

Эти заманчивые перспективы оказались, к сожалению, простым миражем, ибо в основе их лежало соединение в одно целое личных и хозяйственных расходов, — величин глубоко различных, суммировка которых представляла собою арифметическую операцию, лишенную какого бы то ни было экономического смысла.

Пережитком этой идеи Ф. А. Щербины является группировка бюджетов Кадниковского уезда по размерам расходов, хозяйственных и личных.

Но если бюджетные исследования крестьянского хозяйства довольно быстро освободились от идеи сложения личных расхо-

---

*) Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства, 1897, т. II, стр. 6 — 7.

**) Там же, стр. 9.

дов с хозяйственными, то существо приведенной выше мысли Ф. А. Щербины, найдя подтверждение в некоторых результатах первых бюджетных исследований, укоренилось в них довольно прочно. Было признано, что характерною особенностью экономического и бытового строя России является однообразие средних величин расходов крестьянской семьи, как отражения общего для всей массы крестьянского населения среднего уровня личных потребностей «Прожиточный минимум» русского крестьянина есть величина неизменная и в пространстве и во времени Умножая на число едоков, она дает сумму чистого дохода, необходимого для «прокорма» крестьянина и его семьи. Пока этот доход не получен, крестьянин готов браться за работы с нищенской оплатой труда. Когда он достигнут, крестьянин не хочет больше работать, хотя бы и на самых выгодных условиях.

Индуктивным основанием этой концепции являются прежде всего данные воронежских бюджетов. Показателем высоты уровня жизни являются два признака: расходы на личные потребности в рублях и % бюджета, расходуемый на пищу Как показало изучение рабочих бюджетов, с ростом уровня жизни расходы на пищу, увеличиваясь абсолютно, поглощают все меньшую и меньшую долю бюджета (закон Энгеля). Крестьяне Воронежской губ. тратят на одного члена семьи след. количество рублей, а расходы на пищу составляют след. долю бюджета·

	Расходы на душу в рублях	Расходы на пищу в %
безземельные	32,5	47,0
владеющие до 5,0 — дес.	31,0	56,5
„ 5,1 — 15,0 дес.	31,1	58,0
„ 15,1 — 25,0 „	32,6	60,9
„ более 25,0 дес.	38,4	54,9
в среднем	33,0	57,7

Из этой таблицы повидимому следует, что вся масса воронежских крестьян, за исключением группы, владеющей участком земли более 25 десятин на двор, представляется однородной по своему уровню жизни. Относительный рост расходов на пищу говорит даже за то, что с ростом землевладения уровень жизни крестьян не растет, а падает. И лишь в незначительной по своим размерам группе крестьян с 25 дес. и более на двор мы находим признаки, указывающие на более высокий уровень жизни.

Против воронежских бюджетов может быть приведен тот отвод, что группировка по размерам землевладения мало показательна Но вот данные по Вятскому у , сгруппированные по размерам посевной площади на двор:

	Расходы на 1 душу в рублях	Расходы на пищу в %
сеющие до 1,0 дес.	42,5	62,1
„ 1,01 — 2,50	32,4	67,3
„ 2,51 — 5,0	30,5	67,9
„ 5,01 — 7,5	33,3	68,3
„ 7,51 — 10,0	31,1	67,9
„ 10,01 — 15,0	36,8	68,5
„ 15,01 — 20,0	32,7	67,1
„ более 20,0	37,0	72,8
в среднем	32,7	67,9

Итак, вся масса вятских крестьян так же однородна по своему уровню жизни, как и масса воронежских крестьян. Исключением является только совсем незначительная (около 0,5%) группа, сеющая более 20 дес. на двор.

Однако, по Вологодскому уезду бюджетные исследования дали иную картину уклада жизни крестьянства.

	Расходы на 1 душу в рублях	Расходы на пищу в %
сеющие до 1,0 дес	37,6	61,9
„ 1,01 — 2,0	43,9	65,6
„ 2,01 — 3,0	42,5	62,1
„ 3,01 — 4,0	51,0	57,0
„ 4,01 — 6,0	58,3	52,1
„ 6,01 и более	69,2	51,3
в среднем	46,2	60,5

Оба столбца этой таблицы показывают, что уровень жизни многосеющих крестьян, выше уровня жизни малоземельных По словам К. Я. Воробьева, разрабатывавшего бюджетные материалы по Вологодскому у., «неравномерность обеспечения крестьянского населения землею и скотом и вызываемая этой неравномерностью более низкая доходность труда в низших экономических группах хозяйства ведут к тому, что размер всех потребностей семьи в этих хозяйствах заметно сокращается сравнительно с более крупными хозяйствами· население последних питается лучше и здоровее, и одевается чище, и живет в лучшей обстановке, чем население первых» *). Аналогичные различия уровня жизни наблюдаются и в Тотемском уезде: «Даже при той сравнительно слабой дифференциации крестьянских хозяйств, какой отличается Тотемский уезд, различия между отдельными группами хозяйств, отличающимися друг от друга по размерам посевной площади, наблю-

*) Материалы для оценки земель Вологодской губ., т. II: Вологодский уезд, вып. II, стр. 238.

даются довольно значительные. Эти различия сводятся к тому, что чем ниже посевная группа хозяйств, чем она менее зажиточна, тем она хуже питается, хуже одевается, тем больше из нее рекрутируются наемные рабочие, живущие исключительно продажей своей силы, и тем ниже ее общий культурный уровень» *). По Кадниковскому у. мы имеем след. характеристику: «Рост имущественного обеспечения, особенно в отделе имущества личного, рост доходов и рост расходов на личные потребности, указывают на беспорное увеличение благосостояния населения с расширением его земледельческого хозяйства: крупные посевщики имеют и улучшенное питание и лучшую одежду и лучшее жилище» **).

Однако, по самому северному из уездов Вологодской губ, Вельскому, И. А. Сабанеев констатировал наличие некоторых явлений, противоречащих этой прямой зависимости высоты бюджета от размеров землепользования. Именно, он констатировал неизменный % расходов на пищу, вместо нормально падающего процента (по закону Энгеля). По этому поводу И А. Сабанеев замечает: «Любопытна чрезвычайная устойчивость относительной величины расхода на пищу при группировке бюджетных описаний. Для первых четырех посевных групп этот расход составляет ровно 78% общей суммы расходов на личные потребности, а для пятой группы 81%, т. е. почти 78%. Трудно подыскать удовлетворительное об'яснение для такого постоянства относительных величин, а между тем трудно считать его и случайным, хотя бы потому, что то же постоянство обнаружилось и при изучении монографий Тотемского уезда. В этом случае для первой и пятой посевных групп расход на пищу составляет 83%, для второй и четвертой 81%, а для третьей 80%. Правда, цифры Вологодского уезда изменяются уже иначе: относительная величина расхода на пищу при группировке хозяйств по посевной площади, постепенно убывая, составляет для первой группы 71%, а для последней 61%»***).

Таковы внутренние противоречия того статистического материала, который дают наши бюджетные исследования крестьянского хозяйства

В своем докладе 27 января 1912 г. Вольному Экономическому Обществу А. В. Чаянов, приведя эти данные воронежских бюджетов, приходит к выводу, что «разница в обеспеченности землей оказала весьма малое влияние на количество продуктов, потребляемых хозяйствующим человеком.. Итак, задачей хозяй-

*) Там же, т. III, Тотемский у., вып. II, стр. 228

**) Там же, т. V, Кадниковский у., вып II, стр. 215.

***) Материалы для оценки земель Вологодской губ., т. IV. Вельский у., вып II, стр. 166.

ственной деятельности семьи является обеспечение каждому едоку некоторой суммы средств существования, ценностью около 50 руб.»*) А. В. Чаянов утверждает даже, что закон средних потребностей находит себе подтверждение и в данных Вологодского у., — данных являющихся главным индуктивным аргументом против этого закона. Для этого А. В. Чаянов перегруппировывает бюджетный материал Вологодского уезда по числу работников в семье и получает след. табличку**)

Число работников	Бюджет едока
0 — 1,0	69,3 руб.
1,1 — 2,0	74,6 „
2,1 — 3,0	69,1 „
3,1 — 4,0	59,1 „
4,1 — 5,0	64,0 „

Казалось бы, из этой таблички можно сделать только тот вывод, что число работников в семье не влияет на высоту бюджета едока, что бюджет этот определяется другими моментами. Ведь второй столбец состоит из средних, покрывающих любые индивидуальные уклонения от средней нормы. Чаянов однако думает, что табличка эта доказывает неизменность бюджета едока. Такую же устойчивость среднего бюджета едока он нашел и при группировке бюджетов по величине нагрузки работников едоками***), и при группировке по высоте оплаты одного рабочего дня. По Волоколамскому уезду он получил, при последней группировке, следующую табличку****):

Оплата одного рабочего дня (в рублях)	Дней работы в течение года	Бюджет едока
0 — 1,00	114,3	109,8
1,01 — 1,25	100,2	97,2
1,26 — 1,50	93,1	104,7
1,51 и более	90,0	100,2

Отсюда Чаянов делает вывод, что «несмотря на увеличение продуктивности труда, личный бюджет не увеличивается и весь эффект направляется на сокращение массы труда. Чрезвычайно интересно, что на многих русских фабриках со сдельной рабо-

*) Вопросы организации сельского хозяйства, 1912, стр. 4.

**) Там же, стр. 10.

***) Там же ст. 5 — 6.

****) Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России, вып. II: Смоленская губ., стр. IX.

той отмечалось то же обстоятельство: — при увеличении расценок производительность рабочего падала и заработок оставался таким же, каким был и прежде. Олексенко, автор одного из интереснейших докладов на Екатеринославском агрономическом с'езде 1910 года, столкнувшись с подобным же постоянством крестьянского бюджета и нежеланием его увеличения путем интенсификации хозяйства, об'яснил это тем, что сами потребности рядовой крестьянской семьи стоят на самом низком уровне, и раз оне удовлетворены — хозяйствующий человек не имеет стимулов к дальнейшей затрате труда. Применяя к нашей схеме это положение, мы можем сказать, что до удовлетворения обычных, сложившихся десятилетиями потребностей, оценка каждого лишнего рубля очень высока, но раз эти весьма минимальные потребности удовлетворены, то суб'ективная оценка следующих рублей сразу падает до ничтожной величины... Сейчас же после суммы, удовлетворяющей обычные потребности, она (линия, изображающая суб'ективную оценку продукта труда) круто, почти вертикально падает на значительную величину и только после этого продолжает свое нормальное развитие, так как продукты необычного потребления хотя и оцениваются суб'ективно весьма низко, но все же оцениваются и сравниваются» *).

Эта устойчивость бюджета едока в крестьянском хозяйстве приводит А. В. Чаянова также к заключению, что в этом отношении существует принципиальное различие в экономическом положении фабричного рабочего и самостоятельного хозяина-крестьянина. «Наемные промышленные рабочие, — говорит он, — продукция которых не зависит от их воли, почти не могут увеличить своего дохода свыше нормы, устанавливаемой условиями рынка труда. Единственные доступные формы этого увеличения — заработок жены и сдача в наем части своей квартиры — поставлены в весьма узкие рамки, благодаря чему потребление едока за исключением первых групп, когда еще не исчерпаны все рессурсы, — представляет собою частное от деления выработки работника на число приходящихся на него едоков». Поэтому, в рабочей семье бюджет едока должен падать просто потому, что на один и тот же неизменный источник дохода должно жить большее количество людей. «В самостоятельном же сельско-хозяйственном предприятии, где продукция определяется самим хозяйствующим человеком, мы наблюдаем совершенно иную картину» **). Суть этой картины в том, что «размер русского крестьянского бюджета всецело определяется запросами потребления, сообразно чему крестьянский работник всегда доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей едоков. Таким

*) Там же, стр. X.

**) Очерки по теории трудового хозяйства, 1912, вып. I, стр. 17—18.

образом, в этом случае продукция работника представляет собою частное от деления бюджета семьи, стоящего на обычном уровне удовлетворения потребностей, на число работников в семье»*).

Как показывают эти теоретические соображения А. В. Чаянова, существование или отсутствие единого обычного уровня жизни в массе крестьянских хозяйств может быть поставлено в связь с основными проблемами экономии крестьяского хозяйства Сейчас нас интересует не об'яснение факта, а самый факт. Существует этот единый уровень жизни в массе крестьянского населения России или нет? В 1912 — 1913 гг. А. В. Чаянов был убежден, что существует. Его индуктивные доказательства этого существования приведены нами выше. В 1915 г в своей разработке бюджетов Старобельского уезда, он пришел к обратному выводу, что этот единый уровень не существует.

В этом его убедила комбинационная группировка бюджетного материала по Старобельскому уезду, выяснившая характер влияния на бюджет едока как нагрузки работников едоками, так и числа десятин пашни. Вот эта табличка:

на 1 работника приходится своей пашни (десятин)	отношение едоки-работники 1.0—1,30	1 31 - 1.60	1,61 и более
до 2,0	71,1	75,2	71,8
„ 2,1 — 3,0	85,1	87,8	72,7
„ 3,1 и более	86,3	85,9	88,7

В то время, как при группировке по числу едоков, приходящихся на одного работника, бюджет едока остается неизменным, при группировке по площади землепользования он обнаруживает определенную тенденцию развития. Эта комбинационная таблица показала всю ошибочность выводов, извлекавшихся А. В. Чаяновым в 1912 — 13 гг. из простых групповых таблиц. Мы видели выше эти таблицы и делавшиеся из них А. В. Чаяновым выводы. Этот методологический шаг вперед привел А. В. Чаянова к отказу от идеи общего уровня жизни крестьян и «закона средних потребностей». Он признал, что на бюджет едока определяющее влияние оказывает фактор земельного обеспечения, и что из бюджетных данных «нельзя заключить, что в крестьянском быту Старобельского уезда существует какой нибудь бытовой уровень благосостояния, который бы всецело определил собою строй хозяйственной жизни, так как этому положению противоречит резкое повышение бюджета едока при улучшении производительных условий»**).

---

*) Очерки, вып. II, стр. 26.

**) Опыт разработки бюджетных данных по Старобельскому уезду, 1915, стр. 18, 19, ср. также стр. 26

А. Н. Челинцев в своей разработке крестьянских бюджетов Тамбовской губ. также получил данные, противоречащие «закону средних потребностей». Он констатирует, что «сокращение земельной площади хозяйства ведет к сокращению размеров потребления. Вот цифры этого сокращения потребления в рублях на едока (в переводе) с уменьшением средних размеров хозяйства (в рублях):

	северная полоса	средная полоса	южная полоса
до 5 дес	106,9	85,1	—
„ 8 „	96,5	90,5	73,6
„ 11,5 дес	113,4	101,7	78,5
„ 18 дес.	135,9	99,7	78,3
более 18 дес	—	131,7	104,0

«Перед нами важный факт — несомненная неполнота удовлетворения потребностей семьи в хозяйствах с меньшей площадью, против среднегубернского уровня» *).

Углубляя далее вопрос, А Н. Челинцев нашел, что «при росте числа едоков на 1 работника в высших по земельному обеспечению группах скорее сжимается потребление, а заработок одного работника растет слабее или совсем не растет, — в противоположность низшим группам, т. е. группам с предельным размером потребления, в коих увеличение числа едоков вынуждает каждого работника напрягаться сильнее и увеличивать свой заработок» **).

И тем не менее, А. Н. Челинцев не отказался от идеи существования в крестьянской среде единого общего уровня жизни. В своих «Теоретических основаниях организации крестьянского хозяйства» он определенно говорит: «Другая сторона жизни трудового хозяйства — уклад потребления его, — характеризуется точно также особенностями, важными для об'яснения строя сельскохозяйственного производства. Здесь прежде всего имеет значение определенный сложившийся к данному времени и в данном месте уровень потребления семьи, как минимум, властно диктующий работнику трудового хозяйства определенное поведение — добыть необходимые для этого средства... Уровень потребления семьи трудового хозяйства, выражающийся высотою всего потребительного бюджета по рассчету на одного едока и в сумме на целую семью и сложившийся в среднем в каждой отдельной местности, представляется постоянной на определенное время вели-

*) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства... Тамбовской губ., 1919, стр. 166 — 7.

**) Там же, стр. 168 — 9.

чиною, определяющей, как сказано, меру самоэксплоатации собственной рабочей силы» *).

Таково положение вопроса об общем уровне жизни крестьян в настоящее время. Как показывает наш обзор бюджетных данных, привлеченных для его выяснения, и высказанных по их поводу мнений, вопрос этот почти также далек от решения, как и 15 — 20 лет тому назад. А. В. Чаянов отрицает существование этого общего уровня жизни, А. Н. Челинцев его признает; но для нас ведь важно не то, что думает тот или другой экономист, а доказательная сила приводимых им аргументов.

А в этом отношении дело обстоит в высшей степени плохо. Бюджетные данные по Вологодскому и Старобельскому уу. и Тамбовской губ., как мы видели выше, говорят против существования этого уровня. Но данные по Воронежской губ., Вятскому у, отчасти Вельскому и Тотемскому уу. говорят за его существование. Отсюда следует, что или в одних губ. и уездах общий уровень существует, а в других его нет, и тогда нужно выяснить условия, его создающие или исключающие; или же в обработке бюджетных данных была допущена у нас какая то методологическая ошибка или ряд ошибок, запутавших вопрос и создавших видимость двух различных укладов жизни в крестьянской среде.

Попробуем разобраться в этом вопросе, строго придерживаясь бюджетных данных. Посмотрим прежде всего, как изменяется расходный бюджет под влиянием роста посевной площади в хозяйстве. На одного члена семьи расход составлял (в рублях):

Сеющие	Вельск.	Волог.	Новгор.	Воронеж.	Тамбов	Старобел
до 1,0 дес.	70,3	37,6	26,5	24,0	—	46,3
„ 1,1—2,0	32,9	43,9	44,4	23,3	68,6	35,8
„ 2,1—3,0	36,7	42,5	48,8	22,0	57,3	44,6
„ 3,1—4,0	39,6	51,0	60,1	22,4	61,6	56,3
„ 4,1—6,0	44,0	58,3	66,1	30,7	65,3	52,2
„ 6,1—10,0	47,8	69,2**)	56,3	34,4	61,7	54,7
„ 10,1—20,0	—	—	63,3	34,0	74,7	60,8
более 20,0	—	—	—	40,8	72,8	82,3
всего	39,4	46,2	54,1	32,9	64,2	62,0

Как показывает эта таблица, по всем территориям, подвергшимся бюджетному обследованию, не исключая и Воронежской губ., с ростом посевной площади в общем растет и расход на душу или едока. Если раньше (см. табл. на стр. 12) мы имели по Воронежской губернии данные иного рода, то очевидно они были

*) Теоретические основания организации крестьянского хозяйства., 1919, стр. 8.

**) В эту группу включено одно хозяйство с посевом более 10 дес.

искажены принятой в приведенной раньше таблице основой группировки, — по размерам землевладения двора; группировка по посевной площади гораздо правильнее выявляет особенности изучаемых хозяйств.

Итак, с ростом хозяйства растет и расходный бюджет на одного члена семьи, — следовательно, никакого единого уровня жизни среди крестьян нет. Уровень жизни каждой крестьянской семьи определяется ее достатком. Но если мы обратимся к другому признаку высоты уровня жизни, — % бюджета, расходуемого на пищу, — то тут мы получим из нашего материала данные совсем иного рода. Группируя наши данные по высоте % расходов на пищу, — по уездам Вологодской губ, мы не могли определить этот процент, вследствие некоторых дефектов в публикации индивидуальных бюджетов, — мы получим след. табличку:

	Новгород.	Тамбов.	Староб.
30,1 — 40%	—	—	1
40,1 — 50	—	2	7
50,1 — 60	12	6	20
60,1 — 70	26	24	29
70,1 — 80	37	42	28
80,1 — 90	17	11	6
всего	92	85	91

Чаще всего встречаются бюджеты с 70 — 75% расхода на пищу. При группировке по площади посева мы найдем, что на пищу расходовалось, в % от бюджета:

Сеющие	Вельск.	Волог.	Новгор	Ворон	Тамбов.	Старобел.
до 1,0 дес.	—	61,9	86,5	52,7	—	64,9
„ 1,1— 2,0	68,9*)	65,6	71,8	62,1	81,0	71,5
„ 2,1— 3,0	69,5	62,1	72,4	66,2	70,0	62,3
„ 3,1— 4,0	69,4	57,0	66,9	63,1	69,7	65,6
„ 4,1— 6,0	66,1	52,1	66,6	62,5	70,9	67,7
„ 6,1—10,0	70,5	51,3**)	71,3	53,8	71,5	64,7
„ 10,1—20,0	—	—	66,4	59,0	66,7	63,6
более 20,0	—	—	—	55,5	79,5	60,0
всего	68,7	60,5	69,7	58,0	70,9	63,0

Лишь по Вологодскому уезду и Новгородской губ. мы замечаем относительное сокращение расходов на пищу; по остальным 4 территориям % расходов на пищу во всех группах остается стационарным.

*) В эту группу включено два хозяйства с посевом менее 1 дес.
**) В эту группу включено одно хозяйство с посевом более 10 дес.

Эта особенность расходного бюджета русских крестьянских семей решительно противоречит как данным о рабочих бюджетах, тик и общей теории потребления. Казалось бы, с ростом бюджета у крестьянина должно являться стремление удовлетворять свои другие потребности, кроме потребности в пище, и, следовательно, относительная величина расходов на пищу должна падать. Между тем, приведенная выше таблица говорит иное.

А. В. Чаянов, наткнувшись в своем изучении крестьянских бюджетов Старобельского уезда на это внутреннее противоречие в строении наших крестьянских бюджетов, дает ему след. об'яснение. Причину его он видит «в том, что при этой группировке параллельно с относительным увеличением высоты среднего по группе бюджета едока, — возрастает размер хозяйства, доставляющий в распоряжение семьи все большее и большее количество продуктов натурой, благодаря чему денежность хозяйства резко падает... Из высоко денежного типа построения бюджета мы, по мере увеличения размера хозяйства, постепенно переходим к почти натуральному типу, а при последнем типе потребления всегда суб'ективная оценка рубля деньгами и рубля натурой будет различна, так как в натуральном хозяйстве деньги помимо свойственного им абстрактного эквивалента определенной ценности ценятся еще и за то, что они деньги, меновой знак и удобнейшая форма ценности. Поэтому, чем менее денежно хозяйство, тем более высоко поднимается суб'ективная оценка рубля деньгами по сравнению с оценкой рубля натурой и тем более, следовательно, при равной высоте бюджета будет увеличиваться норма потребления тех продуктов, расход на которые делается натурой, и падать нормы расходов, делаемых деньгами. Увеличение натуральности хозяйства повышает в среднем на 25% потребление хлеба при неизменной высоте бюджета. Несомненно, что этого совершенно достаточно, чтобы в посевной группировке сжать закон Энгеля и значительно сузить развитие норм потребления покупных продуктов... Из всего вышесказанного ясно, что группировка по абсолютному размеру посевной площади на хозяйство мало пригодна для анализа личного бюджета, т. к. представляет собою параллельное течение двух факторов: косвенного влияния высоты бюджета и влияния возрастающего количества натуральных запасов. Оба эти фактора взаимно затемняют влияние друг друга» *).

В аргументации А. В. Чаянова пропущен один член· он забыл привести данные об изменении % денежности расходного бюджета Старобельских крестьян с ростом посевной площади в хозяйстве. Мы должны восполнить этот пропуск Процент денежности расходного бюджета равен:

---

*) Бюджеты крестьян Старобельского у., стр. 27 — 29.

сеющ. до 1,0 дес.	56,3%	сеющ до 4,1— 6,0 дес .	36,9%
„ „ 1,1—2,0 д	37,1	„ „ 6,1—10,0 „	39,3
„ „ 2,1—3,0 д. .	47,0	„ „ 10,1—20,0 „ .	37,5
„ „ 3,4—4,0 д. .	42,3	„ „ более 20,0 „ .	41,4

Очевидно А. В. Чаянов имел совершенно ошибочное представление об эволюции денежности старобельских расходных бюджетов. Наша табличка не позволяет утверждать, что с ростом размеров хозяйства «денежность хозяйства резко падает», благодаря чему хозяйство высших посевных групп приобретает «почти натуральный тип». А с этим положением падает и все об'яснение А. В. Чаянова.

Мы думаем, что указанная выше особенность расходного бюджета русского крестьянского хозяйства носит в значительной мере искусственный характер и создана тем, что мы положили в основу группировки расходных бюджетов производственный признак, величину посевной площади Чистый доход крестьянской семьи слагается из двух статей: дохода от собственного сельского хозяйства и от промысловых заработков. Крестьянский двор может иметь ничтожный доход от собственного хозяйства и высокие промысловые заработки, и обратно. Поэтому, поскольку мы стремимся выяснить внутренние закономерности расходного бюджета крестьянских семей, в основу их группировки никоим образом нельзя класть производственные признаки, — ни заимствованные из хозяйства крестьянского двора (посевная площадь, количество скота и т. д), ни взятые из промысловой деятельности крестьянской семьи. При изучении расходного бюджета группировка должна делаться только по признакам потребительного характера. К сожалению в наших бюджетных исследованиях статьи расходного бюджета группируются по тем же производственным признакам, по которым сгруппированы данные доходных статей. Эта методологическая ошибка привела к совершенно неправильным представлениям о характере расходного бюджета русских крестьян. С ростом посевной площади доход крестьянского двора от сельского хозяйства растет, от промысловых заработков — падает. Поэтому чистый доход крестьянской семьи, в общем более или менее совпадающий с ее расходным бюджетом, в местностях с малодоходным сельским хозяйством и развитыми промысловыми заработками, как, напр., в Вятской губ., не обнаруживает при рассчете на душу никакого роста с ростом посевной площади, а % расходов на пищу даже растет, а не падает. Так сложилось представление о существовании в крестьянской среде общего для всех или почти всех посевных групп единого уровня жизни.

Та дифференциация величины потребностей, которая сложилась в крестьянской среде, может быть выявлена только при группировках бюджетного материала по потребительным признакам.

Группируя наши данные по высоте расходного бюджета на семью, мы получаем след. таблицу:

Расход. бюдж на семью	Расход на душу — в рублях						Расх. на пищу—в % %			
	Вельский	Волог	Новгор	Воронеж	Тамбов	Староб	Новгор	Воронеж	Тамбов	Староб
до 100 0 р	26,6	30,6	—	18,4	—	49,8	—	71,7	—	79,6
100,1—200,0	31,3	36,4	33,9	25,2	—	39,3	78,0	58,4	—	64,2
200,1—300,0	40,2	44,8	40,9	27,8	51,7	47,7	73,3	62,6	72,3	66,4
300,1—400,0	40,3	52,7	51,3	32,9	54,7	44,5	73,7	58,8	75,0	66,4
400,1—500,0	53,8	59,0	59,8	42 8	62,6	51,9	65,9	54,6	72,5	70,0
500,1—600,0	45,2	73,3	62,4	51 1	58,3	69,9	66,8	51,8	71,7	65,7
600,1—700,0	68,9	79,6	70,3	43,9	68,3	68,9	67,1	59,0	71,5	69,0
700,1—1000,0	—	—	96,1	38,5	82,7	59,8	61,6	57,7	60,3	60,6
более 1000,0	—	—	—	47,6	02,4	101,5	—	48,8	74,0	53,7
всего	39,2	46,4	54,1	32,9	64,2	62,0	69,7	58,0	70,9	63,0

В общем и целом, расход на душу, с ростом расходного бюджета более или менее правильно растет, что же касается % расходов на пищу, то по Новгородской губ. и Старобельскому у. он обнаруживает явное падение, по Воронежской и Тамбовской губ., напротив процент этот представляет более или менее неподвижную величину.

Таким образом, интересующая нас особенность расходного бюджета русских крестьянских семей обнаруживается и при группировке бюджетного материала по потребительным признакам.

Действительную причину ее мы должны искать во влиянии какого-то момента, отсутствующего в рабочих и буржуазных бюджетах.

Таким моментом является прежде всего натуральная часть крестьянского хозяйства. Посмотрим, не в этом ли двойственном характере его, — полу-натуральном, полу-денежном, — лежит причина этой особенности в строении крестьянских расходных бюджетов.

Начнем с основных данных о степени развития денежных элементов в крестьянском хозяйстве. По % денежности расходного бюджета описанные в бюджетных исследованиях семьи группируются след. образом:

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Староб.
до 10,0%	2	—	—	—	—
10,1—20,0	18	—	—	5	4
20,1—30,0	35	—	7	22	19
30,1—40,0	23	12	14	32	32
40,1—50,0	11	23	29	13	20
50,1—60,0	12	35	22	10	11
60,1—70,0	1	36	16	2	2
70,1—80,0	—	24	4	1	1

	Вельск	Волог	Новгор.	Тамбов.	Староб.
80,1—90,0	—	3	—	—	1
90,1—100,0	—	3	—	—	1
всего	102	136	92	85	91

Конечно, в бюджетных исследованиях мы получаем преувеличенное представление о степени развития денежных элементов в крестьянском хозяйстве. В умственном отношении крестьянин, много продающий продуктов своего хозяйства и много покупающий на рынке товаров развитее своего соседа, ведущего полу-натуральное хозяйство; его хозяйство легче учесть, потому что оно построено на денежных рассчетах; поэтому, при организации бюджетного обследования выбор статистика невольно останавливается по преимуществу на хозяйствах с более развитыми связями с рынком. Тем не менее составленная нами таблица несомненно имеет показательное значение. Полнее всего натуральные элементы сохранились на крайнем севере, в Вельском уезде Вологодской губ, Сильны они в крестьянском хозяйстве черноземных губ., Тамбовской и Харьковской. Напротив, в хозяйствах нечерноземных губ, южной части Вологодской губ. и Новгородской губ, мы находим наивысшее развитие денежности.

Но именно по Вологодскому у. и Новгородской губ мы нашли падение % расходов на пищу, а по Воронежской и Тамбовской губ. — неизменный уровень этого процента. Повидимому, интересующее нас явление действительно находится в какой то связи со степенью сохранения натурального характера крестьянского хозяйства, и мы идем по верному пути

Посмотрим, как изменяется процент денежности расходного бюджета в зависимости от размера сельского хозяйства крестьянского двора:

	Вельск	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Староб.
сеющие до 1,0 дес	43,1	72,7	71,3	—	56,3
„ „ 1,1—2,0	37,9	62,1	55,5	43,9	37,1
„ „ 2,1—3,0	36,3	58,0	49,6	48,8	47,0
„ „ 3,1—4,0 . .	31,4	56,1	47,4	40,5	42,3
„ „ 4,1—6,0	26,7	67,0	51,8	36,3	36,9
„ „ 6,1—10,0 .	21,8	54,2	41,3	32,7	39,3
„ „ 10,1—20,0 .	—	48,6	37,6	36,5	36,5
„ „ бол. 20,0 .	—	—	—	18,7	41,4
всего	31,9	60,5	49,8	36,5	39,9

В общем по всем территориям, за исключением одного лишь Старобельского у., с ростом посевной площади % денежности расходного бюджета падает. Но если мы в основу группировки положим высоту расходного бюджета, то обнаружим совсем другие тенденции развития денежных элементов в расходах крестьянской семьи:

	Вельск	Волог.	Новгов	Тамбов.	Староб.
до 100,0 руб.	28,1	59,9	—	—	33,4
100,1—200,0	29,9	58,4	42,1	—	47,4
200,1—300,0	29,1	58,2	50,4	37,0	40,3
300,1—400,0	29,8	62,4	46,5	33,2	37,8
400,1—500,0	42,7	69,2	53,0	34,3	32,8
500,1—600,0	43,7	57,2	48,6	37,4	36,8
600,1—700,0	45,2	71,4	49,9	35,5	32,2
700,1--1000,0	—	—	56,0	47,1	41,5
более 1000,0	—	—	—	27,4	43,6
всего	31,9	60,5	49,8	36,5	39,9

В нечерноземных губерниях, Вологодской и Новгородской, с ростом расходного бюджета % его денежности определенно растет, в черноземных губ., Тамбовской и Харьковской, он остается, напротив, стационарным. Это различие в строении бюджета крестьян нечерноземных и черноземных губ. также требует об'яснения.

Попробуем подойти к вопросу с другой стороны, — путем детального анализа данных по Тамбовской губ. с помощью комбинационных таблиц. Начнем с % расхода на пищу, и проследим влияние на этот % двух моментов высоты расходного бюджета и % его денежности:

	% денежности							
	10—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	арифм. сред.
200,1—300	83,1	76,9	71,2	65,4	70,6	—	—	73,4
300,1—400	76,6	74,3	73 5	75,0	83,6	—	—	76,6
400,1—500	74,8	78,3	69,8	61,5	71,0	68,3	—	70,6
500,1--600	83,4	75,7	70,5	76,8	63,9	—	—	74,1
600,1—700	—	76,1	71,1	69,7	59 9	—	—	69,2
700,1—1000	—	77,2	70,1	—	53,5	44,9	40,8	57,3
более 1000	80.6	—	69,5	—	—	—	—	75.0
ариф сред.	79,7	76,4	70,8	69,7	67 1	56,6	40,8	

С ростом % денежности, % расходов на пищу регулярно падает. Это падение мы видим за некоторыми незначительными исключениями, как в отдельных бюджетных группах, так и в арифметической средней по всей таблице. Напротив, рост бюджета оказывает совершенно иное влияние на % расходов на пищу: в низших по развитию денежных элементов группах % этот остается стационарным, в высших — падает. Такую же картину мы имеем и по другим территориям, — Старобельскому у. и Новгородской губ. Грань проходит приблизительно на 40% денежности.

Расход на душу более определенно растет под влиянием роста расходного бюджета, чем под влиянием % денежности. Что же касается величины семьи, то она растет с ростом бюджета и па-

дает — с ростом денежности. По Тамбовской губ. число душ в семье равняется.

	% денежности							
	10—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	арифм сред.
200,1—300	10,0	5,0	4,5	4,0	5,8	—	—	5,7
300,1— 00	7,0	5,6	4,2	5,5	8,0	—	—	6,1
400 1—500	8,0	6,7	8,3	2,0	9,0	8,0	—	7,0
500,1—600	13,0	11,8	9,0	8,0	8,0	—	—	10,0
600,1—700	—	9,7	10,3	9,2	8,0	—	—	9,3
700,1—1000	—	12,0	10,0	—	9,0	9,0	10,0	10,0
более 1000	17,0	—	11,5	—	—	—	—	14,2
ариф. сред.	11,0	8,5	8,3	5,7	7,8	8,5	10,0	

Аналогичные данные мы имеем и по другим территориям.

На основании всех этих данных мы можем установить существование в среде русского крестьянства двух социально-экономических групп или слоев: 1) с преимущественно-натуральным, и 2) с преимущественно-денежным расходным бюджетом. В обоих группах с ростом семейного бюджета растет и бюджет на душу. Ф. А. Щербина, А.В. Чаянов и А Н. Челинцев несомненно ошибались, когда утверждали, что в среде русского крестьянства существует единый уровень жизни, общий и нормальный для всех крестьян, независимо от их достатка. Как показывают наши бюджетные данные, такого общего уровня жизни у крестьян нет. Но в той группе крестьянства, которая сохранила свою независимость от рынка и в хозяйстве и домоводстве которой денежные элементы слабо развиты, мы наблюдаем другое: в ней не происходит умножения числа потребностей, а только более полное удовлетворение существующих потребностей; для появления новых потребностей нужно производство новых продуктов и изделий, появление которых требует в рамках натурального строя хозяйства, очень больших периодов времени. Рост достатка крестьянского хозяйства при натуральном строе выражается в производстве не более разнообразных родов и видов продуктов и изделий, а большего количества тех же родов и видов. Поэтому, при этом строе рост достатка приводит только к более полному удовлетворению существующих потребностей, но не созданию новых. Благодаря этому % расходов на пищу остается во всех бюджетных группах стационарным; в этой группе экономический достаток направляется преимущественно не на расширение круга потребностей, а на воспитание детей, на усиленный прирост населения и увеличение размеров семьи. Напротив, в той группе крестьянских хозяйств, которая тесно связана с рынком, непрерывно предлагающим крестьянину все новые и новые изделия, мы находим рост числа потребностей, следовательно падение % расходов на пищу, и меньший размер семьи, следовательно

— меньший прирост населения. Развитие связи с рынком создает новые потребности и сокращает размеры крестьянской семьи.

Посмотрим, насколько оправдывается этот вывод нашими бюджетными данными. Относя все хозяйства, расходный бюджет которых заключает в себе до 40% денежности, в первую группу, и все хозяйства с большим % денежности во вторую, мы найдем, что расход на душу изменяется в обеих этих группах следующим образом:

	Вельск. у.		Волог. у.		Новгор г.		Тамбов. г.		Староб. у.	
	натур.	ден.	натур.	ден.	натур.	ден	натур	ден	натур.	ден.
до 100 руб.	24,8	48,0	31,8	30,4	—	—	—	—	49,9	—
100,1—200	31,1	32,5	34,1	36,7	37,5	30,4	—	—	34,0	43,0
200,1—300	38,3	49,8	46,2	44,6	34,8	41,6	47,0	60,4	43,9	59,2
300,1—400	38,6	47,2	—	52,7	48,8	53,8	55,2	52,9	45,7	41,8
400,1—500	64,1	46,4	—	59,0	59,2	60,0	60,5	74,3	50,1	60,4
500,1—600	56,9	38,2	73,6	73,2	75,6	57,3	54,5	67,3	63,3	80,3
600,1—700	—	68,9	—	79,6	57,3	75,8	66,7	70,9	69,2	67,5
700,1—1000	—	—	—	—	—	96,1	74,9	94,5	50,8	71,2
более 1000	—	—	—	—	—	—	92,4	—	84,4	113,7
всего	37,3	45,5	43,7	46,6	52,1	55,1	61,7	70,9	55,3	73,8

В общем и целом в семьях с хозяйством денежного типа расход на душу выше, чем в семьях с хозяйством натурального типа. Причина этой разницы в высоте расходов лежит в величине семьи, которая в хозяйствах денежного типа меньше:

	Вельск. у.		Волог. у.		Новгор. г.		Тамбов. г.		Староб. у.	
	натур	ден	натур	ден.	натур.	ден.	натур.	ден.	натур.	ден
до 100 руб.	3,4	2,0	2,0	3,0	—	—	—	—	2,0	—
100,1—200	4,9	4,2	4,6	4,3	4,3	4,3	—	—	4 6	3,7
200,1—300	6,4	4,6	5,7	5,6	7,3	6,0	6,0	4,3	5.4	4,5
300,1—400	8,8	7,4	—	6,6	7,1	6,5	6,4	6,3	7,7	8,7
400,1—500	6,7	9,3	—	7,6	7,3	7,5	7,6	6,3	8 8	7,0
500,1—600	9,0	15,0	7,0	7,5	7,0	9,3	10,1	8,0	8,4	6,7
600,1—700	—	9,0	—	8,0	11,0	8,7	10,0	9,0	9,6	9,0
700,1—1000	—	—	—	—	—	8,7	10,5	9,3	14,8	11,6
более 1000	—	—	—	—	—	—	13,3	—	14,7	10,3
всего	6,2	6,2	4,7	5,4	7,0	6,8	8,8	7,5	8,5	7,3

Соответственно этому направлению экономического достатка в рост потребностей или в рост семьи, у хозяйств натурального типа мы находим, с ростом расходного бюджета, стационарный или почти стационарный уровень % расходов на пищу, у хозяйств денежного типа — падающий:

	Новгор. губ.		Тамбов губ.		Старобел. у	
	натур.	денеж.	натур.	денеж.	натур.	денеж
до 100 руб.	—	—	—	—	79,5	—
100,1—200	76,0	80,1	—	—	74,6	58,4
200,1—300	77,9	73,1	75,8	67,1	70,0	58,4
300,1—400	77,4	72,2	74,2	77,9	69,0	59,8
400,1—500	73,9	63,8	73,8	66,8	73,3	57,2
500,1—600	73,9	63,6	72,8	70,4	74,1	55,5
600,1—700	79,1	63,3	74,0	67,8	71,0	61,3
700,1—1000	—	61,6	71,9	46,5	69,6	52,4
более 1000	—	—	74,0	—	64,1	48,3
всего	76,2	67,9	73,5	65,0	70,4	58,3

Только по Старобельскому уезду в группе хозяйств с слабым развитием денежных элементов мы замечаем некоторое падение % расходов на пищу.

Итак, индуктивные данные бюджетных исследований вполне подтверждают выставленное выше положение о существовании в среде русского крестьянства двух социально-экономических групп с разным строением семьи и расходного бюджета. Наш анализ бюджетов крестьян позволяет нам формулировать два основных вывода.

Во первых, мы должны внести поправку в так наз. закон Энгеля. Энгель вывел его на основании изучения бюджетов бельгийских рабочих, носящих чисто денежный характер. Данные полунатуральных бюджетов русских крестьян показывают, что при отсутствии связи с рынком число потребностей растет крайне медленно, столетиями, и рост благосостояния приводит лишь к более полному удовлетворению каждой потребности, с расходованием на нее неизменной, или почти неизменной доли бюджета.

Второй вывод еще важнее и касается строения крестьянской семьи. В нашей бюджетной литературе А. В. Чаяновым и А. Н. Челинцевым было выдвинуто оригинальное учение о ее «биологической эволюции». Основою этого учения является предложенная А. В. Чаяновым в его разработке бюджетов крестьян Старобельского у. схема «нормального» развития семьи, основою которой является брачная пара, муж и жена, у которой каждый новый выживающий ребенок рождается на каждый третий год. При этих предложениях получалась след. схема роста семьи в зависимости от ее возраста:

	душ	едоков	работников	ед./работн
до 5 лет	3,0	2,0	1,8	1,11
6—10 лет	4,6	2,6	1,8	1,44
11—15 лет	6,4	3,5	1,9	1,84
16—20 лет	8,0	4,6	3,0	1,53
21—25 лет	9,6	6,1	4,5	1,36

Схема эта, которой А В Чаянов придает большое теоретическое значение, никакого отношения к действительной жизни не имеет Чаянов сам сознает, что конкретная действительность им в этой схеме сильно упрощена; он оговаривается, что «теоретическое ризвитие семьи часто нарушается непредусматриваемым нами вымиранием отдельных членов семьи, а также включением в ее состав взрослых родственников») Конечно, состав семьи зависит не только от рождений, но и от браков и смертей. Но главное значение имеет, во первых, неправильное представление Чаянова об исходном составе молодой крестьянской семьи, — будто он состоит только из молодых мужа и жены, а куда деваются по Чаянову представители предшествующего поколения?

Вторым моментом является не высказываемое Чаяновым прямо, но подразумеваемое им положение, что вся масса крестьянских семей обязательно проходит определенные фазисы своего существования, включая и разделы.

А. В. Чаянов пытается доказать соответствие своей схемы действительности, группируя крестьянские семьи по числу в них душ По Вологодскому уезду он получил следующие цифры[*])

Число едоков в семье	отношение едоки-работники
0,1—1,0	1,00
1,1—2,0	1,05
2,1—3,0	1,23
3,1—4,0	1,40
4,1—5,0	1,29
5,1—6,0	1,28

Аналогичные цифры им получены и по Старобельскому у.[**]):

Размер семьи	отношение едоки-раб.
2—3 души	1,17
4—5 „	1,38
6—7 „	1,48
8—9 „	1,49
10—11 „	1,45
12—13 „	1,35
14 душ и выше	1,36

Если бы малые по размерам семьи были молодыми семьями, а большие — старыми, тогда, конечно, эти эмпирические данные подтверждали бы теоретическую схему Весь вопрос — в воз-

*) Бюджеты крестьян Старобельского у., 1915, стр. 5

**) Вопросы организации сельского хозяйства, стр 12

***) Бюджеты крестьян Старобельского у., стр 8

расте семей различной величины или в величине семей разного возраста. Некоторым материалом по этому вопросу мы все же располагаем. В бюджетном исследовании крестьянских хозяйств Вологодского уезда есть графа: «сколько лет т наз. делился». Пользуясь данными этой графы, мы можем проследить, как эволюционирует крестьянская семья и ее хозяйство после акта раздела.

	Число душ	Отношение ед.-раб
Делились 1— 5 лет	4,3	1,22
„ 6—10 „ . .	5,0	1,38
„ 11—15 „ . .	5,9	1,40
„ 16—20 „ . .	4,9	1,20
„ 20—30 „ . .	5,0	1,22
„ более 30 лет . . .	5,6	1,33
не делились	6,5	1,27

Из этой таблички мудрено извлечь какие либо положительные выводы, но отрицательный вывод не может вызывать споров теоретическая схема А. В Чаянова не может служить для об'яснения процессов роста и деления крестьянских семей.

А. В. Чаянов однако в этой своей работе термина «биологическая эволюция семьи» не употребляет. Впервые это выражение мы находим в работе А. Н. Челинцева о бюджетах крестьян Тамбовской губ.*). Зато в последней своей работе, вышедшей на немецком языке, различия в величине и составе крестьянских семей Чаянов об'ясняет «фактом биологического развития семьи, разбивающего всю совокупность семей на ряд групп, различных по размеру и составу»; «для того, — говорит он далее, — чтобы понять состав всей совокупности семей и каждой из них в отдельности, мы неизбежно должны проследить теоретически нормальное развитие семьи и установить основы ее сложения, соответствующие различному возрасту»**).

Биологические законы развития семьи, приводящие к определенной нормальной схеме изменения ее величины и состава, позволяют А. В. Чаянову говорить о «фазах» ее развития: молодости, зрелом периоде, старости, — приводящей к «катастрофе», — разделу семьи-матери на две или более семьи-дочери.

В одной из последних глав своей работы А. В. Чаянов, ссылаясь на первую главу, говорит: «мы знаем из первой главы нашего исследования, что размеры главнейшего из факторов строения тру-

*) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства... Тамбовской губ., 1919, стр. 187; ср. также стр. 244 и 246.

**) Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft. Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau, übersetzt von Fr. Schlömer, Berlin, 1923, стр. 13.

дового хозяйства — самой хозяйствующей семьи, зависят главным образом от ее возраста и что ее рост, подчиняясь биологическим законам, в малой степени зависит от экономического состояния семьи»*).

Насколько нам известно, современная демография знает только одно чисто биологическое явление: отношение полов у родившихся младенцев Все же другие явления, рождаемость, смертность, брачность и т д. во всех классах общества, в том числе и у крестьян, считаются социальными явлениями, имеющими свои социально-экономические причины, и развивающимися по своим социальным законам.

В нашей литературе о крестьянском хозяйстве мы находим в высшей степени интересные данные об определяющем влиянии этих экономических моментов на развитие крестьянской семьи. Уже в 1880 г. в очерке, приложенном к первому выпуску «Статистики поземельной собственности Евр. России», П П. Семенов вычислил прирост сельского населения за период 1858-1877 гг в зависимости от размера полученного надела Этот % прироста равняется при наделе на душу:

менее 1,0 дес	16,6%	4,1—5,0 дес.	25,4%
1,1—2,0 „	17,3	5,1—6,0 „	27,6
2,1—3,0 „	19,0	6,1 и более	30,3
3,1—4,0 „	21,2		

Также и Ф. А. Щербина указывает на зависимость величины крестьянской семьи от размера ее землепользования. «По мере того, говорит он, как увеличивается размер семьи в зависимости от увеличения земельного обеспечения, увеличивается вместе с тем как число работников, причитающихся на семью, так и количество населения, приходящегося на каждого работника .. Сопоставление данных о возрастном составе населения с данными о смертности показывает затем, что как смертность вообще, так и смертность по каждому возрасту особо оказывается обыкновенно тем выше, чем менее данная группа обеспечена землей: малоземелью сопутствуют высокие проценты смертности, а многоземелью, наоборот, низкие... Наконец, совершенно аналогичные с приведенными сейчас указаниями дают цифры о заболеваемости крестьянского населения Подобно проценту калек, процент больных оказывается тем выше, чем меньше земли приходится на данную группу хозяйств, и обратно.. Чем больше калек и больных, тем больше возможности усиленной смертности, что же касается этой последней, то ею всецело обусловливается большая убыль населения по одним семьям и меньшая по другим Сопоставление данных о

*) Там же, стр. 62.

смертности с данными о рождаемости дает вполне определенные указания на этот счет: чем сильнее смертность, тем меньше прирост населения, и наоборот. А так как процент смертности находится в строгой зависимости от размера земельного обеспечения, то в конечном результате оказывается, что чем больше известная группа хозяйства обеспечена землей, тем более по ней прирост населения, и обратно»*).

Число душ в семьях, описанных в бюджетных исследованиях, следующим образом изменяется в зависимости от роста посевной площади:

	Вельск	Волог.	Новгор.	Тамбовск.	Староб
с посевом до 1 дес	2,0	4,1	8,0	—	4,2
1,01— 2,0 дес.	4,8	4,6	5,5	6,7	4,0
2,01— 3,0 „	6,1	5,9	6,8	7,8	4,9
3,01— 4,0 „	6,5	5,6	6,9	7,3	3,5
4,01— 6,0 „	7,5	7,0	7,8	7,9	5,5
6,01—10,0 „	7,9	5,7	8,7	9,0	8,1
10,01—20,0 „	—	9,0	10,5	9,7	9,7
более 20,0 дес	—	—	—	15,0	12,1
всего	6,2	5,3	6,9	8,4	8,0

Аналогичные изменения величины семьи мы имеем и при группировке по высоте расходного бюджета:

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Староб.
до 100 руб	3,2	2,8	—	—	2,0
100,1—200	4,8	4,4	4,3	—	4,0
200,1—300	6,0	5,6	6,1	5,3	5,1
300,1—400	8,5	6,6	6,8	6,4	8,0
400,1—500	8,0	7,6	7,5	7,4	8,4
500,1—600	12,0	7,4	8,6	9,3	7,7
600,1—700	9,0	8,0	9,2	9,6	9,4
700,1--1000	—	—	8,7	10,0	13,2
более 1000	—	—	—	13,3	11,8
всего	6,2	5,3	6,9	8,4	8,0

Пока мы ограничиваемся сопоставлением бюджета с размерами семьи, сомнения о направлении причинной связи еще возможны. Но если мы примем во внимание зависимость годового дохода крестьянского двора от находящихся в его распоряжении средств производства, — земли, скота, мертвого инвентаря и т д.,

*) Крестьянские бюджеты, стр. 216 — 9, ср. также Н. П. Огановский, Обновление земледельческой России и аграрная политика, вып. I 1914, стр. 24 — 25

— и перед нами будет стоять выбор между двумя причинными рядами:

земля и хоз. имущество — годовой доход — размер семьи
размер семьи — годовой доход — земля и хоз. имущество

то тут никаких колебаний быть не может. Так как о положительном влиянии числа едоков на рост хозяйственного имущества крестьянского двора не может быть и речи, а влияние числа работников при медленности процессов накопления в деревне может быть только очень незначительным, параллелизм между размерами семьи и количеством хозяйственного имущества может быть объяснен лишь влиянием размера имущества на величину семьи: чем богаче двор, тем большее число душ может он прокормить. Чем большим количеством материальных средств производства владеет семья, тем больше в среднем в ней душ, — но не зажиточность крестьянского двора определяется числом в нем едоков, а число душ в семье зависит прежде всего от зажиточности двора и его дохода.

Этот вывод сохраняет силу и при общинном землевладении, когда земля переделяется по числу душ в семье, т. е. по ее потребительной способности. Ведь хозяйственное имущество не идет в передел, а значение его таково, что и общинная земля путем аренды переходит в руки зажиточных крестьян.

Но зажиточность двора не единственный экономический момент, влияющий определяющим образом на размер семьи. Другим моментом, как показывают приведенные выше данные, является мера связи хозяйства с рынком. При натуральном строе хозяйства семья гораздо больше, чем при денежном. Рост потребностей под влиянием рынка несомненно понижает годовой прирост населения.

Поэтому аграрная перенаселенность есть продукт натурального строя хозяйства. Единственным радикальным средством борьбы с нею является развитие связей крестьянского хозяйства с рынком, развитие в нем денежных элементов. И расширение площади крестьянского землевладения, и переселение крестьян при сохранении натурального или полунатурального строя хозяйства являются только паллиативами, ибо высокий % прироста населения быстро восстановит прежнюю густоту его и сведет на нет результаты этих мер. Напротив, развитие связей крестьянского хозяйства с рынком, приводя к понижению % прироста населения, открывает возможность, при благоприятных условиях, радикального уничтожения аграрного перенаселения.

В заключение приведем данные о расходах на покрытие некоторых других личных потребностей крестьянской семьи. Прежде всего познакомимся с общим распределением личных расходов по отдельным статьям:

	Расх бюдж семьи	% денежности	Расходы в % от бюджета								
			жилище*)	одежда	пища	наркотики	врач помощь	ученье, книги	церковь и духовенство	свадьбы и крестины	проч. расходы
Вятский у.	202,4 р.	37,3	11,4	12,0	65,8	4,8	0,15	0,07	1,6	3,6	0,6
Вельский у.	243,5	31,1	7,3	12,2	68,7	9,7	0,01	0,04	1,2	0,2	0,6
Волог. у.	245,6	60,7	9,8	18,2	60,8	6,3	0,02	1,03	1,3	0,6	2,6
Новгор. г.	373,7	39,6	8,0	14,3	69,7	3,6	0,35	0,54	1,0	0,9	1,7
Воронеж. г	276,9	39,6	10,4	18,7	58,0	3,0	0,27	—	2,7	4,8	2,2
Тамбов. г.	538,8	36,5	7,7	15,5	70,9	1,4	0,19	0,11	0,9	1,7	1,6
Староб. у.	495,8	39,9	8,0	23,7	63,0	1,4	0,09	—	0,6	2,2	0,9

Первое место в ряду расходов занимают расходы на пищу, затем идут расходы на одежду, жилище и наркотики В этом отношении крестьянские бюджеты существенно разнятся от рабочих У семейных рабочих Берлина в 1903 г и Петербурга в 1908 г на удовлетворение отдельных потребностей шел след процент бюджета

	Жилище	Одежда	Пища	Наркотики	врач помощь	дух. и общ потребн	проч.
Берлин . .	21,8	8,8	47,9	8,4	1,0	4,7	7,4
Петербург	20,7	15,4	48,7	5,4	1,2	4,7	3,7

Расходы на пищу у крестьян значительно выше, чем у рабочих; выше также расходы на одежду; зато издержки на жилище значительно ниже, меньше и расходы на спиртные напитки и табак.

Если мы обратимся теперь к эволюции расходов по отдельным статьям под влиянием роста хозяйственного достатка и связи с рынком, то найдем, что расходы на одежду изменяются след. образ

	На душу в рублях						В % от бюджета					
	Новгор.		Тамбов.		Староб.		Новгор		Тамбов		Староб.	
	нат.	ден.	нат.	ден.	нат.	ден	нат.	ден.	нат	ден.	нат.	ден.
До 100 руб.	—	—	—	—	4,7	—	—	—	—	—	9,4	—
100,1—200	3,4	1,2	—	—	5,6	10,5	9,0	4,1	—	—	16,4	24,3
200,1—300	3,4	5,4	6,7	11,2	7,9	15,7	9,8	13,0	14,4	18.5	18,0	26,5
300,1—400	5,6	7,1	8,7	7,3	9,8	13,8	11.5	13,1	15 8	13,8	21,5	32,9
400,1—500	7,6	9,3	9,2	15,0	8,8	18.4	12,8	15,4	15,1	20,2	17,6	30,4
500,1—600	10,5	10,6	8,4	11,9	10,4	26,7	13,9	18,6	15,4	17,7	16,4	33,2
600,1—700	6,8	16,5	9,2	12,5	13,6	9,5	11,9	21,8	13 8	17,6	19,7	13,8
700,1—1000	—	15,3	12,8	8,8	11,3	20,5	—	15,9	17,0	9,3	22,2	28,8
более 1000	—	—	14,2	—	21,6	33,6	—	—	15,4	—	25,6	29,5
всего	6,2	8,3	9,4	11,4	11,1	21,0	11,9	15,0	15,3	16,1	20,1	28,5

*) Во многих бюджетных исследованиях, — по Воронежскои, Тамбовской губ. и Старобельскому у., расходы на возведение и ремонт жилых построек не учтены отдельно В этих случаях мы принимали, что расход на жилые строения составляет половину всех расходов двора на возведение и ремонт построек.

Рост связи с рынком по всем районам увеличивает расходы на одежду, и в рублях, и в процентах; рост достатка в большинстве случаев повышает эти расходы, однако по некоторым районам % отношение сохраняет стационарный характер.

Напротив, расходы на жилище носят по преимуществу стационарный характер и не изменяются с ростом достатка; рост связи с рынком повышает и эти расходы.

	На душу — в рублях						В % от бюджета					
	Новгород.		Тамбовск.		Старобел.		Новгород		Тамбовск.		Старобел	
	нат	ден.	нат	ден.	нат	ден	нат.	ден.	нат	ден	нат	ден.
до 100 р	—	—	—	—	4,6	—	—	—	—	—	9,3	—
100,1— 200	3,4	2,4	—	—	1,9	5,5	9,1	8,0	—	—	5,6	12,7
200,1— 300	2,8	3,1	3,2	6,0	3,1	5,3	8,2	7,4	6,8	9,9	7,0	8,9
300,1— 400	2,9	3,9	4,2	3,3	3,0	2,1	6,0	7,3	7,6	6,2	6,5	5,1
400,1— 500	3,3	6,1	3,8	8,1	3,0	5,6	5,6	10,1	6,2	10,9	6,0	9,2
500,1— 600	6,4	5,9	3,7	5,3	3,7	5,1	8,5	10,3	6,9	7,9	5,9	6,4
600,1— 700	2,0	5,3	5,4	5,7	4,1	8,5	3,5	7,0	8,2	8,1	6,0	12,6
700,1—1000	—	8,6	4,3	15,2	3,3	6,7	—	9,0	5,7	16,1	6,4	9,4
1000 и бол.	—	—	5,3	—	5,6	13,8	—	—	5,7	—	6,6	12,3
всего	3,4	4,6	4,2	6,9	3,5	7,6	6,7	8,4	6,8	9,8	6,3	10,3

Таким образом, в бюджетах крестьян не находит подтверждение закон Швабе, согласно которому расходы на жилище с ростом достатка абсолютно растут, но относительно падают.

Из остальных расходных статей крестьянского бюджета мы остановимся только на расходах на ученье и покупке книг. Мы видели выше, что на образовательные цели крестьяне тратят от 0,04% своего бюджета (Вельск. у.) до 1,03% (Вологодский у.) Представляет интерес установить, как влияет хозяйственый достаток и связь с рынком на эту расходную статью. Соответственные данные мы имеем только по Тамбовской и Новгородской губ

	На душу в рублях				В % от бюджета			
	Тамбовск.		Новгород		Тамбовск		Новгород.	
	нат	ден.	нат.	ден	нат	ден	нат	ден
до 400 руб. . . .	—	—	—	—	—	—	0,01	—
400—700 . . .	0,01	0,27	0,01	0,41	0,01	0,39	0,01	0,67
более 700 . . .	0,07	0,23	—	3,28	0,08	0,25	—	3,41
всего	0,02	0,22	—	0,38	0,03	0,31	0,01	0,68

Итак, связь с рынком развивается не только материальные потребности, но и духовные, — потребность в образовании и умственном развитии. Рынок стимулирует и материальный, и духовный прогресс.

ТАБЛ. I. **Личные расходы крестьян Новгородской губернии. Средний расход на семью.**

Расход. бюджет на семью	душ в семье	едоков в семье	Расходы на: жилище	одежду	пищу	наркотики	врач помощь	ученье и книги	церковь, духовен	свадьбы крестины	проч расх	всего	в том числе деньгами
100,1—200 р.	4,33	2,85	12,6	10,0	114,7	5,6	0,05	0,0	3,4	0,3	0,3	147,0	61,9
200,1—300	6,11	4,21	18,7	31,5	183,1	8,1	0,3	0,03	2,7	0,8	4,7	249,9	126,0
300,1—400	6,81	4,61	24,2	44,2	258,0	14,0	0,7	0,0	3,4	1,6	3,8	349,9	162,5
400,1—500	7,50	4,91	41,3	66,8	295,8	16,6	1,8	4,9	4,4	9,4	7,7	448,8	237,8
500,1—600	8,56	6,22	51,6	90,7	356,9	18,3	1,9	0,06	4,7	0,9	9,0	534,0	259,8
600,1—700	9,25	6,59	39,8	126,1	436,6	22,6	3,3	0,0	8,2	0,7	12,9	650,4	324,3
700,1—1000	8,75	6,21	75,6	133,5	514,9	23,1	10,0	28,7	3,9	20,2	28,2	840,5	470,5
всего	6,90	4,73	30,0	53,5	260,3	13,3	1,3	2,0	3,7	3,2	6,4	373,7	186,2

ТАБЛ. II. **Личные расходы крестьян Тамбовской губернии. Средний расход на семью.**

Расход. бюджет на семью	душ в семье	едоков в семье	Расходы на. жилище	одежду	пищу	наркотики	врач. помощь	ученье и книги	церковь. духовен.	свадьбы. крестины	проч расх.	всего	в том числе деньгами
200,1—300	5,29	3,62	22,1	43,8	197,4	5,6	0,3	—	2,5	0,2	1,3	273,2	101,0
300,1—400	6,38	4,32	25,4	53,5	262,1	3,6	0,6	—	2,0	0,1	1,9	349,3	116,2
400,1—500	7,35	4,73	32,7	74,0	333,9	6,2	—	0,03	5,4	—	8,2	460,4	157,9
500,1—600	9,35	6,13	39,4	88,4	391,0	7,1	1,5	0,7	4,7	2,7	9,8	545,2	203,8
600,1—700	9,58	6,20	53,2	100,6	468,0	6,9	3,2	1,7	6,0	5,0	10,3	654,8	232,4
700,1—1000	10,00	6,74	86,5	111,7	498,7	11,8	—	1,3	11,4	81,8	23,7	827,1	389,7
более 1000	13,33	9,10	70,7	190,0	911,7	28,6	—	1,0	6,7	20,0	3,6	1232,3	337,5
всего	8,39	5,53	41,4	83,7	382,0	7,4	1,0	0,6	5,0	9,0	8,6	538,8	196,8

ТАБЛИЦА III.

Личные расходы крестьян Старобельского уезда. Средний расход на семью.

Расход. бюджет на семью	душ в семье	едоков в семье	Расходы на: жилище	одежду	пищу	наркотики	врач помощь	ученье и книги	церковь, духовен.	свадьбы, крестины	проч. расх.	всего	в том числе деньгами
до 100 р.	2,00	1,80	9,3	9,4	79,3	1,2	—	—	0,4	—	0,1	99,7	33,3
100,1—200	4,00	2,71	16,1	33,8	100,9	2,2	0,7	—	1,0	1,0	1,5	157,3	74,5
200,1—300	5,14	3,32	18,7	50,6	163,1	4,4	1,0	—	2,0	2,4	3,3	245,5	99,0
300,1—400	8,00	5,39	21,8	87,8	236,6	4,5	—	—	2,5	0,9	2,1	356,2	134,7
400,1—500	8,43	5,49	29,3	88,6	306,4	6,8	0,4	—	3,1	0,7	2,4	437,6	143,5
500,1—600	7,67	4,94	32,8	128,6	352,3	12,0	0,3	—	3,4	5,4	1,3	536,2	197,6
600,1—700	9,44	6,03	47,7	119,8	448,6	8,2	0,2	—	2,7	15,4	7,6	650,3	209,4
700,1—1000	13,20	8,65	63,0	202,2	478,0	11,6	0,1	—	5,5	13,7	14,7	788,7	327,1
более 1000	11,78	7,88	123,6	336,7	642,8	11,9	0,5	—	5,5	67,0	8,0	1196,0	521,5
всего	8,00	5,26	39,7	117,4	312,5	7,1	0,4	—	3,0	10,9	4,7	495,8	193,2

ГЛАВА IV

ТРУД В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Чтобы определить меру напряженности и производительности труда семьи крестьянина, мы должны прежде всего уметь учитывать ее трудовые затраты и годовой доход.

Конечно, не все члены семьи крестьянина являются работниками. Полными работниками в бюджетных исследованиях считаются мужчины 18-60 лет, полными работницами — женщины 16-55 лет; полу-работниками — подростки 14-17 лет и старики старше 60 лет, полу работницами — девушки 13-15 лет и старухи старше 55 лет. Есть указания, что в крестьянском хозяйстве иногда работают и подростки моложе 13-14 лет.

Чтобы производить далее все необходимые рассчеты, эти четыре категории работников нужно свести к общей единице, полному работнику-мужчине. К. Я. Воробьев в своей сводке бюджетов Вологодского уезда остановился на мысли, что коэффициенты рабочей силы лиц разного возраста и пола определяются коэффициентами их потребительной способности, т. е.:

работник	1,0	работница	0,8
полуработник . . .	0,8	полуработница . . .	0,6

Несомненно, для подобного допущения существует серьезное физиологическое основание. Рабочая сила человека прежде всего зависит от его питания.

Но здесь не учтен другой момент, который игнорировать нельзя. Крестьянин и члены его семьи расходуют на занятие сельским хозяйством, домашними работами и промыслами далеко не все свои рабочие дни. Значительное число рабочих дней они не работают. Из общего количества рабочих дней, за вычетом праздников, у них занято различного рода работами в %:

	Вологу	Кадниковск у
работники	73,7	73,1
полуработники	41,8	38,3
работницы	91,5	53,0
полуработницы	53,5	15,8

По Кадниковскому у не учтена затрата рабочих дней на домашние работы, что чрезвычайно понизило количество труда, отдаваемого хозяйству женскою половиною семьи. Как показывают данные Вологодского уезда, рабочая сила полуработников и полуработниц используется в крестьянском хозяйстве вдвое менее, чем полных работников и работниц Поэтому было бы, быть может, правильнее при учете рабочей силы крестьянской семьи принять след. коэффициенты·

работник .	1,0	работница .	1,0
полуработник	0,5	полуработница	. 0,5

Мы видим отсюда, насколько условный характер носит та графа бюджетных исследований, которая пытается учесть количество рабочих единиц в семье крестьянина.

Гораздо полнее учитывается рабочая сила семьи в тех бюджетных исследованиях, в которых был поставлен учет числа рабочих дней, израсходованных на хозяйственные цели каждым членом семьи*).

Такой учет рабочего времени был произведен в Тамбовской губ., Вологодском и Кадниковском уу. и опубликован по отдельным хозяйствам только по Кадниковскому у.

Приведем прежде всего основные данные о количестве труда, затрачиваемого крестьянином и членами его семьи в своем хозяйстве В своей последней немецкой работе А. В. Чаянов, говоря о количестве труда, расходуемого крестьянскою семьею в течение года, приходит к выводу, что «из общего количества рабочих дней в году на сельское хозяйство в изученных нами районах крестьяне затрачивают сравнительно незначительные доли

*) В своей последней работе А. В. Чаянов считает возможным судить о напряженности труда крестьянина — по его производительности. Он говорит: «Трудовые процессы очень трудно поддаются об'ективному учету и в нашем распоряжении почти совершенно нет статистических материалов этого рода. Поэтому в дальнейшем нам придется для измерения степени напряжения труда пользоваться не прямым учетом его затрат в рабочих днях, а результатами этих затрат в виде учета годовой выработки работника, в достаточной мере условно полагая, что каждая единица ценности получается приблизительно одинаковыми трудовыми усилиями» (Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft, 1923, стр. 23—30). А. В. Чаянов забыл, что мы не знаем также отношения напряженности труда к его производительности, и что эта проблема также подлежит индуктивному изучению. Делаемое им допущение, что «каждая единица ценности получается приблизительно одинаковыми трудовыми усилиями», как увидим ниже, противоречит действительности

труда, всего только 25-40% общего рабочего года Если даже к этому прибавить все работы промыслового характера, то и в этом случае придется признать, что крестьянский труд используется ими далеко не в полной степени, давая нормы использования не выше 50%»). Вывод этот неверен Помимо грубой ошибки в цифрах, приводимых в таблице по Вологодскому и Старобельскому уу , из которой делается вывод, А. В Чаянов делает в своем анализе этих цифр еще две ошибки 1) забывает о затратах труда на домашние работы, и 2) включает в «рабочий год» и праздники, т е исходит из рассчета 365 рабочих дней в году

Полный учет расхода рабочих дней в крестьянском хозяйстве мы имеем только по Вологодскому у. Вот данные о всех обследованных 136 хозяйствах в этом уезде

	мужчин		женщин		в перев на раб.-мужчину	
	работ	полу-работ.	работ.	полу работ.	абсол	в %
число рабочих	198	34	186	53	405.8	—
у них раб. дней (283 дня году)	56.236	7.392*)	52 211	14 128	112 394	100,0
израсходовано: на с. х . . .	19.780	1.494	19.427	1.589	35 953	32,0
промыслы . . .	18 422	1.315	7.011	1.983	26.273	23,4
домашн. работы .	3.228	284	21 345	3.992	22.845	20,3
болезни и повинн.	5 071	94	1.062	449	6 265	5,6
всего	46 501	3 187	48.845	8.013	91.336	81,3
осталось неиспольз. раб. дней	9.735	4.205	3 366	6.115	21.058	18,7
в %%-тах	17,3	56,9	6,4	43,3	18,7	

Таким образом, по Вологодскому уезду % неиспользованных рабочих дней в году равен всего 18,7%, при чем у работников мужчин он падает до 17,3%, у работниц-женщин еще ниже — до 6,4% Что касается мужчин-работников и женщин-работниц в крестьянской семье, то они след образом расходуют свое рабочее время·

	мужчины	женщины
на сельское хозяйство	35,2%	37,2%
промысл. заработки . .	32,8%	13,4%
домашние работы . .	5,7%	40,9%
болезни и повинности	9,0%	2,3%
не-использов. время .	17,3%	6,4%

Повидмому, в праздности русских крестьян упрекать не приходится Только не всегда они находят производительное применение своим рабочим силам

*) Die Lehre von der bauerlichen Wirtschaft, стр 28

По Кадниковскому у. учет расходования рабочего времени крестьянских семей произведен с пропуском времени, затраченного на домашнее хозяйство В общем эти данные очень близки к данным по Вологодскому у (в переводе на дни работника-мужчины)

число рабочих	751,4	израсходовано на с.-х.	83,397
у них зап. раб. дней	212,646,2	промыслы . .	44,967
дней наемных рабочих	6,769,6	домашн. работы	?
		болезни и повинности	7,081
		всего	135,445
		за вычет. наемн. дней	128,675
		осталось неиспользов	83,971

По этому рассчету, по Кадниковскому у неиспользовано 39,5% рабочего времени Но в этом балансе не учтен расход рабочих дней на домоводство. По Вологодскому уезду осталось неиспользовано 18,7% рабочего времени, да на домоводство истрачено 20,3%, — итого 39,0%, т е почти тот же %, что и по Кадниковскому у

Учет расхода рабочих дней по Кадниковскому уезду страдает еще другим недостатком, — суммарностью сведений о числе дней, затраченных наемными рабочими, без подразделения на дни, затраченные в сельском хозяйстве, промыслах и домашнем хозяйстве (няни)

Поэтому я просил Вологодское губ статистическое бюро сделать для меня выборки из оригиналов вологодских бюджетов о числе дней своих и наемных, затраченных каждым хозяйством на сельское хозяйство, домашние работы и промысловые занятия. Эти выборки были произведены, и я приношу г заведующему и г.г работникам Вологодского статистического бюро горячую благодарность за их помощь моей работе. 9 бюджетов оказались утраченными, так что выборки были произведены по 127 бюджетам.

Повидимому, наибольшей точностью отличается учет числа дней, затраченных на сельское хозяйство Данные о днях, затраченных на промысловые занятия, уже менее точны; еще хуже учет числа дней, затраченных на домашние работы. Трудности последнего учета почти непреодолимы.

Из общего числа 127 карточек 67 — больше половины — оказались имеющими разные дефекты.

1) 2 карточки были явно неполны, — в одной отсутствовали данные о расходе дней на сельское хозяйство и домашние работы, в другой — на домашние работы и уход за скотом Их пришлось исключить из подсчета

2) В 11 карточках не указано число своих дней, израсходованных на промысловые заработки. Между тем эти семьи имели дохода от промысловых заработков·

а) менее 12 руб. — 4 семьи

б) более 12, но менее 100 руб. — 4 семьи

в) остальные три семьи имели промысловых заработков 122,8 руб., 254 руб. и 382,5 руб. Одна из последних карточек была дефектна и в другом отношении, в ней число затраченных своих рабочих дней превышало их запас в семье; эти карточки исключены из подсчетов по промысловым заработкам.

3) По полному своду бюджетов, число праздничных дней в году равно 82 Следовательно, рабочих дней 283 Конечно, не все эти дни могут быть затрачены в хозяйстве; часть рабочего времени теряется на болезни и отбывание повинностей. Но во всяком случае, семья крестьянина не может затратить более 283 дней в году на различные работы при нормальных условиях, т. е если она соблюдает воскресные дни и праздники, и 365 дней, если ее члены работают круглый год, не отдыхая и не болея.

Между тем 20 семей затратило в год больше 283 своих дней на работника, но менее 365. Эти карточки мы нашли возможным включить в разработку, считая, что источник ошибки — в учете дней, затраченных на домашние работы.

4) 10 семей, в том числе одна, имевшая промысловые заработки, но не тратившая на них ни одного дня, затратили в год более 365 дней на работника. При этом.

а) в 5 карточках количество своих рабочих дней, израсходованных на сельское хозяйство и промысловые заработки, превышало общий запас рабочих дней в семье.

б) в других 5 карточках это количество приближалось к семейному запасу рабочих дней

Все эти карточки мы исключили из подсчетов.

5) В 31 карточке число наемных дней в сельском хозяйстве не указано, а сколько за эти дни выплачено заработной платы — указано. При этом, в 13 хозяйствах было израсходовано на заработную плату менее 5 руб., в 15 хоз. — от 5 до 20 руб., в трех — более 20 руб.: 29,2 руб, 62,0 руб. и 95,7 руб.

В 9 карточках, наоборот, указано число наемных дней, но не указана выплаченная за них заработная плата. В трех хозяйствах таких неоплаченных дней было менее 10, в 6 — более 10, в том числе в одном хозяйстве 40,8 дней, в другом 44,6.

Все эти карточки были пущены в подсчет.

Всего по сельскому хозяйству мы располагали 115 карточками*), по промысловым заработкам — 105**)

При учете годового заработка крестьянской семьи мы встречаемся еще с большими трудностями. Валовой доход крестьянского хозяйства составляет вся совокупность материальных ценностей, в нем произведенных или переработанных в течение года; чистый же доход представляет собою совокупность произведенных в течение года новых ценностей, за вычетом из валового дохода сельско-хозяйственных расходов, т. е. затрат на материалы и орудия, — тот годовой прирост ценностей в хозяйстве, который может быть употреблен на удовлетворение личных потребностей семьи крестьянина или на расширение его хозяйства В капиталистическом хозяйстве чистым доходом называется сумма ценностей, остающаяся от валового дохода предприятия после покрытия всех материальных издержек производства и оплаты расходов по найму земли, рабочей силы и чужих капиталов, весь этот остаток рассматривается как доход на вложенный в предприятие капитал, личный или акционерный.

В трудовом крестьянском хозяйстве, где все или главная часть работ производится самим крестьянином и членами его семьи, а земля и сельско-хозяйственный инвентарь принадлежат крестьянину или крестьянскому двору, при исчислении чистого дохода те вычеты, которые делаются в капиталистическом хозяйстве, производятся лишь в исключительных случаях, если крестьянскому двору приходится прибегать к аренде земли, найму рабочих и кредиту на хозяйственные цели, и весь доход крестьянского хозяйства рассматривается как результат труда семьи крестьянина.

Таким образом понятие чистого дохода в крестьянском трудовом хозяйстве имеет несколько другое содержание, чем в хозяйстве капиталистическом; А. Н. Челинцев, предлагает поэтому называть его условно-чистым доходом***) Вряд ли это название можно признать удачным, потому что нет никакой условности в таком именно, а не в каком либо ином установлении содержания понятия чистого дохода крестьянского трудового хозяйства; это понимание чистого дохода вытекает из самой его природы. Гораздо правильнее терминология В. А. Косинского, различающего чистый капиталистический доход и чистый трудовой доход****),

---

*) Исключены №№ бюджетов: 9, 24, 45, 49, 62, 63, 64, 68, 73, 74, 75, 84, 86, 93, 101, 111, 112, 125, 126, 132, 135.

**) Сверх предыдущих, исключены №№ 15, 25, 31, 35, 41, 55, 56, 109, 128, 133.

***) А. Н. Челинцев, Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства, 1919, стр. 283.

****) В. А. Косинский, Основные тенденции в мобилизации земельной собственности, 1917, стр. 76 — 77, 375.

подобно тому, как земелный трудовой доход отличается от земельного капиталистического или нетрудового дохода (земельной ренты)*).

Установление величины этого чистого трудового дохода крестьянского хозяйства представляет ту трудность, что при бюджетном исследовании учитывается только часть валового дохода крестьянского хозяйства, произведенные в нем продукты и его денежные поступления, прирост же ценности хозяйственного имущества в земле, постройках, инвентаре и скоте не учитывается вовсе. Точно также и сельскохозяйственные расходы учитываются фактически произведенные в хозяйстве, а не экономически необходимые. Располагай мы точным бухгалтерским учетом имущества крестьянского двора в начале и в конце бюджетного года, тогда вопрос о мере накопления хозяйственного имущества разрешался бы просто. Но в бюджетных исследованиях дается только одна опись имущества, — к концу года Благодаря этому мы не имеем в наших исследованиях данных о такой важной стороне хозяйственной жизни крестьянского двора, как накопление хозяйственого имущества, и лишены возможности установить, какие хозяйственные расходы имеют текущий характер, какие — представляют собою затраты на расширение имущества двора, или какие нормально-необходимые расходы в течение года произведены не были. По данным бюджетного исследования этот анализ фактически-произведенных расходов установлен быть не может.

Обычный прием состоит в том, что статистик, учтя доходы крестьянского хозяйства, тем же путем опроса устанавливает величину его расходов и затем вычитает вторую величину из первой. При этом упускается из виду, что накопление хозяйственного имущества не учитывается вовсе, так как фактически произведенные в течение года расходы могут быть и больше, и меньше тех нормальных расходов, которые нужно вычесть из валового дохода крестьянского хозяйства, чтобы получить его чистый доход.

Всякое усовершенствование в хозяйстве, приводящее к росту хозяйственного имущества, напр., приобретение плуга или жатвенной машины, возведение новой постройки, выкормка лишней телки, — фигурируют в бюджете хозяйства в качестве хозяйственного расхода. Но ведь такие затраты представляют собою не расход в настоящем смысле этого слова, а накопление имущества. С другой стороны, в плохой год хозяин может задержаться с необходимым ремонтом построек и инвентаря, и произвести фактически меньше расходов, чем бы следовало. Та величина, которая до сих пор в бюджетных исследованиях считалась сельско-хозяйственными расходами, является поэтому на самом деле производною от меры удовлетворения личных потребностей семьи крестья-

*) Там же, стр. 272, 385, 387.

нина. Мера эта определяет, какие и в каких размерах сельскохозяйственные расходы в данном году могли быть произведены.

Очевидно, фактически произведенные и учтенные в бюджете расходы не определяют того нормального расхода крестьянского хозяйства, который нам нужно знать, чтобы определить его чистый доход. Поэтому та величина, которая получается при вычитании из валового дохода крестьянского хозяйства фактически произведенных сельско-хозяйственных расходов действительно является «условно-чистым доходом», — но только не в том смысле, какой вкладывает в этот термин А. Н. Челинцев.

Что отклонение фактических расходов от нормальных может быть очень велико, подтверждает и В Е. Постников: «Бюджет крестьянской семьи заключает не мало таких хозяйственных расходов (напр., на праздничную одежду, приданое, расход на обстановку хозяйства при выделе сыновей, расход на постройки и крупный инвентарь), которые весьма сильно колеблются по годам и главным образом в зависимости от урожая дающего крестьянам средства на все такие экстренные расходы»*).

Очевидно, нужно найти способ устранить эту грубую ошибку. Мы должны хотя бы приблизительно учесть накопление имущества в хозяйстве и определить его «нормальные» сельско-хозяйственные расходы, чтобы затем получить возможность с некоторым приближением к истине определить чистый трудовой доход крестьянского хозяйства и семьи

За отсутствием бухгалтерского учета всех элементов крестьянского хозяйства, задачу эту мы можем разрешить только с довольно грубым приближением. Мы остановились на след приеме. Покупка земли учитывается в бюджетных исследованиях. Нормальные расходы на ремонт и погашение стоимости построек мы приняли равным 2% от ценности построек, расходы на ремонт и погашение инвентаря — 15%. От учета и накопления в скоте, за полным отсутствием данных**), мы вынуждены были отказаться

---

*) В. Постников. Южно-русское крестьянское хозяйство, 1891, стр. 107.

**) В наших бюджетных исследованиях только по Старобельскому у. А. В. Чаянов пытался подвести баланс крестьянскому скотоводству. Он получил следующие результаты (в рублях):

дворов		Состояло к начало года	Состояло к концу год	годовой прирост ценности	Прирост на 1 хозяйство
11	без посева. . . .	255,0	276,6	21,6	2,0
17	с посев. до 3 дес.	972,2	1.070,6	98,4	5,8
26	„ 3,01— 7,50	6.195,1	6.237,7	42,6	1,6
25	„ 7,51—15,00	13.933,1	13.523,6	—409,5	—16,4
22	„ 15,01 и более	21.666,2	21.259,3	—406,9	—18,5
101	всего.	43.021,7	42 367,9	—653,8	— 6,5

С помощью этих допущений мы получили возможность определить с известным приближением чистый доход крестьянина от его сельского хозяйства.

Группируя дворы по величине получаемого ими чистого трудового дохода от сельского хозяйства, мы получаем след. табличку их распределения:

	Волог.	Новгор	Тамбовск.	Старобельск.
убыток	2	—	—	1
доход до 50 руб.	18	4	—	2
„ 50—100,0 . . .	43	7	3	2
„ 100—200,0 . .	46	44	11	13
„ 200—300,0 . . .	16	22	21	13
„ 300—400,0 . . .	7	9	15	8
„ 400—500,0 . . .	2	1	12	12
„ 500—700,0 . .	1	2	16	15
„ более 700 . . .	1	3	7	25
всего	136	92	85	91

Таким образом, в 1909—10 гг. у старобельских крестьян, по учету А. В. Чаянова, оказалась убыль скота. Мы сомневаемся в правильности этого учета

Во первых, год этот был урожайным. По рассчетам А. В. Чаянова, десятина посева дала в этом году 60 р. 90 к. валового дохода и 29 р. 04 к. чистого. А в урожайные годы количество и ценность скота у крестьян растет, а не падает. Во вторых, крестьяне в этом году сделали большие сбережения, и совершенно непонятно, почему накопление хозяйственного имущества могло происходить в форме мертвого инвентаря и построек, и не имело места в форме скота. По произведенным нами подсчетам, в 91 хозяйстве Старобельских крестьян (за исключением безпосевных) было накоплено имущества:

покупка земли	2.257,4 руб.
прирост в постройках	1.005,2 „
„ мертв. инвентаре. .	837,8 „
убыль в скоте.	678,1 „
всего. . .	3.422,3 руб.

В третьих, в высшей степени подозрительно то обстоятельство, что убыль скота наблюдается именно у наиболее зажиточных крестьян, с посевом свыше 7,5 дес. Способность накопления у этих крестьян выше, чем у малопосевных, — но вместе с тем и скота у них больше, и скот этот более ценный, чем у малосеющих крестьян, значит, — им легче дать неверную, пониженную оценку их скота. Все эти соображения заставляют нас отнестись с глубоким недоверием к выведенному А. В. Чаяновым балансу скотоводства старобельских крестьян.

В этой табличке бросается в глаза более высокая чистая доходность южного черноземного крестьянского хозяйства. Но если мы распределим хозяйства не по высоте чистого дохода, а по размерам посевной площади, то найдем, что величина чистого трудового дохода на хозяйство следующим образом растет с ростом посевной площади:

	Волог	Новгор	Тамбов	Старобел.
сеющие до 1,0 дес . .	45,1	134,7	—	109,5
„ „ 1,1— 2,0 дес.	105,2	111,7	218,1	128,0
„ „ 2,1— 3,0 „	129,8	180,9	176,9	164,3
„ „ 3,1— 4,0 „	184,5	230,3	276,7	242,1
„ „ 4,1— 6,0 „	244,6	339,0	401,3	291,0
„ „ 6,1—10,0 „	401,4	279,7	450,5	422,9
„ „ 10,1—20,0 „	569,2	693,3	568,5	729,2
„ более 20,0 дес. . .	—	—	2871,8	1266,2
всего	137,5	219,3	433,5	568,1

Табличка эта показывает, что десятина посева приносит приблизительно одинаковый доход как на южном черноземе, так и на северных суглинках и подзолах. Причина богатства южно-русского крестьянства, следовательно, заключается в больших размерах посева на хозяйство Надобно думать, что полученные нами цифры чистого дохода для крестьянских хозяйств с разной площадью посева несколько выше нормальных, так как бюджетному описанию подвергаются обыкновенно хозяйства более интеллигентных крестьян, лучше ведущих свое хозяйство, чем крестьяне среднего уровня развития.

Высота чистого трудового дохода крестьянского хозяйства зависит ближайшим образом от двух моментов: количества рабочих дней, затрачиваемых крестьянином и членами его семьи на свое сельское хозяйство, и высоты оплаты одного рабочего дня в его хозяйстве

Само собою разумеется, что с увеличением размеров крестьянского хозяйства, — его землепользования, посева, количества скота и так далее, растет и количество рабочих дней, затрачиваемых на хозяйство. Но даже сравнительно мало развитое хозяйство русского крестьянина представляет собою очень сложную величину, заключающую в себе моменты как производственного характера (работники, землепользование, хозяйственное имущество), так и потребительного (едоки).

Наш анализ и должен установить, как влияют на количество затрачиваемых в крестьянском хозяйстве рабочих дней, прежде всего, моменты производственные и моменты потребительные, и, затем, каждый производственный фактор в отдельности.

Около десяти лет тому назад, в 1912-3 г. А. В. Чаянов выступил с теорией, приписывавшей потребительному моменту определяющее влияние на строение крестьянского хозяйства. Так, он говорит о его строении в условиях относительного малоземелья: «Доведя интенсивность своего хозяйства до нормальной, дающей максимальную ренту, высоты, — хозяин будет иметь еще избыток рабочей силы, не имеющей приложения. А так как равновесие между продукцией и потреблением еще не наступило, то хозяин имеет достаточно стимулов продолжать свою работу за пределы капиталистической нормы; хотя при этом земельная рента будет падать, но общее количество получаемых средств существования возрастет. Так, например, часто можно наблюдать крестьянские хозяйства, баланс которых, подсчитанный при оценке своего труда по нормам заработной платы, хронически дает дефицит. А это как раз об'ясняется тем, что уровень интенсивности стоит в этих хозяйствах на много выше нормы. Часто трудовое хозяйство берется за эксплоатацию столь отдаленных участков, для которых стоимость транспорта орудий и продуктов с'едает и ренту, и прибыль. Нередко в безработные сезоны трудовые хозяйства берутся за занятия с неправдоподобно низкой оплатой труда И все это под давлением того, что хозяйственное равновесие между мерою удовлетворения потребностей и тягостностью труда еще не наступило»*).

Таким образом, под давлением потребительных запросов большой семьи, крестьянин перестраивает свое хозяйство, делая его все более и более трудоемким и переходя все к менее и менее производитльным затратам труда

А В Чаянов нашел, что, по русским бюджетным исследованиям, на одного взрослого мужчину — едока приходится в год на личные потребности около 50 руб., а так как каждый полный работник прокармливает в среднем 1,4 едоков, то годовая выработка его должна колебаться около 70 руб. В докладе, читанном в Вольном Экономическом Обществе 27 января 1912 г., А В. Чаянов ставит вопрос, кто определяет собою размеры крестьянского хозяйства — едоки или работники? По его мнению, «работник соизмеряет свою продукцию с запросами едоков». Для доказательства он приводит данные из ряда бюджетных исследований, сколько рублей из личного бюджета приходится на едока и работника при различной нагрузке работников едоками**). Бюджет едока равняется:

---

*) А. Чаянов, Лен и др. культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России, вып. II.: Смоленская губ., 1913, стр. XIII — XIV.

**) Вопросы организации сельского хозяйства, 1912, стр. 5—6.

Едоки-работн.	Волог у.	Тотемск. у.	Вельск. у.	Воронежск .г
1,00	72,9	66,2	75,6	37,6
1,01—1,15 . . .	57,8	54,3	54,5	40,2
1,16—1,30 . .	69,4	45,5	49,3	50,7
1,31—1,45 . . .	62,8	50 5	55,8	45,2
1,46—1,60 . . .	60,6	47,3	51,8	55,3
1,61—2,00 . . .	67,1	47,2	51,4	46,3

В общем, бюджет этот обнаруживает известную устойчивость. Иной характер носят данные о годовой продукции одного работника, т. е. годовой чистой выработке работника, поступающей на удовлетворение потребностей его семьи:

Едоки-работн.	Волог. у	Тотемск. у	Вельск у.	Воронежск. у.
1,00	72,9	66,2	75,6	37,6
1,01—1,15 . .	63,9	58,9	59,2	44,6
1,16—1,30 . . .	79,1	55,3	61,2	62,2
1,31—1,45 . . .	84,4	68,6	76,1	63,4
1,46—1,60 . . .	91,7	71,5	79,5	85,0
1,61—2,00 .	117,9	73,6	95,5	84,9

Отсюда А. В. Чаянов делает вывод: «работники, — по мере усиливающегося обременения едоками, начинают повышать свою продукцию, в то время как едок мало реагирует в своем потреблении на количество обслуживающих его работников».

По Старобельскому уезду А. В. Чаянов получил след. табличку:

Едоки работники	Бюджет едока	Продукция работника
1,00—1,15 . . .	67,3	68,1
1,16—1,30	78,7	99,0
1,31—1,45	87,5	118,3
1,46—1,60 .	85,2	128,9
1,61 и более . . .	81,7	156,4

Из нее Чаянов заключает, «что в то время как бюджет едока остается на одном и том же уровне (за исключением первой группы), продукция работника определенно и резко повышается под давлением растущей обремененности едоками»*). В другой своей работе он говорит об этой таблице, что она «указала на подавляющее влияние запросов потребления на размер годовой продукции работника»**). В своей последней немецкой работе А. В. Чаянов приходит к заключению, что «энергия, развиваемая работником

*) А. В. Чаянов, Опыт разработки бюджетных данных по 101 хозяйству Старобельского уезда, 1915, стр. 18.

**) А. В. Чаянов, История бюджетных исследований, 1915, стр. 94.

семейного хозяйства, стимулируется потребительскими запросами семьи и заставляет, по мере увеличения их, форсировать и степень самоэксплоатации крестьянского труда. С другой стороны, затраты энергии сдерживаются тягостностью самого труда и, чем тяжелее труд по сравнению со своею оплатою, тем на более низком уровне благосостояния останавливает свою работу крестьянская семья, хотя часто для достижения этого пониженного уровня ей приходится делать большие усилия. Говоря иначе, мы можем установить, что степень самоэксплоатации труда устанавливается некоторым соотношением между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягости труда»*).

Однако, уже в работе о старобельских бюджетах А. В. Чаянов признает, что «кроме потребления, на размер продукции работника несомненное влияние имеют также и ряд производительных условий приложения труда», прежде всего размеры землевладения, и что «размер хозяйственной деятельности (семьи), ее напряжение и ее итоги обусловливаются с одной стороны запросами потребления, а с другой стороны тем, насколько благоприятные условия для приложения своего труда с'умеет найти хозяйствующая семья. Последнее обстоятельство, как мы видели, в значительной мере отражается и на высоте личного бюджета»**). И далее: «Под давлением потребительских запросов семьи, хозяйство стремится расширить свою продукцию главным образом путем количественного расширения обрабатываемой территории, при чем это расширение удается ему тем полнее, чем большим количеством рук располагает семья и чем она экономически более мощна. Так, напр, на развитие аренд большое значение имеет размер собственной земельной площади. На самый же способ организации хозяйства ни размер хозяйства, ни изменение потребительских запросов не оказывает большого влияния, за исключением небольших изменений в распределении культур»***).

Теоретическое об'яснение этого определяющего влияния потребительного момента на размеры хозяйственной деятельности крестьянского двора А. В. Чаянов находит в поолжение В. Ст. Джевонса, что «предельная полезность ценности, приобретаемой предельным трудом, должна в своей психической оценке равняться тягостности этого предельного труда. А так как в более обремененных едоками семьях каждая п-ная единица ценности, добываемой работником, будет иметь значительно высшую предельную полезность, чем в семьях менее обремененных, то на нее может быть затрачен и труд большей тягостности... Этим анализом чисто

*) Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft, стр. 34.

**) Опыт разработки бюджетных данных Старобельского уезда, стр. 18, 52.

***) Там же, стр. 67.

теоретически устанавливается то-же, что выше мы получили эмпирически: по мере увеличивающегося обременения работника едоками, он параллельно увеличивает свою продукцию»*). Или, как говорит А. В Чаянов в другой своей работе, «чем большее количество работы реализуется в какой нибудь определенный период времени, тем более и более тягостны для человека последние (предельные) единицы затрачиваемого труда. С другой стороны, суб'ективная оценка ценности, добываемой этим предельным трудом, будет зависеть от высоты ее предельной полезности. А так как предельная полезность понижается по мере роста суммы ценности, поступающей в обладание хозяйствующего суб'екта, — то на известной высоте трудового дохода наступит момент, когда тягостность предельной затраты труда будет равняться суб'ективной оценке предельной полезности получаемой суммы. На этой точке естественного равновесия и остановится продукция работника в трудовом хозяйстве, так как всякая дальнейшая работа будет суб'ективна — невыгодна Таким образом, всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи»**).

Другими словами, размер крестьянского бюджета всецело определяется запросами потребления, так что продукция работника представляет собою частное от деления бюджета семьи, стоящего на обычном уровне удовлетворения потребностей, на число работников в семье

А. Н. Челинцев полностью и без оговорок принимает эту теорию А. В. Чаянова. В своей разработке бюджетов крестьян Тамбовской губ. он говорит, как мы уже цитировали, что «в области потребления в крестьянском хозяйстве должна быть отмечена прежде всего особенно важная роль его в хозяйстве Годовой доход хозяйства идет целиком или почти целиком на удовлетворение личных потребностей хозяйствующей семьи (это находится в связи с той особенностью крестьянского хозяйства, что оно, как трудовое по преимуществу, потребляет в меру своего труда, как и работает в меру потребления семьи). Отсюда внутри хозяйственное влияние его, равно как и размеров семьи по числу едоков, на сельско-хозяйственное производство... Размеры всего потребления семьи, приходящиеся на одного работника, заставляют работать его с разной напряженностью, т. е. определяют напряженность труда его»***). В другой своей работе А. Н. Челинцев

*) Вопросы организации сельского хозяйства, стр. 7, 9.

**) А. Чаянов, Очерки по теории трудового хозяйства, вып. I, 1912, стр 1—2; ср. А. Чаянов, Лен и др. культуры, вып. II: Смоленская губ., 1913, стр. VII.

***) Опыт изучения организации крестьянского хозяйства... Тамбовской губ., 1919, стр. 8.

говорит о влиянии потребительского момента: Количество своего труда, действительно затрачиваемого в трудовом хозяйстве на сельское хозяйство в течение года каждым из работников семьи, будет меньше того количества, которое можно бы было потратить одному работнику. И в то время, как один человек мог бы выработать около 290 дней в году (365 дней за вычетом праздников и прогулов по неустранимым причинам) и в действительности вынужден выработать, когда нанимается годовым батраком, в трудовом хозяйстве дело обстоит иначе. Хозяин в трудовом хозяйстве, являясь в то же время работником, не станет «эксплоатировать себя» так, как наемного человека; он тратит свой труд в таком количестве, которое необходимо затратить для удовлетворения привычных потребностей семьи Если все нужное для существования семьи было бы добыто ее работниками в течение, напр., 150-180 дней в году, то от дальнейшей собственной работы наше трудовое хозяйство воздержится. Если семья обходится меньшими расходами без лишений себя в привычных потребностях, то работники сокращают работу. Эту разницу в «самоэксплоатации» одного и того же работника семьи можно установить, когда в одном хозяйстве на работника приходится мало «ртов», а в другом, наоборот, много. «Самоэксплоатация» хозяина-работника трудового хозяйства повышается с обременением семьи едоками, а также с повышением уровня потребностей и, наоборот, падает с сокращением обременения работника «ртами» и с понижением уровня потребностей»*).

А А Кауфман также принимает эту теорию А. В. Чаянова. По его мнению, «общий состав семьи — число едоков имеет и самостоятельное значение, независимое от рабочего состава, — значение, которое можно резюмировать такою формулой: рабочий состав дает возможность развивать хозяйство, — потребительный состав заставляет это делать, так как увеличивает потребность в продуктах, необходимых для существования семьи»**)

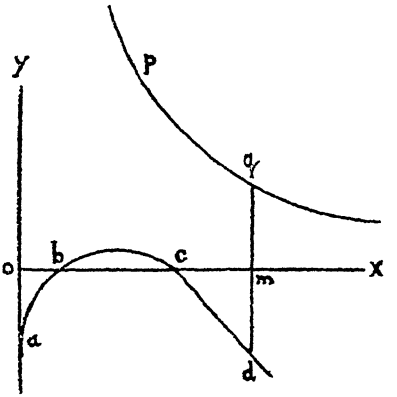
Попробуем проверить дедуктивное обоснование этой теории, данное А. В. Чаяновым, и ее фактическое соответствие бюджетным данным о моментах, определяющих производительность и напряженность труда в крестьянском хозяйстве.

Начнем с теоретических аргументов. Посмотрим прежде всего, можно ли основывать определяющее влияние запросов потребления на размер дохода крестьянской семьи на положении Джевонса, что тягость последней единицы труда работающего человека должна быть равна удовольствию, испытываемому им от

*) Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, 1919, стр. 6 — 7.

**) Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства, 1918, стр. 20

удовлетворения его последней потребности. По мнению Джевонса*), та или другая работа может быть предпринята в том лишь случае, если удовольствие, которое доставляет получение продукта труда, перевешивает страдание, приносимое тягостью труда и его неприятностью Мы не умеем точно измерять это страдание и это удовольствие; тем не менее, личные переживания каждого из нас показывают, что чем дольше длится работа, тем более увеличивается тягость или обременительность труда. Джевонс полагает, что тягость труда может быть схематически изображена кривой а в с д на прилагаемой диаграмме. Величина удовольствия или страдания измеряется на ней расстоянием от линии о х вверх (удовольствие)



и вниз (страдание). Когда человек приступает к работе, ему большею частью приходится затратить значительное усилие на приспособление к ее условиям; затем, когда он войдет в работу, неприятное чувство сменяется удовольствием, длящимся некоторое время, до момента с, после которого наступает быстро увеличивающееся чувство тягости; рост обременительности труда изображен на диаграмме падающей кривой с д. Кривая р q изображает удовольствие, получаемое от пользования продуктом труда. Первые единицы продукта, — будут ли то материальные полезности, или деньги, — расходуются на удовлетворение самых настоятельных неотложных потребностей, и расцениваются трудящимся очень высоко; последующие единицы расходуются для удовлетворения все менее и менее настоятельных потребностей, полезность их непрерывно падает, что изображено на диаграмме кривой р q. При продолжении работы неизбежно должен наступить момент m, когда

*) W. Stanley Jevons, The Theory of Political Economy, 3d ed, 1888. стр. 172 — 174.

$q\,m$, удовольствие, доставляемое продуктом труда, будет равно dm, страданию, приносимому продолжением труда. До этого момента, удовольствие больше страдания, и работник находит выгодным продолжать свой труд; после этого момента страдание начинает перевешивать удовольствие, и работник естественно прекращает свою работу.

Таким образом, для каждого индивидуального работника, в силу его суб'ективных переживаний, существует известное соответствие между размером удовлетворения его потребностей и количеством хозяйственного труда, им производимого. Но как только мы переходим от отдельного рабочего или крестьянина к сравнению труда нескольких рабочих или крестьян, вопрос осложняется другими, уже об'ективными моментами. При затрате одного и того же количества труда, два работника могут произвести совершенно различное количество материальных ценностей, соответственно производительности их труда, от чего бы она не зависела большей площади землепользования, большего количества скота в хозяйстве, лучшего качества орудий труда, профессиональных знаний и т д Если производительность одного работника вдвое больше, чем другого, то при равенстве потребностей, первый работник гораздо скорее удовлетворит свои потребности, чем второй, и его рабочий год будет короче. Таким образом, под влиянием потребительского момента, длина рабочего года или количество рабочих дней в году у разных рабочих или крестьян должны были бы уменьшаться с ростом производительности их труда. Производственный же момент влияет в обратную сторону Чем лучше оборудован труд крестьянина материальными средствами производства, тем выше производительность его труда и тем больше возможностей его приложения, тем большее количество дней в году он занят Таково направление в изменении напряженности труда под влиянием этих двух групп моментов, суб'ективных и об'ективных.

Но какое начало и в какой мере победит в этой коллизии, — об этом нам теория Джевонса ничего не говорит.

Все его теоретическое построение, лежащее в плоскости суб'ективных переживаний работника, по самому существу дела не может дать никакого ответа на вопрос, касающийся об'ективных условий труда, тех материальных возможностей, которые так различны у разных работников.

Поэтому мы должны признать, что А. В. Чаянов совершенно неосновательно привлек теорию Джевонса, устанавливающего баланс между тягостью труда и остротою потребности в его продукте у одного и того же человека, в мире его суб'ективных переживаний, к обоснованию своих взглядов на баланс между количеством труда и количеством потребностей у крестьян, как некоторой общественной совокупности, т. е. в мире об'ективных общественных отношений. Сам Джевонс таких выводов из своей теории не делал и все

время оставался в пределах субъективных переживаний одного человека, имеющих силу при любых материальных условиях.

Каковы бы ни были для крестьянина эти условия, от них, а не от числа ртов в его семье зависит размер его годового бюджета.

А. В. Чаянов знает, что для того, чтобы крестьянин увеличил свой доход или заработок, ему недостаточно иметь неудовлетворенные потребности. Таким образом, он готов признать значение материальных возможностей. Но он видит в этом отношении принципиальную разницу между положением наемного рабочего и самостоятельного хозяина-крестьянина. Годовой бюджет рабочего определяется условиями рынка труда. Напротив, годовой бюджет крестьянина, как самостоятельного производителя, владеющего собственным хозяйством, зависит, по мнению Чаянова, от его «воли», «определяется самим хозяйствующим человеком», вследствие чего бюджет крестьянина «всецело определяется запросами потребления», и он «всегда доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей едоков».

Эти утверждения грешат детскою наивностью Всякая лишняя копейка дается крестьянину с таким трудом, что утверждать, что только от его воли зависит выработать в год 100 руб., а не 50 р. на едока, и что его бюджет всегда покрывает нужды его семьи, — значит говорить наглядные несообразности.

Посмотрим теперь, оправдывается ли теория Чаянова бюджетными данными. Быть может индуктивный материал им проанализирован правильно, и выводы его, несмотря на неправильную ссылку на теорию Джевонса, вполне отвечают действительности.

А В. Чаянов утверждает, что размеры крестьянского хозяйства определяются числом в нем едоков. Под давлением этого потребительского момента крестьянин затрачивает на свое сельское хозяйство большее число рабочих дней, прибегая к все менее и менее производительным затратам своего труда.

Посмотрим, что дают по этому вопросу материалы крестьянских бюджетов.

Остановимся прежде всего на изменениях числа рабочих дней, затраченных на сельскохозяйственные работы крестьянского двора, как членами семьи крестьянина, так и наемными рабочими. С ростом хозяйства само собою разумеется, растет и число дней, расходуемых на хозяйство. В среднем в Вологодском у. на хозяйство приходится след. число израсходованных дней (в переводе на день мужчины-работника):

сеющ. до 1,0 дес. . .	149,2	сеющ. 4,1—6,0 дес. . .	—375,5
„ „ 1,1—2,0 д.	235,4	„ 6 и более дес.	—480,7
„ „ 2,1—3,0 д.	286,1	„ в среднем	—279,1
„ „ 3,1—4,0 д.	402,1		

Изучая крестьянские бюджеты Тамбовской губ., А. Н. Челинцев нашел зависимость количества затраченных в хозяйстве рабочих дней (в переводе на рабочие дни полного работника) от двух моментов: размеров землепользования и числа душ в семье*):

	до 5 дес.	до 8 дес.	до 11,5 дес	до 18 дес.	более 18 д	арифм средн
семья до 5 душ	190,7	198,1	247,2	269,8	296 2	240,4
„ 6—7 „	170,0	255,2	336,7	294,3	370,4	285,3
„ 8—9 „	192,1	231,1	318,5	354,0	440,7	307,3
„ 10 и бол	222,5	258,4	352,3	393,0	582,4	361,7
арифм. средн .	193,1	238,2	383,2	349,6	484,7	

Из этой таблички А. Н. Челинцев заключает: «Внутрихозяйственное уплотнение (выясняющееся как при сревнении хозяйств разной площади, так и при сопоставлении хозяйств одинаковой площади с разной семьей) перестраивает сельское хозяйство, делая его в целом и по отдельным частям более трудоемким»**).

Вывод этот вполне соответствует положению А. В Чаянова об определяющем влиянии числа едоков на размеры крестьянского хозяйства

Посмотрим, что дают по интересующему нас вопросу бюджеты вологодских крестян. Число едоков в семье и размеры землепользования след. образом влияют на число рабочих дней в крестьянском хозяйстве·

землепользование	до 3 0 едок.	3,1—5,0 едок	более 5 едок	сред ариф.
до 6,0 дес. . . .	154,7	205,7	—	180,2
6,1— 9,0 дес. .	198,3	228,3	324,1	250,2
9,1—12,0 „ .	227,7	254,0	297,3	259,7
12,1—15,0 „ .	310,4	377,5	182,3	290,1
15,1—20 0 „ .	324,8	350,7	294,5	323,3
20,1—30,0 „ .	286,4	339,3	479,1	368,3
более 30,0 „ . . .	116,6	371,2	334,5	274,1
средн. арифм.	231,3	308,4	337,3	

Табличка эта совершенно аналогична приводимой А. Н. Челинцевым по Тамбовской губ. Количество рабочих дней, затрачиваемых на сельскохозяйственные работы, правильно растет с ростом размеров как землепользования, так и семьи

Но мы знаем, что в большой семье, с большим числом едоков, всегда бывает и много работников. Быть может на рост за-

*) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства .. Тамбовской губ., стр. 258.

**) Там же, стр. 259.

траты количества рабочих дней влияет не потребительский момент — число душ или едоков, как думает Челинцев, а момент производственный, — число работников? Посмотрим, как влияет на интересующее нас явление рост числа работников в семье крестьянина, в переводе на полного работника

землепользование.	до 2,0 раб	2.1—4,0 раб	более 4,0 р	сред. ариф.
до 6,0 дес. . .	166,8	165,0	169,8	167,2
6,1— 9,0 дес.	198,1	231,3	304,6	244,7
9,1—12,0 „	198,4	249,6	289,0	245,7
12,1—15,0 „ . .	296,0	358,9	246,2	300,4
15,1—20,0 „ . .	293,3	366,3	354,4	338,0
20,1—30,0 „ . . .	407,6	331,6	430,3	389,8
более 30,0 „	516,6	271,2	334,5	374,1
средн. арифм.	296,7	282,0	304,1	

Таким образом, рост числа работников в семье также сопровождается ростом числа затрачиваемых в хозяйстве дней, — хотя и в меньшей, на глаз, степени, чем рост числа едоков.

Очевидно, вопрос гораздо сложнее, чем думал А. Н. Челинцев. Рядом с потребительным началом, душами или едоками, в том же направлении действует и производственное начало, — число работников. Необходимо разделить действие этих двух начал. Чтобы не строить громоздкой комбинационной таблицы по 3 признакам, мы можем прибегнуть к группировке по отношению числа едоков к работникам На это отношение обратил внимание еще кн. А. И. Васильчиков.

«По общим статистическим выводам, говорит он*), пропорция людей полного возраста и малолетних выходит во всех несколько значительных группах населения, в уездах, городах, волостях и даже в селениях, почти везде одинакова: рабочих оказывается около половины всех жителей или немного более половины 50,4% и 50,6%... Пропорция, одинаковая в средней сложности, оказывается в каждой отдельной семье различной Это-то различие и имеет громадное влияние на состояние семейства... Естественное последствие брака, прижитие детей, вводит немедленно в каждое семейство разные отношения, которые порождают между ними совершенное неравенство, как в отношении нужд, так и в отношении рабочих сил. Так как число детей и возраст их в каждой семье различен, то вместе с детьми возникает между домохозяевами глубокое различие состояния; оно доходит до таких крайностей, что вовсе изменяет все условия хозяйства. Представим себе, напр, молодого мужика с здоровой бабой, без детей, наделенного по числу ревизских душ 4 десятинами посевной земли, и другого хо-

*) Сельский быт и сельское хозяйство в России, 1881, стр. 37—39.

зяина с женой и 3-4 малолетними детьми, незаписанными при ревизии, который поэтому получает также один душевой надел в 4 дес.; — первый обработает свою землю шутя и прокормится от нее безбедно, второму на 5-6 душ земли мало для пропитания, но и держать земли больше тоже тяжело, его баба кормит одного ребенка, няньчит других, отлучаться ему из дому в рабочую пору трудно и при всех прочих равных условиях достатка его положение будет несравненно труднее, чем первого».

Кладя это отношение числа едоков к числу работников в основу группировки, мы получим след. таблицу·

землепользование.	едоки-работники 1,0	1,1—1,5	более 1,5	сред. ариф.
до 6,0 дес. . .	135,1	189,0	206,5	176,9
6,1— 9,0 дес	227,7	221,3	245,3	231,4
9,1—12,0 „ .	297,0	259,4	205,0	253,8
12,1—15,0 „	347,6	247,6	384,4	326,5
15,1—20,0 „ . .	—	394,8	297,3	346,0
20,1—30,0 „ .	265,0	413,0	383,1	353,7
более 30,0 „	311,3	300,1	516,6	376,0
средн. арифм. . .	263,9	289,3	319,7	

Таблица хотя и обнаруживает некоторые неправильности, однако устанавливает прямую связь нагрузки работников едоками с числом рабочих дней в хозяйстве. Она подтверждает вывод А. Н. Челинцева, что рост числа едоков в семье сопряжен с затратою большего числа рабочих дней на одну и ту же площадь.

Остается открытым вопрос о мере влияния этого момента на число затрачиваемых дней. Эта мера не поддается определению ни на глаз, ни даже путем вычисления коэффициента роста (регрессии) одной величины по другой, потому что на этот коэффициент сильное влияние оказывает относительная величина масштабных единиц тех величин, соотношение которых подлежит изучению. Потому мы должны прибегнуть к определению меры корреляции числа дней, затрачиваемых в хозяйстве, от след основных моментов

землевладения . .	0,26	всего скота . .	0,60
землепользования . .	0,37	работников	0,26
посева	0,57	едоков	0,29
хозяйств имуществ . .	0.39	едоков-работников . .	0,05

Этот ряд коэффициентов корреляции опрокидывает все полученные нами до сих пор результаты анализа бюджетных данных.

Оказывается, составленные нами и приведенные выше таблицы, в которых учитывается действие на число рабочих дней в хозяйстве

его землепользования, числа в нем едоков, работников и меры нагрузки работников едоками, — знакомят нас лишь с направлением влияния изучаемого момента, но ничего не говорят о мере этого влияния. Так, напр., из составленных нами таблиц казалось бы с очевидностью следует, что на число рабочих дней в хозяйстве сильнее всего влияет число едоков в семье, затем — нагрузка работников едоками, и очень слабо — число работников. А коэффициенты корреляции показывают, что нагрузка работников едоками оказывает на число рабочих дней самое ничтожное влияние, число же работников — значительное, почти равное влиянию числа едоков.

Затем этот ряд обнаруживает еще след. основной факт: влияние факторов производства, главным образом площади посева и количества скота, далеко превышает по своей силе влияние числа едоков

Другими словами, число рабочих дней в хозяйстве прежде всего зависит от материальных возможностей, которыми располагает крестьянский двор, — от тех именно материальных факторов производства, которые игнорируются и отрицаются потребительски-трудовою теориею крестьянского хозяйства Чаянова-Челинцева.

Прежде чем приходить к окончательному выводу об этой теории, посмотрим, что дают бюджетные материалы по второй половине основного положения А. В. Чаянова: с ростом числа едоков в семье крестьянин, увеличивая число дней работы в хозяйстве, переходит к менее производительным затратам труда.

По Кадниковскому у. Е. В. Пашковский нашел след. зависимость производительности одного дня работы от площади посева:

до 1 дес . . .	43 к	3,1—4,0	57 к.
1,1—2,0 . .	54 „	4,1—6,0	67 „
2,1—3,0 . .	61 „	6,1 и более	63 „

Его вывод состоит в том, что «оплата единицы затраченного труда в хозяйстве заметно повышается с увеличением посевной площади» *). По Старобельскому у. А. В. Чаянов получил аналогичную зависимость; валового дохода на рабочий день приходилось в хозяйствах засевающих·

до 3,0 дес .	1 р. 22 к	7,6—15,0 дес	1 р 32 к.
3,1—7,5 .	1 „ 32 „	15,1 и более	1 „ 41 „

«Таблица эта показывает нам, — говорит А. В. Чаянов, — что по мере укрупнения хозяйства производительность труда в них

*) Материалы для оценки земель Вологодской руб., Кадниковский у. II, стр. 196.

заметно возрастает» *). Совершенно аналогичные данные получила А. И. Хрящева по бюджетам Новосильского у. **). По Вологодскому у. мы получили след. оплату одного дня работы:

до 1,0 дес. .	. 31,0 коп.	3,1—4,0	46,8
1,1—2,0 .	. 48,8 „	4,1—6,0	75,2
2,1—3,0 .	. 48,8 „	6,1 и более	99,5
		в среднем	51,4

Данные прямо противоположного характера приводит А. В Пешехонов по Козельскому у. На основании данных бюджетного характера по 1313 хозяйствам этого уезда он пришел к выводу, что по рассчету на один рабочий день, затраченный в собственном сельском хозяйстве, доход равнялся:

в меликх	хозяйствах	37 коп
„ средних	„	32 „
„ крупных	„	30 „
	вообще	32 коп.

«Чем меньше размеры собственного хозяйства, тем лучше оплачивается затраченная в нем рабочая сила». «Вопреки очень распространенной презумпции о большей производительности крупных крестьянских хозяйств сравнительно с мелкими, мы видим, что в действительности труд производительнее в последних, чем в первых» ***).

Вывод этот занимает совершенно исключительное положение в нашей бюджетной литературе. Его происхождение об'ясняется тем материалом, который был в распоряжении А. В. Пешехонова. «Число дней, говорит он, — затраченных на промыслы и работы в чужих хозяйствах, представляет действительный расход рабочих сил, наблюдавшийся в описанных хозяйствах. Учет же рабочих дней первой категории (дни, затраченные в собственном сельском хозяйстве) был произведен по нормам, при чем для каждой отдельной работы были приняты нормы, общие для всех хозяйственных групп. Таким образом, число дней, затраченных в собственноми хозяйстве, представляет не действительный расход их, а, так сказать, нормальный расход (общественно-необходимый) при данной пропорции работ и при прочих средних условиях (т. е при средних качествах рабочих и скота, при средней

*) Бюджеты крестьян Старобельского у., стр. 119.

**) Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства. Новосильский у., стр. 182.

***) А. Пешехонов, Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях, «Русское Богатство», 1898 г., кн. VIII, стр. 189, 194.

интенсивности труда, при средних условиях погоды и т. д.). Такое именно значение рабочего дня, т. е. той единицы, которая послужит нам основанием во многих дальнейших рассчетах, с особою силой подчеркивает те выводы, с которыми мы познакомимся при рассмотрении данных об оплате рабочей силы» *).

Такой учет «нормального» расхода рабочих дней на хозяйственные работы представляет грубую ошибку и совершенно недопустим. Бюджетная статистика показывает нам, что одна и та же работа в хозяйствах разной величины требует для своего исполнения различного количества рабочего времени.

По Новосильскому у. расход рабочих дней исчислен на 1 дес. пашни и усадьбы **); по Вологодскому у. на 1 дес посева. Вот итоги:

	Новосильский у.	Вологодск. у.
с посевом до 2 дес. . .	33,4	155,6
„ „ „ 2,1— 4,0 .	20,3	116,0
„ „ „ 4,1— 6,0	19,2	74,7
„ „ „ 6,1— 8,0	13,4	84,4
„ „ „ 8,1—10,0 .	12,5	—
„ „ более 10,0	10,0	24,7
„ „ в среднем.	15,1	117,5

Вместо того, чтобы брать действительно израсходованное число рабочих дней в каждой группе, А. В. Пешехонов взял какие то «нормальные» величины, одни и те же для всех групп***). По-

*) Там же, стр. 183 — 4.

**) Опыт исследования взаимоотношения элементов крестьянского хозяйства, Новосильский у., стр. 182.

***) Аналогичная ошибка допущена А. В. Чаяновым в разработке бюджетов крестьян Старобельского уезда. Это бюджетное исследование «не регистрировало конкретное количество труда, затраченное исследуемой семьей на разные отрасли хозяйства в год исследования и обратило главное внимание на собирание сведений о нормальных количествах труда, «требуемых» для выполнения той или иной работы, на единицу продукта или обрабатываемой площади. Поэтому о затратах труда, произведенных нашими семьями, мы можем судить только косвенно, исчисляя их пропрционально обработанному пространству или полученному продукту, по средним нормам, выведенным нами на основании показания опрашиваемых хозяев... Для целого ряда отраслей труда (скотоводства, огородничества и лесоводства) мы не нашли в нашем материале необходимых данных о затратах труда и были вынуждены воспользоваться нормами обычных урочных положений. Опираясь на полученные таким образом нормы, мы могли с некоторой долей приближения определить количество труда, затрачиваемого исследованными семьями в течении года». — Бюджеты крестьян Старобельского у., стр. 87 — 88.

нятно, что благодаря такому приему вычисленная им производительность одного дня сильно возросла в мелких хозяйствах и значительно упала — в крупных.

Поэтому мы можем игнорировать цифры производительности рабочего дня по Козельскому у., как основанные на неверных предпосылках *).

Так как при учете числа дней, затраченных в хозяйстве, мы считаем не только дни самого крестьянина и членов его семьи, но и дни наемных рабочих, то при определении оплаты одного дня мы должны брать не один лишь чистый трудовой доход крестьянского двора, но и заработную плату, выплаченную сдельным, сроковым и поденным рабочим.

Производительность одного дня работы в хозяйстве вологодских крестьян след. образом изменяется в зависимости от размеров землепользования и числа едоков в семье (в копейках):

землепользование	до 3,0 едоков	3,1—5,0 ед	более 5,0 ед.	арифм. средн.
до 6,0 дес .	32,5	37,5	—	35,0
6,1— 9,0 .	26,9	60,5	34,3	40,6
9,1—12,0 . . .	40,0	44,0	29,5	37,8
12,1—15,0 .	51,5	39,7	31,8	41,0
15,1—20,0	31,2	46,4	24,8	34,1
20,1—30,0 .	61,4	55,5	56,4	57,8
более 30,0	113,4	54,6	161,1	109,7
ариф. сред . . .	51,0	48,3	56,3	—

Таблица эта подтверждает выводы Е В. Пашковского и А. В. Чаянова: с увеличением размеров крестьянского хозяйства производительность труда в нем растет. Но она показывает также, что с ростом числа едоков в семье производительность их труда также несколько растет, а не падает, как этого требует теория А. В. Чаянова, разделяемая А. Н. Челинцевым.

Ведь по этой теории под давлением потребительских запросов своей семьи крестьянин переходит к все менее и менее производительным затратам труда.

Бюджетные данные, однако, показывают, что хотя в больших семьях с большим числом едоков число затраченных дней на хозяйство больше, чем в малых семьях, но вместе с тем в этих семьях каждый затраченный день производит большее количество материальных ценностей Выходит так, что под влиянием роста потребительских запросов семьи крестьянское хозяйство

*) Поучительно видеть, какие глубокомысленные социально-философские выводы построил А. В. Пешехонов на этой ошибке. Особенного внимания заслуживают положения, развиваемые им на стр. 70 — 71 и 74 его статьи в девятой книжке «Русск. Богатства» за 1898 г.

увеличивает затрату труда, переходя не к менее, а к более производительным формам этой затраты.

Очевидно, такой характер дополнительных затрат труда прямо противоречит теории А. В. Чаянова, и это противоречие является для нее фатальным. Таким образом, бюджетные данные приводят нас к заключению, что производительность одного дня работы зависит сверх площади землепользования, еще от другого какого то момента, но только не потребительского характера, — не от числа душ или едоков, — а от момента характера производственного. Чтобы обнаружить этот момент, определим меру корреляции одного дня работы в собственном хозяйстве крестьянина с различными моментами, которые могут иметь значение:

землевладение . . .	0,51	всего скота	0,26
землепользование	0,49	едоки	0,19
посев	0,27	работники . . .	0,19
хозяйств. имущ	0,41	едоки-работники	—0,01

В этом ряде коэффициентов корреляции обращает на себя внимание высокая мера связи производительности одного дня работы с размером хозяйственного имущества крестьянского двора Да иначе и быть не может: чем лучше труд крестьянина оборудован землею и средствами производства, тем выше должна быть его производительность

Не во влиянии ли этого фактора кроется разгадка констатированного нами роста, с ростом величины семьи, числа рабочих дней в хозяйстве и производительности каждого рабочего дня?

Если бюджетные данные покажут нам, что большие семьи обладают и большим количеством хозяйственного имущества, тогда констатированное выше положительное влияние числа едоков на производительность труда крестьянина мы вправе будем приписать скрытому, т. е. не выявленному при группировке по числу едоков, влиянию роста хозяйственного имущества крестьянского двора. Хозяйственного имущества приходится на 1 хозяйство (в рублях):

	до 3,0 едок.	3,1—5,0 едок.	более 5 едок	арифм средн.
до 6,0 дес.	356,8	428,5	—	392,6
6,1— 9,0 .	447,1	404,2	1.207,6	686,3
9,1—12,0	694,0	471,0	511,1	558,7
12,1—15,0 .	653,0	616,4	536,4	601,9
15,1—20 0 .	399,6	660,0	630,6	563,4
20,1—30,0 .	786,2	724,9	1.144,7	885,3
более 30,0 . .	798,8	1.117,3	1.725,0	1.213,7
ариф. средн . .	590,8	631,8	959,2	—

Таким образом, большие семьи, заключающие в себе большее число едоков, обладают и более значительным имуществом, чем

малые семьи. Явление это давно уже было замечено К. Я. Воробьевым.

«В конечном счете, говорит он, — наиболее мелкие крестьянские хозяйства от затраты своего труда в земледелии, скотоводстве и промыслах получают средств заметно меньше, чем хозяйства крупные. Происходит это оттого, что степень обеспечения крестьянского населения главнейшими средствами производства, — землею и скотом, — а вследствие этого и степень продуктивности труда крестьянина в своем хозяйстве весьма различна: чем меньше по своим размерам крестьянское хозяйство, тем хуже население его обеспечено землею и скотом и тем менее продуктивно утилизируются его рабочие силы; и наоборот, — с ростом размеров хозяйства повышается степень экономического обеспечения каждого члена семьи, а сельско-хозяйственный труд рабочего населения становится все более и более продуктивным» *).

Если более крупные семьи затрачивают большее число дней на хозяйство, то причиною этого является не исполнение менее производительных работ в хозяйстве, под давлением потребительских запросов семьи, а более крупный размер хозяйства, требующий затраты и большего количества труда

Итак, анализ бюджетных данных приводит нас к следующим выводам:

Крестьянское хозяйство есть прежде всего хозяйство, т. е. оно подчинено основному факту недостаточности существующего в мире запаса материальных благ и средств производства для удовлетворения всех потребностей человека. Поэтому, определяющее влияние на организацию крестьянского хозяйства, его валовой и чистый доход оказывает совокупность производственных средств, находящихся в распоряжении хозяйства, — земли, рабочей силы и хозяйственного имущества, а никоим образом не число душ или едоков в семье крестьянина. В противоположность утверждению А. В Чаянова, размеры крестьянского хозяйства определяются производственными моментами, а не потребительским — числом едоков. Не работник соразмеряет свою продукцию с запросами едоков, а едок имеет тот уровень жизни, который обеспечивается ему продукцией работника. С ростом величины материальных факторов производства, которыми располагает крестьянское хозяйство, растет как число дней труда, затрачиваемых в хозяйстве, так и производительность одного дня работы.

Поэтому, как мы видели выше, на одну десятину пашни или посева в крестьянском хозяйстве затрачивается тем меньше дней работы, чем больше размеры хозяйства.

---

*) Материалы для оценки земель Вологодской губ., т. II: Вологодский у., вып. II, стр. 237.

А. И. Хрящева дает след. об'яснение затрате меньшего числа дней на десятину пахоты в крупных хозяйствах Новосильского у.: «Такая разница в затрате труда на 1 десятину не может быть отнесена всецело на счет разницы возделываемых культур, так как все хозяйства одинаково находятся в условии трехполья с трехлетним зерновым севооборотом; культура картофеля составляет в уезде лишь 6,7% ярового поля. Соотношение труда с культурной площадью в мелких хозяйствах определяется, следовательно, не столько характером культуры, сколько распылением рабочих сил на мелкие участки и операции с частыми перерывами работы; крупные же хозяйства, имея дело с более крупными участками, концентрируют труд, а не распыляют его. Таким образом производительность труда стоит в такой же прямой зависимости от размера хозяйства, как и техническое оборудование его» *).

Это об'яснение правильно, но недостаточно. А И. Хрящева упускает из виду другую существенную причину разной производительности труда в крестьянских хозяйствах различной величины: именно, относительное развитие скотоводства. В мелких хозяйствах доход от скота занимает гораздо большее место, чем в крупных. А один день работы, затраченный на уход за скотом, производит меньшее количество ценностей, чем рабочий день, затраченный на полевые работы.

В дополнение к приведенной выше таблице о влиянии размеров землепользования на количество рабочих дней, расходуемых на десятину пахоты или посева, интересно проследить влияние на эту же величину размеров хозяйственного имущества, числа работников и числа душ в семье, — все это по данным Вологодского у.:

хоз. имущ		работники		души	
до 250 р.	135,6 дн.	до 2,0	139,8 дн.	1—2	127,4 дн.
251— 500	133,5 дн.	2,1—3,0	116,6 дн.	3—4	131,3 дн.
501— 750	116,4 дн.	3,1—4,0	124,1 дн.	5—6	121,1 дн.
751—1000	129,7 дн.	4,1—5,0	111,3 дн.	7—8	123,6 дн.
1001—1500	118,3 дн.	5,1 и бол.	85,3 дн.	9 и бол	70,5 дн.
1501 и бол.	54,8 дн.				

Таким образом, не только с ростом размеров землепользования, но и с ростом количества хозяйственного имущества на двор, числа в нем работников и даже душ — количество рабочих дней, расходуемых на одну десятину посева, уменьшается. Вообще, чем богаче крестьянское хозяйство производительными силами, — а чем зажиточнее двор, тем больше в нем и душ, — тем

*) Опыт исследования взаимоотношения элементов крестьянского хозяйства, Новосильский у., стр. 183

меньше рабочих дней тратится на производство каждой работы и тем выше оплата каждого рабочего дня·

хоз имущ.		работники		души	
до 250 р. .	35,5 к	до 2,0	39,2	1-2 .	37,1
251— 500 р	43,6	2,1—3,0	57,2	3-4 .	42,7
501— 750 р	47,2	3,1—4,0	44,6	5-6 .	49,7
751—1000 р	41,9	4,1—5,0	59,7	7-8 . .	53,7
1001—1500 р	57,0	5,1 и бо	71,1	9 и бол.	89,8
1501 и более	159,1				

Итак, данные бюджетных исследований показывают нам, что строение крестьянского хозяйства, количество затрачиваемого в нем труда и производительность этого труда определяются не потребительскими, а производственными моментами.

Для полноты нашего анализа, остановимся еще на моментах, определяющих интенсивность труда в хозяйстве крестьянина, производительность работника и производительность хозяйства. В Вологодском уезде на одного работника приходится след. число рабочих дней в хозяйствах разной величины·

сеющ до 1 дес. . .	53,3	сеющ. 4,1—6,0 дес	94,3
„ „ 1,1—2,0 д.	87,2	„ 6,1 и более	82,9
„ „ 2,1—3,0 д.	81,5	„ в среднем . .	86,9
„ „ 3,1—4,0 д.	114,2		

Ряд этот не обнаруживает определенной тенденции развития.

В Тамбовской губ., по подсчетам А. Н. Челинцева, «с увеличением размеров семьи оказывается, что, несмотря на растущую трудоинтенсификацию, на каждого работника приходится все меньшее число дней работы в своем сельском хозяйстве

при семье	до 5 дес.	до 8 дес.	до 11,5 дес.	до 18 д	бол. 18 д	сред арифм.
до 5 душ . . .	70,6	76,0	137,2	103 8	164,6	110,4
6—7 „	70,8	73,9	95,7	92,0	84,1	83,3
8—9 „ .	96,0	78,0	74,0	87,6	91,7	83,5
10 и бол. душ	47,5	57,5	66,3	68,8	97,1	67,4
средн. арифм.	71,5	68,1	89,1	78,6	96,9	

«Таким образом, чем больше семья, тем меньше при одной и той же площади в данный момент находит заработок каждый работник в своем сельском хозяйстве. Эта правильность более ясна в хозяйствах более 8 десятин»*).

Из этой таблицы следует также, что с увеличением размеров землепользования число дней работы на одного работника

*) Опыт изучения... Тамбовской губ., 258 — 9.

увеличивается. Последний вывод подтверждается данными А В Чаянова по Старобельскому уезду*) и Е. В. Пашковского по Кадниковскому у.**).

В Вологодском уезде число своих рабочих дней на одного работника изменяется след. образом в зависимости от размеров землепользования и числа едоков в семье:

землепользование	число едоков до 3,0	3,1—5,0	более 5,0	ариф. сред
до 6,0 .	79,4	64,7	—	72,0
6,1— 9,0 . . .	98,4	73,2	63,4	78,3
9,1—12,0	98,8	72,1	63,4	78,1
12,1—15,0 .	158,4	100,7	41,5	100,2
15,1—20,0 . .	160,4	119,6	63,0	114,3
20,1—30,0 . . .	114,4	98,2	93,2	101,9
более 30,0 . . .	35,7	98,2	59,7	64,5
средн. арифм.	106,5	89,5	64,0	

С ростом землепользования, следовательно, число дней работы на каждого работника в семье растет, с ростом числа едоков — падает.

Отношение числа едоков к числу работников находится в след. связи с напряженностью труда работников в семье:

землепользование	едоки-работники 1,0	1,1—1,5	более 1,5	сред ариф
до 6,0 дес . . .	61,1	74,9	114,7	83,6
6,1— 9,0 дес. . .	82,4	65,6	99,8	82,6
9,1—12,0 „ .	109,3	66,7	82,0	86,0
12,1—15,0 „ .	114,2	65,1	147,1	108,8
15,1—20,0 „ . .	—	116,3	114,5	115,4
20,1—30,0 „ . . .	82,1	95,7	152,9	110,2
более 30,0 „ . . .	74,8	62,7	173,9	103 8
средн. арифм. . .	87,3	78,1	126,4	

Таким образом, с ростом нагрузки работников едоками напряженность труда крестьянской семьи первоначально несколько падает, затем сильно растет. Вывод этот подтверждается данными Челинцева***) и Чаянова****)

---

*) Бюджеты крестьян Старобельского у, стр. 89, 120.

**) Материалы для оценки земель Вологодск. губ. т. V. Кадниковский у., вып. II, стр. 215.

***) Опыт изучения Тамбовской губ., стр. 246.

****) Вопросы организации сельск хозяйства, 1912, стр 9

А. Н. Челинцев нашел по Тамбовской губ., что с ростом нагрузки работников едоками число дней работы на работника в году растет след. образом:

1,00—1,15	120,8	дней
до 1,30	98,3	„
до 1,45	105,8	„
до 1,60	115,2	„
до 1,90	119,2	„
свыше 1,90	149,9	„

«При одних и тех же внешних условиях, заключает из этой таблички А. Н. Челинцев, но при ослаблении «нужды», работники одних хозяйств трудятся в году меньше, чем в других хозяйствах, в коих эта «нужда» сильнее, в виде большего количества едоков»*).

Мы опять вернулись к определяющему влиянию потребительского момента на организацию крестьянского хозяйства. Установим прежде всего фактическую сторону вопроса. Напряженность труда работника в крестьянском хозяйстве находится в след. корелятивной связи с основными моментами этого хозяйства:

землевладение	±0,04	скот	0,14
землепользование	±0,05	работники	—0,53
посев	0,06	едоки	—0,44
хозяйств. имущ.	0,02	едоки / работн.	0,24

Эти коэффициенты корреляции показывают прежде всего, что размеры землепользования оказывают не только незначительное, но также неопределенное по своему направлению влияние на напряженность труда работника крестьянской семьи в собственном хозяйстве. Полученные «на глаз» выводы оказались обманчивыми. Затем, главное определяющее влияние оказывают не едоки, а работники. Чем больше работников в семье, тем меньше напряженность труда каждого отдельного работника. А так как число работников в семье находится в тесной корелятивной связи с числом в ней душ, то и число душ дает, в порядке производном, высокие коэффициенты корреляции с напряженностью труда. Но едоки и сами по себе стоят в довольно значительной корелятивной связи с этой напряженностью; это видно из коэффициента корреляции этой напряженности с величиною нагрузки работника едоками = 0,24. Причем в этом случае знак связи уже не отрицателный, а положительный.

А. Н. Челинцев, в своем об'яснении этих связей, исходит из положения о существовании в каждой местности определенного

*) Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, стр. 126.

уровня жизни, единого для всех крестьянских семей. Эта «постоянная» величина определяет, по Челинцеву, «меру самоэксплоатации» рабочей силы в крестьянской семье.

Этот определенный местный уровень жизни принадлежит, как мы показали при анализе личного бюджета крестьянской семьи, к области фантазии Мы можем игнорировать это положение А. Н. Челинцева. Сейчас нас интересует только вопрос, действительно ли рост числа едоков действует стимулирующим образом на напряженность труда в крестьянском хозяйстве.

Если бы об'яснение проф. Челинцева было правильно, тогда, при большей напряженности труда многодушных семей при прочих равных условиях, производительность этого труда обязательно должна была бы упасть. Располагая определенным участком земли и сельскохозяйственным имуществом, увеличить затрату труда можно только перейдя к менее производительным его приложениям. Но выше мы видели, что оплата одного рабочего дня с нагрузкою работников едоками дает коэффициент корреляции почти равный нулю (—0,01). Это обстоятельство противоречит теоретическому построению Челинцева и принуждает нас его отвергнуть.

Всей совокупности данных отвечает утверждение обратной причинной связи: не напряженность труда в хозяйстве растет в зависимости от величины нагрузки работников едоками, а те хозяйства, в которых совокупность материальных средств производства, находящихся в их распоряжении, позволяет затратить на хозяйство большее число рабочих дней на работника, и следовательно получить более высокий доход, могут иметь и имеют более крупные семьи, с большим числом едоков на работника.

Перейдем к след. вопросу, — о величине производительности труда работника в сельском хозяйстве крестьянского двора Производительность эта равняется в хозяйствах

сеющ. до 1,0 дес. . . .	15,0	сеющ 4,1—6,0 дес .	69,9
„ 1,1—2,0 дес. . .	41,0	„ 6,1 и более .	82,3
„ 2,1—3,0 „ .	39,3	„ в среднем .	44,3
„ 3,1—4,0 „	55,8		

По вопросу о моментах, определяющих эту величину, в бюджетной литературе было формулировано два вывода

Так как производительность рабочего зависит от числа дней работы, приходящихся на каждого работника, и от производительности одного дня работы, то наших статистиков прежде всего заинтересовал вопрос, который из этих двух моментов оказывает более значительное влияние.

Е. В. Пашковский нашел по Кадниковскому у., что эта производительность у крестьян, больше сеющих, лишь в слабой сте-

пени растет вследствие повышения оплаты одного дня работы, главным же образом от большей использованности запасов рабочего времени наличных членов семьи *). К аналогичному выводу пришел и А. В. Чаянов по Старобельскому уезду: «Годовая оплата труда, приложенного к земледельческому хозяйству, резко возрастает по мере увеличения размеров хозяйства. Причиною этого роста является отчасти более высшая оплата единицы труда, а главное, гораздо более полное использование своего труда в высших группах, чем в низших — мало сеющих» **).

Данные по Вологодскому у. приводят к прямо противоположному выводу. Число рабочих дней на одного работника в семье крестьянина и производительность одного рабочего дня изменяются в этом уезде в зависимости от площади посева следующим образом:

		рабоч дней на 1 раб.	Производ. 1 раб дня
сеющ	до 1 дес.	53,3	31,0
,,	1,1—2,0	87,2	48,8
,,	2,1—3,0	81,5	48,8
,,	3,1—4,0	114,2	46,8
,,	4,1—6,0	94,3	75,2
,,	6,1 и более	82,9	99,5
,,	всего	86,9	51,4

Из этой таблички «на глаз» видно, что производительность рабочего дня эволюционирует более значительно, чем число рабочих дней на одного работника. Аналогичные данные приводит А И. Хряшева по Новосильскому у ***).

		% израсходов рабоч дней в своем хозяйстве (своих и наемных)	Валовая произв. 1 рабоч дня в сельск хозяйстве
сеющ.	до 2,0 дес	48,5	0,54
,,	2,1— 4,0	60,7	0,86
,,	4,1— 6,0	48,5	1,04
,,	6,1— 8,0	60,5	1,18
,,	8,1—10,0	66,1	1,47
,,	более 10,0 дес.	67,4	1,51
,,	всего	58,2	1,04

Вывод наш подтверждается и относительной величиною коэффициентов коррелятивной связи:

*) Материалы для оценки земель Вологодской губ., т. V, Кадниковский уезд, вып. II, стр. 215.

**) Бюджеты крестьян Старобельского уезда, стр. 120.

***) Опыт исследования взаимоотношения элементов крестьянского хозяйства, Новосильский у., стр. 182.

	рабоч дней на 1 работника	производ. рабоч. дня	производ работника
землевладение . .	±0,04	0,51	0,43
землепользование . .	±0,05	0,49	0,42
посев	0,06	0,27	0,37
хоз. имущество . .	0,02	0,41	0,33
всего скота . .	0,14	0,26	0,38

Как показывает эта табличка, рост посевной площади, как и величина других материальных факторов производства, оказывает несравненно меньшее влияние на напряженность труда рабочего, чем на производительность рабочего дня, — почему производительность работника в гораздо большей степени определяется производительностью дня, чем числом дней, приходящихся на рабочего.

Второй вывод касается все того же вопроса о влиянии потребительских моментов.

По А. В. Чаянову, с ростом числа работников в семье производительность работника падает *), с ростом числа едоков — растет. Как мы уже указывали, в этом последнем отношении А. В. Чаянов видит принципиальную разницу в экономическом положении фабричного рабочего и самостоятельного сельского хозяина — крестьянина «Наемные промышленные рабочие, продукция которых не зависит от их воли, почти не могут увеличить своего дохода свыше нормы, устанавливаемый условиями рынка труда. Единственныя доступныя формы этого увеличения — заработок жены и сдача в наем части своей квартиры — поставлены в весьма узкие рамки, благодаря чему потребление едока за исключением первых групп, когда еще не исчерпаны все рессурсы, — представляет собою частное от деления выработки работника на число приходящихся на него едоков». Поэтому в рабочей семье, при большом числе в ней душ, бюджет едока должен падать просто потому, что на один и тот же неизменный источник дохода должно жить большее количество людей. «В самостоятельном же сельскохозяйственном предприятии, где продукция определяется самим хозяйствующим человеком, мы наблюдаем совершенно иную картину». Суть этой картины состоит в том, что «размер русского крестьянского бюджета всецело определяется запросами потребления, сообразно чему крестьянский работник всегда доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей едоков. Таким образом, в этом случае продукция работника представляет собою частное от де-

*) А. Чаянов, Влияние состава и величины крестьянской семьи на ее хозяйственную деятельность, в вопросах организации сельского хозяйства, 1912, стр 10.

ления бюджета семьи, стоящего на обычном уровне удовлетворения потребностей, на число работников в семье» *).

При тесной коррелятивной связи числа едоков с числом работников, прямо противоположные действия этих двух величин на производительность работника являются экономически-невозможным делом. И в самом деле, по Вологодскому уезду мы имеем след коэффициенты корреляции:

	рабоч дней на 1 работника	производ. раб дня	производ. работника
работники . .	—0,53	0,19	—0,14
едоки . . .	—0,44	0,19	—0,05
едоки - работники .	0,24	—0,01	0,21

След., число едоков также понижающе действует на производительность работника, как и число работников, но в меньшей степени. Но если мы возьмем отношение числа едоков к числу работников, величину нагрузки работника едоками, то тут мы имеем определенно положительную связь с продукцией работника. Этот положительный характер связи был констатирован А. В. Чаяновым в старобельских бюджетах**), и В. К. Каниным в новгородских***), при чем оба исследователя определяющею величиною считают нагрузку работников едоками, а зависимою — продукцию работника. Приведя статистические данные, В. К. Канин умозаключает: «Это подтверждает сделанный А. В. Чаяновым вывод, что продукция работника, по мере обременения его едоками, повышается». «Повышение обремененности работников едоками повышает продукцию работника, но все же это не приносит всех ожидаемых благ, так как, по мере возрастания этих групп, экономическая сила хозяйства постепенно понижается»****)

Мы решительно возражаем против этого вывода. Все соображения, развитые нами выше, говорят за то, что в хозяйстве, располагающем более богатыми материальными средствами, производительность работника повышается, за ее ростом повышается доход семьи и, следовательно, растет и ее размер.

В заключение рассмотрим данные о производительности крестьянского хозяйства в целом. Чистый доход от сельского хозяйства у крестьян Вологодского у. равняется:

сеющ. до 1,0 дес.	40,3	сеющ. 4,1—6,0	272,4
„ 1,1—2,0 . .	106,8	6,1 и более	477,4
„ 2,1—3,0 . . .	132,9	в среднем	136,2
„ 3,1—4,0 . . .	180,6		

*) Очерки по теории трудового хозяйства, вып. I, стр. 17 — 18; вып. II, стр. 26.

**) Бюджеты крестьян Старобельского у, стр. 18, 19

***) Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губ., стр. 49

****) Там же, стр. 50, 60

Переходя к выяснению моментов, влияющих на эту величину, мы для удобства обозрения соединим в одну таблицу все полученные нами коэффициенты, — как чистого дохода крестьянского хозяйства, так и всех его составных элементов:

	Рабочих дней		производительность		
	на 1 хоз	на 1 раб.	раб. дня	работника	хоз.
землевладение .	0,26	±0,04	0,51	0,43	0,66
землепользов.	0,37	±0,05	0,49	0,42	0,65
посев	0,57	0,06	0,27	0,37	0,65
хозяйств. имущ	0,39	0,02	0,41	0,33	0,60
всего скота .	0,60	0,14	0,26	0,38	0,64
работники . .	0,26	—0,53	0,19	—0,14	0,38
едоки	0,29	—0,44	0,19	—0,05	0,37
едоки-работники .	0,05	0,24	—0,01	0,21	±0,04

Как показывает табличка, наибольшее влияние на чистый доход крестьянского хозяйства оказывают размеры его землепользования и величина хозяйственного имущества; число работников в семье действует на чистый доход хозяйства гораздо слабее, чем размеры материальных факторов хозяйства.

Выводы эти вполне совпадают с результатами нашего анализа моментов, определяющих высоту валового дохода крестьянского хозяйства.

ГЛАВА V.

ПРОМЫСЛОВЫЕ ЗАРАБОТКИ

Недостаточность для жизни дохода от своего хозяйства заставляет крестьян прибегать к промысловым заработкам. Так называются в бюджетных исследованиях всевозможные занятия вне своего сельского хозяйства, главными их формами являются домашние (кустарные) промыслы, местные земледельческие заработки, отхожие промыслы и торгово-промышленные предприятия

Не смотря на все значение промысловых заработков в русском крестьянском хозяйстве, в бюджетных исследованиях им было уделено очень мало внимания. По существу мы находим в них лишь самые элементарные сведения о числе участвовавших в промысловых заработках лиц и о высоте их заработка, — точнее о количестве принесенных промышленниками денег в семью Валовой доход от промысловых занятий и расходы на них в бюджетных исследованиях не учитываются, или учитываются только отчасти (в домашних промыслах). Число рабочих мало характерно, если не указано точно время, в течение которого они занимались промыслами Основною величиною, определяющею размеры промысловых занятий крестьянской семьи, является сумма чистого заработка, принесенного промышленниками в семью

Некоторое представление о размере промысловых заработков дает след. табличка, показывающая, сколько семей имело заработок указанных размеров:

	Вельск	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Староб.
Без заработка	1	—	2	4	19
с зараб. до 50,0 руб. . . .	37	30	8	20	35
„ „ 50—100,0 „ . . .	22	42	14	8	14
„ „ 100—200,0 „ . . .	31	41	39	26	11
„ „ 200—300,0 „ . . .	5	17	17	17	8
„ „ 300—400,0 „ . . .	5	6	10	6	2
„ „ 400—500,0 „ . . .	1	—	2	3	—
„ „ 500—600,0 „ . . .	—	—	—	—	2
„ „ 600—700,0 „	—	—	—	1	—
всего	102	136	92	85	91

При группировке по посевной площади, мы получаем след. средний размер промысловых заработков на двор:

	Вельск	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Старооб.
Сеющ. до 1,0 дес.	73,1	117,5	86,6	—	96,5
„ 1,1—2,0 „	77,4	110,0	144,3	107,3	38,6
„ 2,1—3,0 „	109,7	119,3	160,4	188,3	61,2
„ 3,1—4,0 „	109,3	112,3	160,2	159,4	60,2
„ 4,1—6,0 „	126,9	114,7	188,2	168,2	84,6
„ 6,1--10,0 „	92,4	86,8	69,9	165,1	68,7
„ 10,1--20,0 „	—	280,0	346,6	43,9	76,5
„ более 20,0 „	—	—	—	141,2	92,4
всего	103,2	115,4	166,7	151,5	75,9

Таблица эта мало показательна. Из нея видно, что в Старобельском у промысловые заработки мало развиты; изменение же величины промысловых заработков с ростом хозяйства крестьянского двора носит в высшей степени неопределенный характер. Отчасти эта неопределенность вызывается недостаточным числом наблюдений, отчасти же, повидимому, действуют более глубокие причины

Более показательна таблица, показывающая, какой процент из чистого дохода крестьянской семьи — слагающагося из дохода от сельского хозяйства и от промыслов — падает на промысловые заработки:

	Волог	Новгор	Тамбов	Старооб
Сеющ. до 1,0 дес. . .	72,2	39,1	—	46,8
„ 1,1—2,0 дес. . .	51,3	56,4	33,0	23,2
„ 2,1—3,0 „ .	47,9	47,0	51,6	27,1
„ 3,1—4,0 „ . .	37,8	41,0	36,5	19,9
„ 4,1—6,0 „ . .	31,9	35,7	29,5	22,5
„ 6,1-10,0 „ . . .	17,8	49,7	26,8	14,0
„ 10,1-20,0 „	33,0	19,9	7,2	9,5
„ более 20,0 „	—	—	4,7	6,8
всего	45,6	43,2	25,9	11,8

Как показывает эта таблица, в нечерноземных губерниях промысловые заработки занимают очень видное место в бюджете крестьянской семьи, достигающие 40-50%, в полосе черноземного трехполья их доля падает до 25% , в степной полосе — до 10-15%. Затем, чем меньше размеры собственного хозяйства крестьянской семьи, тем большую роль в ее бюджете играют промысловые заработки. В Вологодской, Новгородской и Тамбовской губ. в хозяйствах, засевающих менее 2½-3 дес., а в Харьковской губ. в хозяйствах, имеющих менее 1 дес посева, промысловые заработки составляют 50 и более % бюджета семьи.

Эту группу крестьян В. Ильин называет наемными рабочими с наделом и дает им след. характеристику: «Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшем представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом. Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и при том хозяйства, находящегося в полном упадке (о чем особенно наглядно свидетельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы («промыслы» неимущего крестьянства), в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню «рабочего без надела», — вот отличительные черты этого типа»*)

К этой группе приналдежит по мнению В Ильина, не менее половины всего числа крестьянских дворов.

И если в своей новой немецкой работе А. В. Чаянов говорит о промысловых заработках русских крестьян: «Наше предположение, что недостаток капитала, а главным образом земли является причиной, заставляющей иногда крестьянскую семью значительную часть своего труда выбрасывать на промыслы»**), — то мы имеем здесь дело с явным недоразумением. Если бы в этом абзаце вместо «иногда» стояло слово «всегда», — суровая действительность русской крестьянской жизни была бы изображена правильно

Только это крупное значение промысловых заработков в бюджете большинства русских крестьян могло породить с первого взгляда кажущееся абсурдным положение, что для крестьян выгодны низкие цены на хлеб. Как говорят в введении к «Влиянию урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» А. И. Чупров и А С. Посников о среднем крестьянском хозяйстве, «не на хлебе развиваются его денежные отношения. Различные промысловые занятия, выручка от продуктов скотоводства и огородничества и других статей дают ему несравненно большую долю его денежного дохода, нежели продажа хлеба . Среднее крестьянское хозяйство составляется как-бы из двух частей: одна натурально-земледельческая—производство и потребление хлеба, стоит очень далеко от рынка и цен; другая же промысловая, погашающая платежные и вообще денежные нужды хозяйства, непосредственно связана с рынком, но по преимуществу не хлебным. Только хозяйства, уклоняющиеся от среднего типа, завязывают сношения с хлебным рынком .. Денежные доходы крестьянства получаются в главной своей доле не от отчуждения хлеба, а по преимуществу из промысловых заработков». А так как «северная часть России, преимущественно северные, северо-западные и западные губернии, потребляет немалую долю покуп-

*) В Ильин, Развитие капитализма в России, 1899, стр. 119.

**) Die Lehre von der bauerlichen Wirtschaft, стр. 58.

ного хлеба, то наиболее выгодною комбинациею для крестьянских бюджетов вообще оказываются высокие урожаи и низкие цены на хлеб. Годы с таким сочетанием урожаев и хлебных цен известны под именем «крестьянских» годов и характеризуются широким удовлетворением семейных потребностей и хозяйственных нужд сельского населения»*).

Как показывают наши данные о значении промысловых заработков в бюджете русского крестьянина, в такой постановке вопроса несомненно доля истины есть, — но не вся истина. Вся же истина заключается в том, что такое положение вещей вызвано аграрным перенаселением страны, и что до тех пор, пока русский крестьянин будет заинтересован не в высоких, а в низких ценах на продукты сельского хозяйства, он будет нищ и убог.

Большое значение промыслов в жизни русского крестьянина внушило П. А Вихляеву и Н. Суханову, мысль, что не состояние крестьянского сельского хозяйства принуждает крестьян прибегать к промысловым занятиям, а наоборот, развитие промыслов определяет строение сельского хозяйства крестьянского двора Изучая связь между высотой поденной заработной платы пешему работнику на своих харчах в период ярового посева в 1893-4 гг. с лошадностью крестьянских дворов, П. А. Вихляев получил след. табличку**)·

	безлош	с 1 лош.	с 2 лош	с 3 и более
уезды с зараб пл. до 30 к. . . .	28,0	33,1	20,4	18,5
„ 30 —35 к .	24,6	32,1	22,4	20,8
„ 35—40 к. . .	22,7	34,5	23,5	19,3
„ 40—45 к. . .	19,1	41,5	23,6	15,8
„ 45—50 к. . .	20,9	44,0	22,7	12,3
„ свыше 50 к.	32,8	47,8	13,6	5,8

Таблица показывает, что с ростом заработной платы повышается % однолошадных хозяйств, и падает % многолошадных Отсюда П. А. Вихляев сделал вывод: «Развитие промысловой жизни разрушает многолошадные крестьянские дворы, представляющие более чистый тип земледельческого хозяйства, и ставит на их место преимущественно дворы однолошадные, полевое хозяйство которых, предназначенное служить к удовлетворению продовольственных потребностей оставшихся на земле членов промысловой семьи представляет из себя придаток домашнего хозяйства»***).

Дальнейшее развитие этой мысли мы находим у Н Суханова. Он приводит в своей работе след. интересную таблицу. Распо-

*) Влияние урожаев, 1897, т. I, стр. XII, XIV.

**) Очерки из русской сельскохозяйственной деятельности, стр. 145

***) Там же, стр. 156—7

лагая губернии в порядке роста промысловости, г. Суханов получил след. изменения % хозяйств, засевающих свыше 6 дес. на двор*):

	% промышл обоего пола	% хозяйств, засевающих							
		св. 6 д	св 9 д	св. 12 д	св 15 д	св. 20 д	св 25 д	св 40 д	св 50 д.
Таврическая (7 уу.) .	2,3	65,6	54,9	46,4	41,4	27,2	18,3	8,7	3,7
Самарская (1) . .	8,6	49,6	34,9	24,5	17,8	10,9	6,8	2,2	—
Харьковская (1) . .	13,7	45,5	25,0	15,2	7,6	4,1	1,3	—	—
Пермская (2) . . .	19,9	49,0	14,6	2,7	1,8	1,0	—	—	—
Воронежская (5) . .	29,0	37,8	20,3	12,2	6,5	2,2	—	—	—
Орловская (2). . .	30,5	36,5	18,5	9,4	4,7	1,3	—	—	—
Вятская (8)	33,9	48,7	17,2	7,1	2,6	—	—	—	—
Калужская (4) . .	35,0	26,1	9,1	3,5	—	—	—	—	—
Смоленская (1) . .	37,2	22,8	6,7	2,0	—	—	—	—	—
Ярославская (5) . .	46,9	3,3	0,6	—	—	—	—	—	—
Вологодская (1) . .	53,1	1,4	—	—	—	—	—	—	—
Владимирская (2) . .	68,7	7,1	1,1	—	—	—	—	—	—

Вывод г. Суханова из этой таблицы гласит: «По мере развития промысловой деятельности производящего населения какой-либо местности, значение в ней крупных земледельческих хозяйств и земледельческого капитализма понижается... Все наше предшествующее исследование обнаружило перед нами тот факт, что развитие промысловой жизни, индустриализация страны или местности оказывает решающее влияние на крестьянский земледельческий капитализм; между этими двумя явлениями существует внутренняя, причинная зависимость; развитие промыслов обуславливает падение земледельческого капитализма, является причиной разложения капиталистических сельскохозяйственных предприятий**).

Эти выводы П. А Вихляева и Н. Суханова вызывают серьезные сомнения. Как может развитие промысловой жизни разрушить многолошадные крестьянские хозяйства? Место крупных крестьянских хозяйств занимают мелкие хозяйства, — откуда берутся эти мелкие хозяйства, при развитии промыслов? Развитие промышленности повышая цены на сельскохозяйственные продукты, должно не разлагать крупные крестьянские хозяйства, работающие на рынок, а делать их более доходными, следовательно — более крепкими, более жизнеспособными.

Таблицы гг. Вихляева и Суханова несомненно устанавливают существование какой-то связи, — прямой или производной, —

*) Н. Суханов, К вопросу об эволюции сельского хозяйства, 1909, стр. 344.

**) Там же, стр. 345, 369.

между сельским хозяйством крестьянского двора и его промысловыми заработками. На каков характер этой связи и как велика ее мера — мы из таблиц Вихляева и Суханова не узнаем. Никаких экономических аргументов в пользу своего понимания причинной связи они не приводят, и ограничиваются воздействием на наши восприятия, строя свои таблицы в соответствии с своим пониманием Мы думаем, что вопрос о направлении причинной связи не может решаться произволом исследователя, принимающего, при построении таблиц, за независимую переменную именно данную величину, а не другую. Не составило бы труда так перестроит их таблицы, чтобы промысловые моменты были зависимой переменной, а сельскохозяйственные — определяющей.

Вопрос этот так просто не решается, и мы должны в нем разобраться по существу.

Но допустима ли самая постановка подобного вопроса? Можно ли рассматривать сельскохозяйственную и промысловую деятельность крестьянской семьи, как две самостоятельные отрасли хозяйственной деятельности, подлежащие самостоятельному изучению и исследованию? Ведь в сельском хозяйстве и в промыслах работают члены одной и той же крестьянской семьи, и сумма от чистого дохода сельского хозяйства и промыслов представляет собою не простую арифметическую сумму двух независимых величин, а нечто единое и цельное, совокупность материальных ценностей, которой располагает крестьянин для удовлетворения своих и своей семьи потребностей. Поэтому напр. в своей последней работе А. В Чаянов утверждает, что «то обстоятельство, что сельскохозяйственное предприятие и промысловая деятельность семьи связаны одной системой основного равновесия хозяйственных факторов, не позволяют рассматривать их отдельно друг от друга*).

Если бы Чаянов был прав, тогда вообще нельзя было бы ставить вопроса о характере связи между сельским хозяйством и промыслами крестьянской семьи. Но он не прав. Даже в организмах, органы которых не могут существовать одни без других, и связ между которыми гораздо теснее, чем между хозяйством крестьянского двора и его промысловыми заработками, возможно и нужно изучение не только целого, но и частей. Хороша была бы физиология, если бы она ограничивалась изучением функций только всего организма в целом, и отказывалась бы изучать функции отдельных органов. Точно также и политическая экономия должна изучать не только крестьянское хозяйство в целом, но и отдельные отрасли его.

Поэтому, у нас нет и не может быть оснований отказываться от изучения вопроса поставленного гг. Выхляевым и Сухановым.

---

*) Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft, стр 54.

Нужно найти только правильный критерий для его решения. А. Н. Челинцев видит его в высоте оплаты труда крестьянина в сельском хозяйстве и промыслах.

В своей разработке бюджетов крестьян Тамбовской губ. А. Н Челинцев приводит след. данные о высоте оплаты одного дня труда (в переводе на мужской труд) в сельском хозяйстве и промыслах (в копейках) *):

	северн. полоса	средн полоса	южная полоса
в сельском хозяйстве .	131,9	218,6	148,1
в промыслах .	79,8	98,5	87,1

Данные о расходе рабочих дней по отдельным хозяйствам А. Н. Челинцевым не опубликованы, поэтому проверить правильность приведенного рассчета мы не можем. Мы боимся только, что в основу рассчета оплаты рабочего дня в сельском хозяйстве крестьянского двора им положен не чистый доход от сельского хозяйства, а его валовой доход, за вычетом стоимости продуктов своего земледелия, скормленных скоту. Основываясь на данных проф. Челинцева о числе рабочих дней в сельском хозяйстве и промыслах, расходуемых на десятину землепользования**), и положив в основу рассчета чистый доход от сельского хозяйства и промыслов, мы получили след. оплату 1 рабочего дня.

	северн полоса	средн. полоса	южная полоса
в сельском хозяйстве	99,9	147,9	184,2
в промыслах	95,9	124,7	162,5

Следовательно, и по нашему рассчету труд в сельском хозяйстве Тамбовской губ. оплачивается выше, чем в промыслах, хотя разница в оплате и не так велика, как полученная проф. Челинцевым. «Невозможность прожить от «своей земли», умозаключает отсюда А. Н. Челинцев, вынуждает крестьянское хозяйство с все более мелкой площадью к погружению своих сил в промыслы, несмотря на то, что они дают гораздо более скудную оплату одного дня. Их важность для крестьянского хозяйства определяется таким образом не высотой оплаты дня, а количеством оплаченных дней. И эта важность промыслов, как видим, повсюду тем выше, чем мельче хозяйство... Вот цифры оплаты одного дня в промыслах, сравнительно с сельским хозяйством по группам хозяйств с разной площадью:

---

*) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства.. Тамбовской губ., стр. 160.

**) Опыт, стр. 161.

	северная полоса		средняя полоса		южная полоса	
	пром	с-х	пром	с.-х	пром	с.-х.
До 5 дес.	101,0	105,4	78,7	227,4	—	—
„ 8 дес.	86,7	114,8	97,3	174,5	59,0	139,2
„ 11,5 дес.	67,1	122,8	103,0	205,0	79,2	133,8
„ 18 дес.	66,3	188,9	101,5	189,7	124,8	138,4
более 18 дес	—	—	183,6	380,6	144,9	172,0
среднее	79,8	131,9	98,5	218,6	87,1	148,1

«Самые малоземельные хозяйства в нечерноземной полосе, наиболее отрывающие свой труд от сельского хозяйства, имеют, повидимому, такие виды промыслов и участия в них, которые обращают хозяев в профессионалов работников, успевающих поднять оплату труда до уровня оплаты его в теперешнем их сельском хозяйстве» *). Общий вывод проф. Челинцева след.: «Усиленное предложение рабочих рук из крестьянского хозяйства при нисшей расценке труда указывает на то, что оно является по общему правилу вынужденным, в результате именно невозможности получить нужные для существования средства от практикуемого использования наличной площади хозяйств и, таким образом. использовать труд семьи в своем именно сельском хозяйстве. Что продажа труда из крестьянского хозяйства на сторону совершается обычно не потому, что она дает выгодную оплату труда крестьянской семьи, можно видеть из определения фактической оплаты дня работы в своем сельском хозяйстве и в промыслах. Как правило, оплата труда в своем сельском хозяйстве выше, чем в промыслах» **).

Вывод А Н Челинцева мы можем проверить на некоторых других бюджетных данных о сравнительной оплате рабочего дня в сельском хозяйстве и промыслах, которыми мы располагаем. Мы имеем в виду прежде всего данные Вологодского и Кадниковского уу. По этим данным, оплата дня работы в сельском хозяйстве и промыслах равнялась:

	Волог у		Кадников у	
	с-х	пром.	с-х	пром
сеющ. до 1,0 дес . .	33	36	43	51
„ 1,1 „ 2,0 „ . . .	57	67	54	56
„ 2,1 „ 3,0 „ . .	49	58	61	59
„ 3,1 „ 4,0 „ . . .	55	60	57	67
„ 4,1 „ 6,0 „ . .	52	88	67	67
„ более 6,0 „ . . .	69	93	63	57
„ всего	53	59	60	59

Вывод получается совершенно неожиданный. по обоим уездам Вологодской губ труд крестьянина в промыслах оплачивается столь же хорошо или лучше, чем в сельском хозяйстве. Е. В.

*) Там же, стр. 161 — 2.

**) Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, стр. 71.

Пашковский в тексте к Кадниковским бюджетам пытается объяснить этот результат след. образом: «Оплата труда в земледельческом хозяйстве по приведенным данным почти не отличается от оплаты при промысловых внеземледельческих занятиях. Такое соотношение едва ли можно признать нормальным, если принять в рассчет, что в составлении дохода по хозяйству земледельческому, кроме личного труда, участвуют значительные капиталы хозяйства (в земле, постройках, скоте, инвентаре), тогда как промысловый доход в подавляющей своей части является оплатой одного личного труда. . Такая ненормальность находит себе об'яснение в том, что принятый к учету в бюджете год (апрель 1909 — апрель 1910 г) по многим признакам является годом недорода»).

В Кадниковском у. в 1909 г., может быть, и был неурожай Но не мог же он быть в год исследования и в Вологодском у Кроме того Е. В.Пашковский не принимает во внимание растяжимости и сжимаемости хозяйственных расходов в крестьянском дворе, в зависимости от хозяйственных результатов года. Суть дела в том, что в приведенных цифрах по обоим уездам мы имеем дело не с чистым доходом, а с валовым приходом по хозяйству, за вычетом хозяйственных расходов. А это две величины совершенно разные, что, повидимому, Е. В. Пашковским не осознано В хозяйствах, увеличивших в течение года свои капиталы, указанная разность будет ниже чистого дохода хозяйства; напротив, в хозяйствах, растративших часть своего имущества, она будет выше. Вообще, этим способом учета совершенно не улавливается движение капиталов хозяйства, их накопление или убыль. Возможно, что полученный результат, — более высокая оплата труда в промыслах, чем в сельском хозяйстве, — обуславливается именно этими неправильностями учета оплаты рабочего дня в сельском хозяйстве Но возможно и другое, — что в Вологодской губ с ее суглинками и подзолами, в противоположность черноземной Тамбовской губ., труд крестьянина в сельском хозяйстве менее производителен, чем в промысловых занятиях. Если мы внесем все необходимыя поправки в способ учета чистого дохода от сельского хозяйства, то по Вологодскому у. мы получим след высоту оплаты рабочего дня (в копейках):

	с-х	пром.
сеющ до 1,0 дес	31,0	37,4
„ 1,1—2,0 „	48,8	69,6
„ 2,1—3,0 „ . . .	48,8	72,5
„ 3,1—4,0 „	46,8	49,1
„ 4,1—6,0 „	75,2	47,9
„ более 6,0 „ . . .	99,5	58,6
„ всего дес.	51,4	60,4

*) Материалы для оценки земель Вологодской губ, т. V, Кадниковский у. вып. II, стр. 197.

В пользу этого последнего предположения говорят и данные А. В. Пешехонова по Козельскому у., согласно которым оплата дня равнялась в хозяйствах (в копейках):

	мелких	средних	крупных	вообще
в сельском хозяйстве . . .	37	32	30	32
в промыслах	39	48	54	47

Как мы уже указывали, учет производительности рабочего дня в сельском хозяйстве произведен А. В. Пешехоновым неправильно; напротив, учет производительности в промыслах сделан правильно, и очень вероятен вывод А. В. Пешехонова, что «затрата силы в промыслах для крестьянских хозяйств выгоднее, чем в собственном хозяйстве» *).

Вполне возможно, что в промышленных и прилегающих к ним губерниях оплата дня работы в промыслах выше, чем в сельском хозяйстве и тем не менее, и в этих губерниях сельское хозяйство остается основным занятием населения, ибо оно является главным источником средств его существования, и самая высота оплаты промыслового труда зависит от размеров сельского хозяйства двора. Если таково положение в нечерноземных губ, то в черноземных губ оно и подавно является материальною основою существования крестьян. Это доминирующее положение сельского хозяйства сказывается прежде всего в влиянии сельскохозяйственных моментов на размеры и высоту промысловых заработков.

Хотя в наших бюджетных исследованиях промысловым заработкам было уделено мало внимания, тем не менее, кое-какие зависимости их от сельского хозяйства крестьянского двора были установлены. На размер занятий промыслами прежде всего влияет семья, — прямая зависимость, и размер хозяйства, — обратная зависимость. Как говорит А. И. Хрящева на основании данных подворной переписи 1910 г. по Новосильскому у., Тульской губ., «чем больше показатель группы по семье, тем интенсивнее промысловость. Размер семьи, следовательно влияет на распространенность промыслов положительно, — прямая зависимость, а размер запашки отрицательно, — обратная зависимость. Чем больше семья при каждом данном размере посева, тем больший % мужчин в рабочем возрасте отвлекается в промыслы» **) К аналогичным выводам пришел А. Н. Челинцев по Тамбовской губ. ***) По его мнению, «при одних и тех же внехозяйственных условиях

*) Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях. Русское богатство, 1898, VIII, стр. 189, 191.

**) Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства, Новосильский у. Тула 1914, стр 47, 52.

***) Опыт изучения организации кретсьянского сельского хозяйства... Тамбовской губ., стр. 157 — 9, 259.

отвлечение сил крестьянского хозяйства от промыслов тем выше, чем площадь хозяйства меньше и чем больше в семье членов... Так как в малоземельных районах доля хозяйств с меньшей площадью выше, то в результате такие районы имеют больший процент крестьянских хозяйств с промыслами» *). От тех же моментов зависит и состав промышленников По наблюдениям А. И. Хрящевой, « чем богаче группы хозяйств посевами и чем больше семья, тем меньше здесь применяется в промыслах труд женщин и детей»**). На высоту промысловых заработков, напротив, размеры землевладения и землепользования влияют положительным образом. «Чем больше показатели группы по семье, посеву и землевладению, говорит А И Хрящева, тем крупнее средний годовой заработок на 1 хозяйство и на 1 работника.. Там, где хозяйственная деятельность строится в более крупном масштабе, там и заработок выше. Это понятно потому, что здесь лица, занимающиеся промыслами, могут искать лучше оплачиваемого труда; лица же, гонимые в промыслы нуждой, при малых рессурсах хозяйствования на своей земле, не имеют возможности выбирать и скорее удовлетворяются низкой оплатой труда. С другой стороны количество рабочих сил у малоземельных и малопосевных хозяйств гораздо меньше и это обусловило отчасти средний уровень заработка на 1 хозяйство Таким образом, между промысловостью и земельным обеспечением хозяйства существует очень сложная связь: наличность крупной земельной площади в хозяйстве ставит его в более благоприятные условия в промысле, чем условия малоземельных дворов. И если распространенность промыслов находится в обратной зависимости от размера землевладения и посева, то валовой доход от промыслов находится в прямой зависимости от размера землевладения и посева»***). И далее: «В группах крупнопосевщиков преобладают профессии лучше оплачиваемые, а нищие и прислуга преобладают в группах беспосевных и мелкопосевных.. Число наемных рабочих уменьшается с увеличением размера хозяйства и семьи .. Из них сельскохозяйственные рабочие преобладают в мелкопосевных, малоземельных и мелкосемейных хозяйствах; рабочие промышленности, транспорта и торговли — наоборот — преобладают в группах крупнопосевщиков, многоземельных и крупносемейных хозяйств»****).

Попробуем проверить и уточнить эти выводы на основании имеющегося в нашем распоряжении материала по Вологодскому у.

---

*) Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, стр. 68, 70.

**) Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства, стр. 56, также стр. 52.

***) Там же, стр. 66.

****) Там же, стр. 153.

Изучая напряженность и производительность труда в сельском хозяйстве (см. предшествующую главу), мы нашли след. меру их зависимости от основных элементов сельского хозяйства крестьянского двора:

	рабочих дней на 1 хоз	производительность раб дня	производительность хозяйства
землевладение	0,26	0,51	0,66
землепользование	0,37	0,49	0,65
посев	0,57	0,27	0,65
хозяйств. имущество	0,39	0,41	0,60
всего скота	0,60	0,26	0,64
работники	0,26	0,19	0,38
едоки	0,29	0,19	0,37
едоки-работники	0,05	—0,01	±0,04

Изучая по подобной же программе напряженность и производительность труда в промысловых заработках, мы получаем след. таблицу коэффициентов корреляции:

	рабочих дней на 1 хоз	производительность раб дня	производительность хозяйства
землевладение	—0,05	0,03	—0,02
землепользование	±0,01	0,01	±0,01
посев	±0,08	±0,05	0,12
хозяйств. имущество	—0,11	0,12	0,17
всего скота	—0,15	0,08	—0,03
работники	0,37	±0,06	0,36
едоки	0,38	±0,07	0,43
едоки-работники	—0,02	0,08	±0,01

Первый и основной вывод, к которому приводит сравнение двух коррелятивных таблиц, состоит в том, что размеры землевладения и величина хозяйственного имущества крестьянского двора оказывают на промысловые заработки гораздо меньшее влияние, чем на доход от сельского хозяйства. Зато размер семьи, — число в ней работников и душ — оказывает на занятие промыслами и, следовательно, доход от них, — но не на производительность рабочего дня, затраченного на промыслы, — более крупное влияние, чем на число дней, затраченных на сельское хозяйство, и доход от сельского хозяйства. Если размеры и результаты сельскохозяйственной деятельности крестьянского двора определяются главным образом величиною его землевладения и капиталовладения, то размеры и результаты промысловых заработков зависят прежде всего от величины семьи, числа в ней душ и работников. Выводы А. И. Хрящевой и А. Н. Челинцева, таким образом, вполне подтверждаются нашими данными.

На число рабочих дней, отдаваемых промыслам, размер собственного хозяйства крестьянского двора оказывает отрицатель-

ное влияние, на оплату рабочего дня и общую высоту заработка от промыслов — положительное. И в данном случае мы находим подтверждение выводов А. И. Хрящевой. Только влияние это по своим размерам гораздо менее значительно, чем влияние этих имущественных моментов крестьянского двора на его сельскохозяйственную деятельность. Характерно, что в то время, как размер семьи оказывает значительное влияние на размер занятия промыслами и доход от промыслов, на производительность одного промыслового дня величина семьи не оказывает никакого влияния или лишь неопределенное, тогда как положительное влияние хозяйственного имущества двора на производительность промыслового труда совершенно несомненно Рост нагрузки работиков едоками влияет почему-то отрицательно на число рабочих дней, отдаваемых промыслам, положительно — на производительность одного дня и неопределенно — на общую высоту промысловых заработков Повидимому, мы имеем здесь скрытое влияние имущественной обеспеченности семьи, так как большая семья наблюдается только в зажиточных дворах.

Вот те немногие выводы, которые мы могли извлечь из нашего материала. Очень жаль, что этому важному вопросу в наших бюджетных исследованиях было уделено так мало внимания.

ГЛАВА VI.

ДИНАМИКА КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

До самого последнего времени мы располагали поразительно скудным запасом сведений об эволюции крестьянского хозяйства Главным источником их являлись подворные переписи, рисующие нам состояние этого хозяйства в определенный момент времени. Очевидно, самое детальное знание его статики не позволяет делать самомалейших умозаключений о его динамике

Поэтому, все споры, ведшиеся в разных ученых обществах и русской экономической литературе о тенденциях развития русского крестьянского хозяйства велись в значительной мере в пустую, будучи лишены необходимого индуктивного материала для обоснования тех или иных построеный. Так напр. во второй половине 1890-х г г, во время ставших историческими споров марксистов с народниками, марксисты, не имея статистических данных о динамике крестьянского хозяйства, постоянно пользовались данными о его статике, смешивая два понятия: дифференцированное состояние крестьянского хозяйства и процесс его дифференциации На этом смешении построена известная работа В. Ильина (Ленина)*), в которой автор, приводя данные об экономической неоднородности крестьянской массы, строил на основании этих данных умозаключения о процессе расчленения ее на различные классы, о разложении трудового крестьянского хозяйства и его «раскрестьянивании», о сосредоточении средств производства в руках зажиточного крестьянства, о «вымывании» средних групп и т. д**).

В настоящее время, благодаря т. наз. «динамическим» переписям, введенным в земско-статистическую практику Н Н Черненковым, мы располагаем индуктивными статистическими сведениями об эволюции крестьянского хозяйства. Я имею в виду те повторные подворные переписи, в которых земские статистики прослеживают те процессы и изменения, которые имели место в

*) Развитие капитализма в России, 1899.

**) Развитие капитализма в России, стр. 115. 122, 123.

индивидуальных крестьянских хозяйствах в течение того времени, которое отделяет одну перепись от другой Как мы уже сказали, судить о динамических процессах в крестянском хозяйстве на основании одной переписи совершенно невозможно. Но и обычные повторные переписи в этом отношении дают очень мало Как говорит Н Н. Черненков, явления деревенской жизни недостаточно и односторонне обрисовываются «даже сравнением двух переписей, если такое сравнение делается в виде простого сопоставления их конечных итогов: подобные сопоставления дают возможность уловить не самые процессы в их действительных размерах и в их настоящем значении, а только окончательные результаты нередко совершенно противоположных течений и притом только в том случае, если одно из этих течений имело известный перевес над другими, в противном же случае получается более или менее полная неизменность положения, на самом деле могущая покрывать собою богатую содержанием и весьма сложную картину крупных и разнообразных изменений местного, группового и даже, — если можно так выразиться, — «молекулярного» характера»*). Чтобы разобраться в вопросах динамики крестьянского хозяйства, необходимо знанье именно этих молекулярных изменений в его строении, т е. хозяйственно-морфологических процессов в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Этим определяется задание динамических переписей.

Как правильно устанавливает Н Н. Черненков, изучение процессов, происходящих в сфере крестьянского хозяйства, «может быть достигнуто лишь путем регистрации перемен, имеющих место в отдельных хозяйственных единицах или дворах (хотя бы за короткий промежуток времени и в пределах ограниченного круга явлений) т е. путем такой их регистрации, которая давала бы полную возможность сравнивать между собою известный ряд данных по каждому двору за два момента (исходный и конечный)»**).

Первая динамическая перепись была произведена Н. Н. Черненковым в 1897 г. в 6 волостях Петровского у., Саратовской губ Она связала данные переписи 1894 г. с переписью 1897 г. и проследила историю 7019 хозяйств. Результаты ее опубликованы Н Н Черненковым в его очерках «К характеристике крестьянского хозяйства», печатавшихся в «Саратовской земской недели», затем вышедших первым изданием в 1900 г. (Саратов) и вторым — в 1918 г. (Москва). След. перепись была произведена в 1900 г Смоленским губ. статистическим бюро в Вяземском у., связала данные переписей 1884-1900 г. г. и охватила 12.520 хозяйств; результаты ее в чрезвычайно кратком виде опубликованы П. П. Ру-

*) К характеристике крестьянского хозяйства, изд. 2-е, 1918, стр. 3.
**) Там же, стр. 1.

мянцевым в статье «К вопросу об эволюции русского хозяйства», помещенной в сборнике «Очерки реалистического мировоззрения», 1904 г. Третья динамическая перепись была произведена Г А. Кущенко в 1911 г. в Суражском у Черниговской губ., связала данные 1911 г. с переписью 1882 г. и захватила всего 1477 хозяйств, ее результаты опубликованы Г. А Кущенко в книге «Крестьянское хозяйство в Суражском у. Черниговской губ. по двум переписям 1882 и 1911 г.г.», Чернигов 1916. Четвертая перепись этого рода произведена Тульским губ. статистическим бюро в 1911 г, связала данные этой переписи с переписью 1899 г. и проследила эволюцию 18.106 хозяйств Ее данные разработаны А И. Хрящевой и опубликованы в 2 томах под заглавием «Крестьянское хозяйство по переписям 1899-1911 г г., Епифанский у., ч I и II», Тула 1916 г Наконец, мы могли воспользоваться также некоторыми данными подворной переписи 1910 г в Московской губ, охватившей части уездов Волоколамского, Можайского и Рузского, и связавшей данные 1910 г с данными переписи 1898-9 г.г Материал этой переписи обработан П А Вихляевым в его работе «Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства», 9 выпусков 1912-15 г.г.; интересующему нас вопросу посвящена одна глава IX выпуска, носящая название «Семейные разделы и эмиграция сельского населения» и заключающая в себе 7 страниц

Эти динамические переписи дали нам в высшей степени ценные сведения о характере морфологических процессов в до-революционном русском крестьянском хозяйстве. Подкрепив эти сведения некоторыми данными бюджетных исследований, мы можем получить индуктивно-обоснованные выводы по основным вопросам динамики крестьянского хозяйства.

Попытаемся прежде всего установить, с какими хозяйственно-морфологическими процессами в крестьянском хозяйстве нам предстоит иметь дело. В Петровском у. Саратовской губ. Н. Н Черненков установил существование след. форм этих процессов:

1. Распада или «обмирания» отдельных семей-хозяйств, — путем вымирания отдельных членов, гл. обр. работников, и перехода остальных членов в другие семьи.

2 Выселения, ухода отдельных семей на сторону, — в большие города, на фабрики, в Сибирь и т. д

3. Вселения в земледельческую местность живших на стороне семей.

4 Раздела семей-хозяйств на две или более семьи-хозяйства.

5. Нормального развития семей, не подвергавшихся разделам (или соединениям).

П. П. Румянцев по Вяземскому у. игнорирует процессы возвращения живших на стороне семей и ухода других семей на сто-

рону, и присоединяет к указанным Н Н. Черненковым процессам еще один, —

6. Соединения нескольких семей в одну семью-хозяйство.

Г. А. Кущенко в Суражском у. соединяет в одну группу семьи, которые «вымерли, соединились с другими хозяйствами и вообще прекратили существование в качестве самостоятельных хозяйственных единиц»,—имея очевидно в виду прием отдельных членов вымирающих семей в другие жизнеспособные семьи. Соединившихся семей в его материале, состоявшем только из 1447 дворов, повидимому, не было. Не было и возвратившихся в деревню семей, т к. Г. А. Кущенко изучал только семьи, уже ведшие хозяйство в Суражском у. в 1882 г, или произошедшие от них путем раздела.

Наконец, А. И. Хрящева по Епифанскому у пытается установить существование процесса образования новых семей-хозяйств, след. образом характеризуя эти хозяйства «Категория вновь образовавшихся хозяйств представляет собою, по крайней мере, отчасти, те хозяйства, кои выписались из старой общины и перешли в другие, приписавшись там Поэтому они составляют, по всей вероятности, часть хозяйств, ликвидировавшихся с точки зрения места приписки»*).

Мы явно имеем тут дело со смешением хозяйственно-морфологических процессов в крестьянских хозяйствах с такими административно-правовыми моментами, как приписка к той или другой общине. С экономической точки зрения, эти хозяйства должны быть отнесены в категорию нормально развивавшихся хозяйств, не подвергавшихся ни разделам, ни соединениям. Вообще, А И. Хрящевой в ее работе не удалось выдержать ту строгую хозяйственно-морфологическую точку зрения, которую установил Н Н. Черненков и которой следовали П. П. Румянцев и Г. А Кущенко.

Так, к числу распавшихся или «ликвидировавшихся» хозяйств, как видно из приведенной выше цитаты А. И. Хрящева относила и выписавшиеся с места приписки семьи Сюда относились не только вымершие семьи, но и выписавшиеся из общины, т. е. 1) хозяйства, представители которых выписались из крестьян вследствие приписки к другим сословиям (мещан, купцов) и 2) хозяйства крестьян, которые выписались из данной общины, причем выписка сопровождалась ликвидацией имущества**). Очевидно, с хозяйственно-морфологической точки зрения первая группа должна быть отнесена к числу выселившихся, вторая — частью к числу выселившихся, частью же, поскольку эти семьи поселились в пределах Епифанского у., — к числу нормально развивающихся. Сама

*) Крестьянское хозяйство по переписям 1899 — 1911 г.г. Епифанский у., ч. II, стр. 122 — 3.

**) Там же, стр. 109.

А. И. Хрящева замечает о яко бы «ликвидировавшихся» многоземельных, многолошадных и большесемейных хозяйствах «Тогда как безземельные и малоземельные хозяйства в большинстве вымирают, многоземельные переходят в другие условия жизни, выписываясь из деревни. Собственно ликвидация многоземельных дворов аналогична выселению многоземельных .., разница только в том, что выселяющиеся еще не выписались окончательно из крестьян данной деревни, а ликвидировавшиеся порвали всякую связь с деревней, в том числе и юридическую». Но юридический момент приписки не может же влиять на хозяйственно-морфологическую природу явления. О многолошадных хозяйствах А. И. Хрящева говорит «сущность ликвидации такого рода хозяйств, как мы уже указывали раньше, носит другой характер, чем ликвидация безлюшадных. Это не смерть хозяйства, как производительной единицы, а лишь перенесение его деятельности в другую плоскость». Так как же можно подобное переселение хозяйства называть его ликвидацией? «Те немногие хозяйства, которые имели крупные семьи и соответствующий им рабочий состав, прекратили свое существование не путем вымирания, а путем выписки из деревни, переходя в городские сословия, в ремесло и торговлю»*). Хороша ликвидация!

С другой стороны, А И. Хрящева не включила в число ликвидировавшихся семей те обломки-семьи, которые присоединились, перешли и были приняты в другие семьи Все подобные случаи распада самостоятельной семьи-хозяйства, ее поглощения другой более мощной семьей-хозяйством, отнесены А И. Хрящевой к числу соединившихся семей. Сама А. И. Хрящева прекрасно сознает полную разнородность образованной ею группы соединившихся хозяйств По ее словам, «категория соединившихся состоит из трех групп хозяйств: 1) группа хозяйств, нуждающихся в соединении в силу своего состояния ненормальности соотношения элементов — малой семьи, недостатка или отсутствия рабочей силы при наличности земли и инвентаря и т. п.; 2) группа хозяйств, сама по себе не нуждающаяся в соединениях с первой группой хозяйств, но от присоединения этих последних не только ничего не теряющая, но выигрывающая, наконец, третья группа хозяйств, нуждающаяся в соединении, но поставленная в необходимость соединиться с такого же типа хозяйствами, как они сами, в надежде, что это соединение даст в результате более выгодную хозяйственную ситуацию»**).

Очевидно, только последняя группа хозяйств переживает хозяйственно-морфологический процесс соединения. Что касается первой группы, то она принадлежит к вымирающим семьям-хозяйствам, вторая группа — к нормально развивающимся.

*) Там же, стр. 110, 111, 117.

**) Там же, стр. 85.

Неправильно также включение в категорию выселившихся тех семей, которые перешли с надельной земли на купчую. Как говорит г-жа Хрящева, «выселение из многопосевных групп является целиком выселением на свои купчия земли и связано с перенесением сельскохозяйственной деятельности в другие условия»[*]). Какое же это выселение, если крестьянин перенес свой двор с надельной земли на купленный им участок соседней частновладельческой земли?

Итак, динамические исследования крестьянского хозяйства привели к установлению след. шести хозяйственно-морфологических процессов в крестьянских хозяйствах: нормального развития, раздела, соединения, выселения, вселения и распада.

Об относительном значении этих процессов в жизни деревни мы можем судит по % хозяйств, им подвергшихся (все группы — в % от всего числа хозяйств во время первой переписи, вселившиеся — в % к числу хозяйств во время второй переписи).

	норм. развитие	Разделивш.	соединивш.	Выселивш.	вселивш	распавш
Петровск у за 3 года	88,4	6,6	—	2,5	1,5	2,5
Московская губ за 11 лет	70,0	18,1	—	6,5	2,0	4,6
Епифанский у. за 12 л. .	65,0	22,6	1,8	6,3	2,7	4,3
Вяземский у. за 16 л	71,5	21,4	1,6	—	—	5,5
Суражский у за 29 л . .	46,7	26,3	—	18,1	—	8,9

С течением времени, число хозяйств разделившихся, выселившихся и распавшихся все более растет, число развивавшихся нормально — все более сокращается.

Корни этих процессов мы должны искать в строении крестьянских хозяйств, им подпавших. Если одно хозяйство разделилось, другое — выселилось, третье — распалось. то причина той или иной судьбы каждого хозяйства лежит прежде всего в нем самом, а затем уже — в окружающей обстановке

По Петровскому у. Н Н. Черненков дает след. характеристику строения семей в связи с их дальнейшею судьбой:

	распавш	выселивш.	норм разв.	разделивш.
душ в семье . . .	2,73	4,59	5,69	9,06
% мужч. работников	20,8	27,0	23,8	25,3
женщин на 100 мужчин. .	132,5	98,8	104,2	96,4

В Суражском у. на среднюю семью этих четырех категорий приходилось:

*) Там же, стр. 187.

	распавш.	выселивш.	норм. разв.	разделивш
душ в семье . . .	4,42	5,83	5,90	7,85
работников (в переводе)	2,33	2,97	2,97	3,98
женщин на 100 мужчин	131,3	106,3	106,4	86,0
земли во владении (дес)	6,52	10,40	10,76	15,33
пашни (дес)	3,21	5,28	5,67	8,06
всего скота (в переводе)	2,75	3,67	4,34	6,08

Аналогичные данные мы имеем и по Епифанскому у..

	распавш.	выселивш	норм. разв	разделивш.
душ в семье . . .	2,78	4,41	5,93	9,71
работников (в перев)	1,90	2,61	3,31	5,54
% мужчин работников	25,4	25,0	23,9	25,5
едоки/работники . .	1,14	1,23	1,27	1,26
дес. посева	1,41	2,29	3,95	6,61
рабоч. лошадей	0,27	0,39	0,88	1,52

По Московской губ мы имеем только данные о размере семьи:

	распавш	норм разв.	разделивш.
душ в семье	2,20	5,71	9,33

Распавшиеся впоследствии семьи-хозяйства характеризуются 1) малым размером, 2) чрезвычайно высоким % женщин, 3) малым количеством земли и посева и 4) малым количеством скота «Обмирают», как говорят саратовцы, или «стираются», по выражению суражцев, главным образом маломощные семьи. Для этих семей характерно преобладание в них женщин В Новосильском у. Тульской губ А. И. Хрящева заметила, что «численное соотношение женщин и мужчин изменяется по группам очень характерно: чем беднее хозяйство землею во владении и посевом и чем меньше размеры семьи, тем больше приходится женщин на 100 мужчин. Женщины преобладают в семьях, где число членов не превышает 5 человек, где площадь землевладения меньше 7 дес. на 1 двор и где площадь посева не провышает 4 дес. на хозяйство»*) Дворы подобного демографического состава не обладают жизнеспособностью и терпят поражение в борьбе за существование.

На другом полюсе деревенской жизни стоят зажиточные семьи с малым числом женщин, — эти семьи обладают избытком жизненных сил и выделяют из себя новые семьи, делятся и размножаются Конечно, после каждого раздела на каждую вновь обра-

*) А. И. Хрящева, Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства. Новосильский у Тула 1914, стр. 22.

зовавшуюся семью приходится меньше земли, хозяйственного имущества и работников, чем на семью-мать Если мы возьмем те семьи Суражского и Епифанского уу., которые разделились в период между двумя переписями, то найдем, что в их земельном обеспечении, при расчете на семью, произошло значительное ухудшение. Так на двор приходилось дес. пашни в Суражском у и дес посева в Епифанском у.:

	Епифан. у. (12 лет)		Сураж. у. (29 лет)	
	деливш.	неделивш	деливш.	неделивш
1-ая перепись . .	6,61	3,95	8,06	5,67
2-ая перепись . .	3,76	4,58	5,20	6,65

Напротив, у неделившихся дворов наблюдается некоторое увеличение земельного обеспечения. Но если мы откажемся от расчета на дворы, в данном случае нас только путающего, и посмотрим на прирост хозяйственной мощности обеих групп в целом-делившихся и неделившихся, то по Суражскому у , в котором вторая перепись была произведена через 29 лет после первой, мы получим след. данные (в %):

	неделивш.	разделивш.
прирост земли во владении . .	19	53
„ всего скота	14	68
„ работников (в переводе) . . .	22	90

Совсем другую картину мы получаем в Епифанском у., в котором между обеими переписями прошло только 12 лет

	неделивш.	разделивш.
прирост посевной площади . .	16	12
„ рабочего скота . . .	17	2
„ работников (в переводе) .	13	7

Очевидно, в первое время после разделов, рост хозяйства приостанавливается и идет медленнее, чем у неделивших хозяйств, но затем опять приобретает старую силу и идет гораздо быстрее, чем у неделившихся. Вообще хозяйства, которые идут к разделу, являются наиболее мощными, с наибольшей силой накопления хозяйственного имущества. Они обнаруживают наибольший хозяйственный рост. И рост этот приводит их к размножению путем деления или отпочкования. По Епифанскому у А. И Хрящева пришла к выводу, что «высшие группы получаются только в результате под'ема хозяйств неделившихся. Нисшие группы образуются главным образом в результате действия разделов и только отчасти, как результат экономического упадка неделившихся хозяйств»*).

*) Епифанский у., ч II, стр 227.

Материалы по Суражскому у. показывают, что высшие группы получаются, после соответствующего промежутка времени, и из хозяйств разделившихся, — быть может даже в большем числе, чем из хозяйств неделившихся.

Неделившиеся семьи занимают среднее положение в деревне и обнаруживают слабую способность хозяйственного роста В борьбе за существование у них хватает сил, чтобы отстоять свое право на жизнь, и только. При этом слабейшим из них приходится уйти с родины, переселиться на новые места. Как мы видели выше, строение хозяйства выселившихся семей почти тождественно со строением семей неделившихся, они только немного их беднее, особенно скотом. И вот эти жизнеспособные, но слабые семьи вытесняются с родины в борьбе за существование семьями более мощными, стремящимися размножиться и занять их места, бегут с родины в Сибирь, чтобы сохранить свое семейное единство и хозяйственную самостоятельность Таким образом переселения вызываются не кризисом существующей в той или иной местности системы хозяйства и полеводства, не бегством от культуры, как думал А А. Кауфман, от перехода к более совершенным формам хозяйства*), а определенными особенностями хозяйства переселяющихся крестян, его относительною слабостью Им трудно на родине выдерживать конкурренцию мощных, быстро развивающих свое хозяйство семей и они бегут на новые места, в надежде найти более легкие условия существования

Эта характеристика различных групп крестьянских семей-хозяйств подтверждается данными и об их распределении по размерам землепользования. В Вяземском у. крестьянские хозяйства, в зависимости от площади посева на двор, претерпели след изменения (в %)

	распались	норм развивались	разделились
без посева	26,95	65,78	4,27
с посевом до 3 дес. . . .	4,09	82,02	11,88
„ „ 3—9 „	1,09	70,93	26,71
„ „ более 9 дес .	0,18	40,47	59,17

Почти аналогичные данные мы имеем и по Суражскому у. при группировке по количеству пахотной земли на двор

	распались	выселились	норм. развивались	разделил
до 3 дес . . .	32,5	19,4	41,9	6,2
3—6 „ . .	10,4	22,2	52,0	15,4
6—9 „ .	4,2	19,9	49,8	26,1
9—12 „ . .	3,5	15,6	45,8	35,1
свыше 12 дес. . . .	1,7	7,1	33,6	57,6

*) А. Кауфман «Переселение и колонизация», 1905, стр. 180, 194 — 5, 348.

Между обеими табличками есть, конечно, известная разница. Она, во первых, об'ясняется разницею хозяйственной обстановки в чисто земледельческом Суражском у. и промышленном Вяземском у; во вторых тем, что в одном уезде повторная перепись была произведена через 16 лет, во втором—через 29 лет. Главное различие состоит в том, что в Суражском у. большое место занимает группа выселившихся из уезда, которых нет в Вяземском у Зато сходство в основных чертах между этими двумя таблицами прямо таки полное. Вымирали семьи, по преимуществу маломощные, делились семьи-крепкие, зажиточные; выселившиеся и неделившиеся семьи занимают среднее, промежуточное положение.

Несколько иную картину рисует нам А. И Хрящева по Епифанскому у:

	распавш.	выселивш.	норм. развив	разделивш
без пашни	37,7	18,7	37,9	4,0
с пашн. до 3 дес	7,1	10,8	73,3	5,9
„ „ 3—6 „	1,5	4,0	67,9	25,4
„ „ 6—9 „	0,7	1,7	51,6	45,0
„ „ 9--15 „	0,6	0,9	41,1	56,0
„ „ св 15 „	1,9	5,1	27,4	63,1

В основном, эта картина аналогична данным по Суражскому и Вяземскому уу. Но есть и разница в последней группе, с количеством пашни более 15 дес на двор, % распавшихся и выселившихся не падает, а растет.

Эти уклонения, несомненно, находятся в связи с тем смешением хозяйственно-морфологических признаков с моментами административно-юридического порядка, которым страдает работа А. И. Хрящевой, и на котором мы уже останавливались выше. Так, в число распавшихся хозяйств А И. Хрящева незаконно включает те зажиточные, многосемейные хозяйства, представители которых выписались из крестьян, вследствие приписки к другим сословиям (мещан, купцов); к числу выселившихся — крестьянские хозяйства, переселившиеся по соседству на купчие земли. Допущенные г-жей Хрящевой неправильности в группировке материала обнаруживают некоторую систему, резко проявляющуюся в итоговых таблицах и в значительной мере их искажающую. Вероятно, будь первоначальная группировка произведена правильно, по хозяйственно-морфологическим признакам, мы имели бы итоги, совершенно аналогичные итогам по Вяземскому и Суражскому уу.

Такова картина молекулярных процессов в крестьянских хозяйствах, рисуемая нам динамическими исследованиями.

Она показывает нам, какая напряженная борьба за существование, — чуть не в буквальном, биологическом смысле этого слова, — идет в деревне. Одне семьи вымирают, другие размножаются, занимая их место, третьи только-только отстаивают свое право на существование, выселяясь при случае на новые места.

Из этих данных следует прежде всего, что семейный раздел вовсе не необходимый акт в жизни каждой крестьянской семьи, которому обязательно подвергаются все семьи, что разделы в крестьянском быту вовсе не так часты, как это обыкновенно думают. Процент разделившихся семей составлял:

в Петровском у за 3 года	6,6 %
в Московской губ. за 11 лет	18,1 %
в Епифанском у. за 12 лет	22,6 %
в Вяземском у. за 16 лет	21,4 %
в Суражском у. за 29 лет	26,3 %

Но 29 лет — это период жизни целого поколения Следовательно, в течение жизни одного поколения переживают разделы только 25-30% всего числа крестьянских семей-хозяйств. Объясняется это сравнительно малое число разделов тем, что делятся не все семьи, а только многодушные, многорабочие, многопосевные и многоскотные. Раздел, следовательно, представляет собою не необходимую фазу в развитии каждой семьи, а закономерное следствие определенного хозяйственного и демографического строения некоторых семей.

В этих семьях, с большим числом душ, разделы являются необходимым моментом их роста. И неправ поэтому Л Н. Литошенко, когда он говорит «каждое хозяйство остро переживает процесс семейного раздела и распыления. Раздел не есть естественная смерть старого организма, это — его болезненный распад, означающий, что хозяйство не справилось со стихийною силою размножения, что последнее идет быстрее, чем накопление богатства И после каждого раздела хозяйство с новой силой начинает накапливать свои производительные средства, в надежде, что хоть на этот раз ему удастся перерости рамки привычного бюджета и преодолеть стихийную силу измельчания»*)

По первых, неверно подразумеваемое Л. Н. Литошенко противоположение разделившихся семей неделившимся. В его словах заключается утверждение, что неделившияся семьи, в противоположность разделившимся, справились со стихийною силою размножения, что накопление богатства идет в них быстрее, чем рост семьи, и что неделившияся семьи являются наиболее зажиточной частью крестьян Все эти положения не соответствуют действительности. Как мы видели выше, не переживают разделов не зажиточные, не средние по достатку семьи.

Во вторых, хозяйственные признаки семьи-матери указаны Л. Н. Литошенко неверно Он думает, что разделы вызываются тем,

*) Л. Литошенко. Эволюция и прогресс крестьянского хозяиства Москва, 1923, стр. 37 — 38.

что рост семьи идет быстрее накопления богатства. Между тем, статистические данные свидетельствуют об обратном По первым переписям на душу населения приходилось в семьях, впоследствии:

	Епифанский у.		Суражский у.	
	посева	лошадей	земли во владении	скота в переводе
неделившихся .	0,67 дес.	0,15 шг.	1,82 дес	0,73 шт
разделившихся .	0,68 „	0,16 „	1,95 „	0,77 „

Значит, делились не от бедности, а при большей обеспеченности и землею, и хозяйственным имуществом. Неверно также и утверждение Л. Н. Литошенко, что после раздела хозяйства с новой силой начинают накоплять свое хозяйственное имущество, чтобы обогнать рост семьи. И в этом пункте статистика говорит иное. По вторым переписям на душу приходилось в семьях:

	Епифанский у.		Суражский у	
	посева	лошадей	земли во владении	скота в переводе
неделившихся	0,65 дес.	0,15 шт	1,67 дес.	0,64 шт.
разделившихся	0,63 „	0,13 „	1,49 „	0,65 „

Раздел, ослабляя хозяйство, приводит к понижению достатка и восстановление его требует десятков лет труда.

В третьих, как следует из всех приведенных выше данных, семейные разделы быстро растущих зажиточных семей никоим образом не могут быть характеризуемы, как процессы болезненного их распада. Семьи-хозяйства, подобно простейшим организмам, размножаются путем деления.

Второй вывод, уже более общего характера, имеет для нас еще большее значение Он касается чрезвычайно высокой изменчивости размеров и строения русского крестьянского хозяйства и семьи, с постоянным переходом большого числа крестьянских хозяйств из одной имущественной группы в другую. П. П. Румянцев, проанализировав эволюцию крестьянских хозяйств Вяземского у, пришел к заключению, что полученные им цифры «указывают на весьма сильную мобилизацию хозяйств между отдельными группами»*). По Суражскому у Г А Кущенко нашел, что «с течением времени между различными группами происходит очень оживленный обмен хозяйств, причем перегруппировка хозяйств идет интенсивнее в хозяйствах делившихся, но что в то же время обновление состава отдельных групп имеет своим источником не только разделы»**).

Однако, изменчивость эта не безгранична Снизу она ограничивается вымиранием более мелких хозяйств, их выселением в го-

*) Очерки реалистического мировоззрения, стр. 546

**) Крестьянское хозяйство в Суражском у., стр. 12.

рода, на фабрики или на вольные земли окраин; сверху-семейными разделами более зажиточных семей

В результате мы получаем то тяготение крестьянских хозяйств к некоторому среднему уровню, которое было подмечено уже Н Н Черненковым.

Изучение повторной переписи крестьянских хозяйств 6-ти волостей Петровского у., а также других статистических материалов по Саратовской и Орловской губ привело его к выводу, что крестьянская семья имеет тенденцию сохранять средний для данной местности и данного разряда населения размер; в отдельных группах семей происходят, конечно, перемены одне семьи мельчают и вымирают, другие, наоборот, растут, третьи дробятся путем разделов, но разделы эти стоят в прямой связи с ростом населения и величиной семьи, в результате же этих молекулярных процессов средняя величина семьи остается относительно неизменной*) По словам Н Н Черненкова, «в значительных районах и категориях крестьян установившаяся в них средняя величина семьи, повидимому, подвергается лишь крайне незначительным изменениям во времени, при наличности постоянных, крайне разнообразных крупных перемен и колебаний в составе и величине отдельных семей, их дробления, вымирания и проч »**) Причина этой устойчивости средней семьи, при которой все уклонения от этой средней носят временный преходящий характер, лежит, по мнению Н. Н. Черненкова, «в самом типе той хозяйственной единицы, с которою нам приходится в данном случае иметь дело, а именно — в двойственном ее характере, в силу которого она является, с одной стороны, хозяйственною (производственно-потребительною) единицею в собственном смысле, а с другой — семьей, т. е известною формою общежития, со специально свойственными этой форме чертами и тенденциями. Этот двойственный характер крестьянского «двора», как семьи-хозяйства, неизбежно должен налагать глубокий отпечаток на всю его жизнь и, в частности, при известных условиях, вносить в нее неустранимый разлад, приводящий к распадению или разделу этого двора»***)

Эти выводы Н. Н. Черненкова были полностью восприняты А В. Пешехоновым Изменения в массе крестьянских хозяйств, по мнению А. В Пешехонова, «имеют характер диффузии, т. е. в то время, как одни хозяйства переходят в высшие группы, другие из этих последних передвигаются в низшие Перевес того или иного из этих течений и определяет общий характер процесса»)

---

*) Н. Черненков. К характеристике крестьянского хозяйства. 1918, стр 15, 24, 32, 34, 69

**) Там же, стр. 75

***) Там же, стр. 72.

****) Из теории и практики крестьянского хозяйства. «Русское Богатство», 1902, кн. X, стр. 114

Приводя данные Н. Н. Черненкова, что делятся главным образом, крупные семьи, а распадаются или выселяются на сторону преимущественно мелкие, А. В. Пешехонов заключает, что «все эти процессы действуют в одном и том же направлении, приводят к исчезновению старых хозяйств, по своему семейному составу уклонившихся от среднего типа для данной местности, и к возникновению новых соответствующих или, по крайней мере, приближающихся к этому типу. Таким образом, процесс «обновления» крестьянских хозяйств имеет ясно выраженную общую тенденцию: при его посредстве жизнь стремится все наличные хозяйства данной местности со стороны их семейного состава привести к одному уровню, к среднему типу. Это тяготение крестьянских хозяйств к средней, а не к краям могло быть вскрыто нами вне связи с какими-либо временными или местными условиями. Оно вытекает из самой природы крестьянского двора, или, правильнее, из лежащей в основе его семьи, неустанно стремящейся к устойчивому равновесию и целостному единству»*). Закон этот не ограничивается семьей «Двор . является носителем не только семейных, но и хозяйственных функций крестьянского населения. Мы вправе поэтому ожидать, что влияние отмеченной тенденции сказывается не только в сфере семейно-бытовых, но и в области социально-экономических отношений»**) Поэтому, по мнению А. В. Пешехонова, бытовая и экономическая жизнь крестьянства обнаруживает след. тенденции развития: «В основе ея.. лежат две тенденции: с одной стороны, в каждом крестьянском дворе оказывается стремление уравновесить производительные силы и потребительные нужды входящего в его состав населения (семьи) с размерами и организацией принадлежащего ему хозяйственного предприятия; с другой, — всем крестьянским дворам свойственно тяготеть к некоторому общему и среднему для всех их семейному и хозяйственному уровню. Это, так сказать, органические свойства того строя социальных отношений, который мы называем крестьянством и который опирается на семью, об'единенную в одно неразрывное целое с хозяйством»***).

Таков основной вывод, к которому приводят динамические исследования крестьянского хозяйства. В формулировку этого вывода А. В. Пешехоновым мы должны внести только одну оговорку, которая быть может точнее выразит суть дела: крестьянские хозяйства не тяготеют к среднему типу, как некоторой оптимальной форме для каждой местности, а вариируют около некоторого среднего уровня, так как существование этого среднего уровня является результатом двух моментов: 1) постоянной изменчи-

*) Там же, кн. IX, стр. 178 — 9.
**) Там же, ка. IX, стр. 179.
***) Там же, кн. IX, стр. 193.

вости размеров крестьянских хозяйств и их постоянного перехода из одной экономической группы в другую и 2) ограничения этой изменчивости известными пределами, снизу — вымиранием и выселением, сверху — разделами, и может представлять собою величину ни с какой точки зрения не оптимальную Во всяком случае, тот материал, который дают динамические исследования крестьянского хозяйства, не позволяет приписывать этому среднему уровню каких либо положительных качевств.

Итак, размеры русского крестьянского хозяйства настолько неустойчивы, что переход по наследству от одного поколения к другому хозяйства определенной величины встречается только как исключение В большинстве случаев эти размеры меняются не только от поколения к поколению, но и в руках одного хозяина величина его хозяйства, постоянно изменяясь, то растет, то падает.

Эта особенность русского крестьянского хозяйства является фатальной для выдвинутой марксистами в конце 1890-х гг. теории расслоения крестьянства на два класса, сельский пролетариат и сельскую буржуазию.

Теория эта была формулирована Вл. Ильиным (Н. Лениным) в цитированной выше книге. Он говорит о расслоении крестьянства: «Большинство авторов, касавшихся данного вопроса, смотрит на разложение крестьянства, как на простое возникновение имущественных неравенств, как на простую «дифференциацию», как любят говорить народники .. Несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой «дифференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих» *). Общий признак обоих типов — товарный, денежный характер хозяйства. К сельской буржуазии В. Ильин относит самостоятельных хозяев, ведущих торвое земледелие во всех его разнообразных формах, затем владельцев торгово-промышленных заведений, хозяев торговых предприятий и т. п. «Численно крестьянская буржуазия составляет небольшое меньшинство всего крестьянства, — вероятно, не более одной пятой доли дворов (что соответствует приблизительно трем десятым населения)». Другой новый тип — сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом. «К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа

*) В Ильин, Развитие капитализма в России, стр. 116

крестьянских дворов (что соответствует приблизительно $^4/_{10}$ населения), т. е всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян». На долю трудового крестьянства остается, следовательно, около $^3/_{10}$ всего числа дворов и населения. Так быстро идет в русской деревне процесс вымывания средних членов и усиления крайностей, — процесс «раскрестьянивания» крестьянства. «Это разложение есть теперь уже совершившийся факт. крестьянство совершенно раскололось на противоположные группы»).

П. П. Румянцев по существу только повторил положения В Ильина Он также считает крестьянство обломком прошлого и говорит о процессе его разложения: «Крестьянство втянуто в круговорот капиталистического национального (а стало быть и мирового) хозяйства. Крестьянское хозяйство утратило присущий ему когда-то натуральный характер, — оно стало товарно денежным, а крестьянин из производителя продуктов для потребления его семьи превратился в производителя товаров Вместе с тем исчезла и существовавшая некогда в большей или меньшей степени экономическая однородность массы крестьянских хозяйств. Товарно-капиталистические отношения, вторгнувшиеся в жизнь деревни, внесли в нее элемент борьбы, конкурренции, и на этой почве произошло расслоение крестьянства. в сфере земледелия образовался на одном полюсе слой сельских пролетариев — батраков, на другом — слой мелкой сельской буржуазии Разумеется, между этими полярными экономическими слоями крестьянства мы находим ряд средних переходных групп. Эта экономическая дифференциация крестьянства является неизбежным результатом превращения натурально-потребительских крестьянских хозяйств в товарно-денежные и знаменует собой разложение старого крестьянства на различные общественные классы с противоречивыми во многом экономическими интересами»[4-5]). Поэтому, П П. Румянцев определенно говорит о существовании в деревне сельского пролетариата и сельской буржуазии[6-7])

Никто не сомневается в том, что среди крестьянства существуют глубокие имущественные различия В этом смысле расслоение крестьянства — всеми признанный факт. Уже в1873 г, в «Докладе высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России» и мы находим следующее замечание· «Во всех центральных черноземных губ, восточных и северных быт крестьян, по общим отзывам, не улучшается, или улучшается мало, хозяйство же в большинстве местностей или осталось в прежнем положении, или значительно ухудшилось. В этих местностях по

---

[3]) Там же, стр. 116, 118 — 9, 122, 127

[4]) Очерки реалистического мировоззрения. стр. 454—5.

[4-5]) Там же, стр. 501, 519

некоторым заявлениям, разбогатело небольшое число крестьян — большинство же обеднело; среднее, по достатку, состояние крестьян стало падать» (стр. 7). Затем, в 1880 г. кн. А. И Васильчиков в своей книге «Сельский быт и сельское хозяйство в России» констатировал экономическую неоднородность крестьянства. Еще определеннее вопрос о дифференциации крестьянства ставит П. П. Семенов в своем описании Мураевенской вол , Рязанского у , опубликованном также в 1880 г., и В. Пругавин в своих статьях о русской земельной общине, вышедших отдельным изданием в 1888 г. Поэтому в земских статистических сборниках и исследованиях крестьянского хозяйства, на них основанных, мы всегда встречаем указание на существование различных хозяйственных типов и социальных групп в крестьянской среде. Но В. Ильин и П. Румянцев идут гораздо дальше констатирования подобного расслоения деревни. Они утверждают, что эти имущественные различия носят не количественный, а качественный характер, т е. что мы имеем в данном случае дело не с простыми группами, а с социальными классами *). Чтобы мы действительно имели дело с классами, нужно.

1) чтобы доходы этих социальных групп проистекали из различных источников, напр , одна группа имела бы доход от продажи своего труда, другая — от капитала; и

2) чтобы принадлежность отдельных лиц и хозяйств к этим группам носила бы устойчивый, даже наследственный характер, чтобы группы были более или менее устойчивы по своему конкретному составу.

Остановимся на первом условии. По мнению П. Румянцева, наша деревенская действительность вполне ему удовлетворяет. «Где же та граница, спрашивает он», за которой количественная разница переходит в качественную? Мы считаем такой границей существование исключительно или почти исключительно продажей своей рабочей силы, с одной стороны, и покупку рабочей силы для извлечения из своего предприятия большего дохода — с другой. Если эти два признака взять за критерий для определения социально экономического характера крестьянских хозяйств, то наличность в деревне пролетарской и буржуазной групп доказана» **).

Посмотрим, что нам дают по этому поводу бюджетные исследования.

Продажа своей рабочей силы семьею крестьянина происходит в форме различных заработков вне своего земледельческого хозяйства — промысловых заработков, — носящих в своей массе характер работы по найму в сельском хозяйстве, промышленности, на железных дорогах, в торговле, либеральных профессиях и

*) Там же, стр 499.

**) Там же, стр 519.

т. д. Лишь в более зажиточных группах крестьян встречаются доходы от промышленных предприятий, в общем не имеющих большого значения. Следовательно, о размерах работы крестьянской семьи по найму мы можем судить по размерам ее промысловых заработков Заработки эти, как мы видели, составляют след. часть чистого дохода крестьянской семьи, при группировке дворов по посевной площади·

	Волог.	Новгор	Тамбов	Староб
до 1,0 дес . .	72,2	39,1	—	46,8
„ 1,1— 2,0 „ . . .	51,3	56,4	33,0	23,2
„ 2,1— 3,0 „ . . .	47,9	47,0	51,6	27,1
„ 3,1— 4,0 „ . .	37,8	41,0	36,5	19,9
„ 4,1— 6,0 „ . .	31,9	35,7	29,5	22,5
„ 6,1—10,0 „ .	17,8	49,7	26,8	14,0
„ 10,1—20,0 „ . .	33,0	19,9	7,2	9,5
более 20,0 „ .	—	—	4,7	6,8
всего . .	45,6	43,2	25,9	11,8

У южного, черноземного крестьянства эти заработки играют меньшую роль, чем на севере; хозяйства с посевом до 3 дес. на двор, несомненно, на половину, а некоторые и на три четверти носят пролетарский характер Данные эти позволяют нам говорить о существовании в России широких слоев полу-пролетаризированного крестьянства.

Гораздо сложнее вопрос о найме рабочих в крестьянских хозяйствах. Чтобы определить размеры этого явления, надобно произвести учет рабочих дней, израсходованных в крестьянском хозяйстве, как собственных, так и наемных А. В. Чаянов произвел этот учет по Старобельскому у. *). Мы можем дополнить данные Чаянова данными по Вологодскому у.

	Старобельский у.			Вологодский у		
с посевом·	всего затрач раб дней на 1 хозяйст.	в т. числе наемных	в %	всего затрач раб. дней	в т. числе наемных	в %
1,01— 3,0 дес	101,5	8,1	8,0	149,2	6,4	4,3
0,01— 1,0 дес				256,3	9,3	3,6
3,01— 7,5 дес	217,1	18,1	8,3	409,6	24,6	6,0
7,51—15,0 дес	411,2	33,2	8,1	284,7	0,0	0,0
15,01 и более дес.	755,6	89,9	11,9	—	—	—
всего . . .	341,5	34,0	10,0	279,1	12,3	4,4

В этой таблице, при некоторых неправильностях — в вологодской группе с посевом более 7,5 дес. дано только одно хозяй-

*) Бюджеты крестьян Старобельского у, стр 89.

ство — поражает относительно значительное распространение наемного труда даже в малоимущих крестьянских дворах, страдающих от явного избытка своей рабочей силы. Явление это об'ясняется в высшей степени просто. Если мы обратим внимание на форму найма, то найдем, что в низших посевных группах решительно господствует сдельный наем, тогда как в высших преобладает наем на срок. По Новосильскому у А. И. Хрящева приводит след. табличку [1])

	% хозяйств, нанимающих		
	сдельно	поденно	на срок
с пос. до 1 дес . .	44,2	0,4	0,7
„ „ 1,1— 2,0 . . .	58,7	0,3	0,2
„ „ 2,1— 3,0 .	43,2	0,3	0,3
„ „ 8,1—10,0 . . .	3,3	1,8	5,0
„ „ 10,1—15,0 .	3,6	3,3	10,8
свыше 15,0 дес	8,7	9,5	22,2

В этой таблице пропущены средние группы, с посевом 3—8 дес. В пояснение к таблице А И. Хрящева замечает· «Наблюдая ряды изменяющихся величин по признакам землевладения и посева, безотносительно к размеру семьи, .. мы увидим, что величины эти всюду, как по посеву, так и по землевладению имеют тенденцию увеличиваться от средних групп к крайним — вверх и вниз. Выходит таким образом, что наем рабочих распространен больше среди мелкопосевщиков и малоземельных, с одной стороны, и среди крупнопосевщиков и многоземельных — с другой... Наем сроковых и поденных рабочих интенсивнее в группах многопосевных и многоземельных, тогда как сдельный наем, наоборот, наиболее интенсивен в группах малопосевных и малоземельных. В первом случае, т. е при найме сроковых и поденных рабочих, играет роль причины избыток земли и средств производства над количеством своих рабочих сил; в случаях же сдельного найма двигающим стимулом является не недостаточность своих рабочих сил, а недостаточность средств производства — рабочих лошадей и инвентаря, с одной стороны, и широкое применение рабочих сил в промыслах — с другой... Среди безлошадных хозяйств сдельный наем фигурирует почти исключительно в форме отдачи полной обработки надельной и купчей земли, при чем главное значение приобретает обработка — вспашка, бороньба, и доставка с поля, т е. те работы, где фигурирует рабочая лошадь; уборка же чаще производится остающимся дома женским персоналом семьи. Мужской персонал этих хозяйств... занимается промыслами· от 51,2 до 74,2% мужчин в рабочем возрасте отвлекаются в промысловую деятель-

[1]) «Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства. Новосильский у, стр 40.

ность»). Аналогичные данные мы имеем и по Грязовецкому у. Вологодской губ [*]):

	% хозяйств нанимающих		
	сдельно	поденно	на срок
с пос. до 2,0 дес . . .	59,5	9,5	2,1
„ „ 2,01—3,0 дес. . .	23,3	14,7	5,5
„ „ 3,01—6,0 дес. . .	15,2	16,8	9,2
„ „ 6,01 и более дес.	15,1	24,7	18,4

В сборнике статистических сведений по Грязовецкому у эти данные сопровождаются след замечаниями: «Почему в более бедных хозяйствах чаще практикуется применение наемной рабочей силы, чем в более состоятельных хозяйствах? Причина, как нам кажется, лежит в бедности, в малосостоятельности этих хозяйств Они потому пользуются трудом своих соседей, что они бедны, что они не имеют лошадей, инвентаря и отчасти работников. Нанимают же они главным образом сдельных рабочих или конных поденщиков Вот почему говорить здесь об «эксплуатации» едва ли можно Кто здесь эксплуатирует — наниматель или нанимающийся? По отношению к беднякам, имеющим менее полуторы десятины запашки, не может быть речи об эксплуатации рабочих с целью извлечения из них прибавочной стоимости».

Итак, наем бывает разный. В одном случае он пополняет состав производительных сил трудового хозяйства, — недостаток лошади, инвентаря, иногда работника, — не заключая в себе стремления получать прибыль за счет чужого труда. Господствующею формою сдельного найма является так наз. управка душ у безлошадных хозяев их соседями и исполнение всех конных работ в хозяйстве. Такой же характер носит и наем поденщика с лошадью. Очевидно, эти случаи найма лишены капиталистического характера Между тем, именно эта до-капиталистическая форма найма является господствующей в трудовом крестьянском хозяйстве. С иного рода наймом мы имеем дело кое-где в высших посевных группах. Уже Н. А. Карышев в своих «Крестьянских вненадельных арендах», приведя данные по Коротоякскому у., в котором хозяйства с нанимающимися в батраки арендуют в среднем 2,2 дес., не отпускающие и ненанимающие батраков — 3,6 дес. и с наемными батраками — 15,1 дес., замечает: «Как и следует ожидать, отчуждение части своей рабочей силы на сторону уменьшает для двора возможность пользования чужой землей в свою пользу. С другой стороны, наем батраков, очевидно, является признаком крупного изменения характера крестьянского

---

[*]) Там же, стр. 40 — 41.

[**]) Цит. у Б. Книповича, «К вопросу о дифференциации русского крестьянства», 1912, стр. 83.

хозяйства, оно, повидимому, вместо трудовой принимает резко капиталистическую окраску» *). Почти в то же время В. Постников констатировал широкое пользование трудом наемных рабочих у многопосевных крестьян материковых уездов Таврической губ.: при посеве от 25—50 дес. наемных рабочих имеют 34,7% дворов, при посеве более 50 дес. 64,1% **). Несколько лет позже Вл. Ильин писал об этой капиталистической форме найма в крестьянском хозяйстве: «Отношение числа хозяйств, нанимающих поденщиков, к числу хозяйств, нанимающих батраков, понижается от низших групп крестьянства к высшим. В нисших группах число хозяйств, нанимающих поденщиков, всегда превышает и во много раз число хозяйств, нанимающих батраков. Наоборот, в высших группах число хозяйств, нанимающих батраков, оказывается иногда даже большим, чем число хозяйств, нанимающих поденщиков. Этот факт явно указывает на образование в высших группах крестьянства настоящих батрацких хозяйств, основанных на постоянном употреблении наемного труда; наемный труд распределяется равномернее по временам года и получается возможность обходиться без более дорогого, без более хлопотливого найма поденщиков»***). В сборнике статистических сведений по Грязовецкому у. мы находим след характеристику этой капиталистической формы найма в крупных крестьянских хозяйствах. В высшей посевной группе «наем рабочих... является уже системой. Здесь, несомненно, мы можем найти черты, присущие капиталистическому хозяйству: найдем предпринимателей и рабочих с противоположными интересами, найдем сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Не следует, однако, забывать, что в этих хозяйствах, более или менее систематически применяющих наемную рабочую силу, сохраняются и черты потребительского хозяйства, отношения натурального хозяйства. Поэтому, было бы большою ошибкою все эти хозяйства характеризовать, как исключительно предпринимательские»****). Наконец, А. И. Хрящева в своем описании крестьянского хозяйства Новосильского у. говорит. «Сроковой и поденный наем распространен в группах наименее промысловых и тех, где площадь земли на одного своего работника сильно превышает среднюю по уезду. Такого рода найм характеризует уже присутствие капиталистических тенденций в крестьянском хозяйстве. Найм сроковых рабочих в группах многоземельных хозяйств знаменует собою капиталистиче-

*) «Крестьянские внепадельные аренды», 1892, стр. 153.

**) В. Постников, «Южно-русское крестьянское хозяйство», стр. 144.

***) Влад. Ильин. «Развитие капитализма в России», стр. 63

****) Цит. у В. Книповича: К вопросу о дифференциации русского крестьянства», стр. 84.

скую организацию этих хозяйств, основанную на эксплуатации наемного труда» *)

Несомненно, в случаях этого рода найма сроковых рабочих, мы имеем дело с доходом не-трудового характера, с прибылью на капитал, принадлежащий крестьянину в его земле и орудиях производства. Крупные крестьянские хозяйства, основанные на постоянном употреблении наемного труда, утрачивают свой трудовой характер и приобретают характер мелко-капиталистический. Но не следует преувеличивать величины изменений, происходящих при этом в их строении и природе. Во первых, они попрежнему продолжают сохранять полунатуральный характер. Процент денежности валового дохода равняется в крестьянском хозяйстве с площадью посева

	от 10—20 дес	более 20 дес
Вологод у	49,3	—
Новгород. губ	28,2	—
Тамбовская губ	42,9	36,9
Старобельский у	42,4	46,0

Во вторых, в этих крупных крестьянских хозяйствах, пользующихся батрацким трудом, крестьянин всегда сам с членами своей семьи участвует во всех работах, производимых в его хозяйстве. Тут нет и намека на то освобождение предпринимателя от технических работ по производству, которое наблюдается в крупных капиталистических предприятиях. Вообще, мы имеем в этих хозяйствах зародышевую клетку капитализма, а не развитую форму капиталистического предприятия: капитал — на лицо, он приносит прибыль, но собственник этого капитала не превратился еще в капиталиста, живущего исключительно на прибыль с капитала. Крупный крестьянин, нанимающий батрака, живет все же главным образом трудом рук своих, а не прибылью с капитала. И г-жа Хрящева явно преувеличивает успехи капиталистических начал в крестьянском хозяйстве, когда говорит, что «наем сроковых рабочих в многоземельных хозяйствах знаменует собою капиталистическую организацию этих хозяйств, основанную на эксплоатации наемного труда». Нет, нашим крупным крестьянским хозяйствам далеко еще до настоящей капиталистической организации.

Затем, большое значение имеет вопрос о количественной распространенности этих батрацких хозяйств и о наблюдающихся тенденциях их дальнейшего развития.

В этом отношении П. П. Маслов указал уже на один момент, мешающий развитию у нас крупных крестьянских хозяйств —

*) А Хрящева, «Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства Новоспельский у., стр. 41

отсутствие или слабое развитие производительных сил этого хозяйства. «Расслоение крестьянства, говорит он, «или, что одно и тоже, образование более крупных крестьянских хозяйств происходит при развитии производительных сил и обратно, при падении производительных сил населения образование таких хозяйств почти невозможно» *). Или, как говорит Б. Н. Книпович: «в общем, резко выраженная дифференциация крестьянства идет в районах с относительным развитием производительных сил Крестьянское же продовольственное хозяйство связано с падением производительных сил, с разорением крестьянства. В общем падению производительных сил соответствует нивеллировка или подвижка вниз» **)

Но здесь имеет значение еще и другой момент, именно — аграрная перенаселенность Евр. России. Если мы попытаемся, пользуясь бюджетными исследованиями, сделать расчет сколько может поместиться на 1 кв версте (104,17 дес) дворов и душ сельского населения, при разных размерах землепользования крестьянского двора, не принимая во внимание лесов и неудобных земель, то мы получим след. данные по Вологодскому у

	дворов	душ	посева
землепольз до 6,0 дес	23,4	92,4	27,5
„ „ 6,1— 9,0 дес	14,1	69,7	24,9
„ „ 9,1—12,0 „	10,0	54,7	20,1
„ „ 12,1—15,0 „	7,8	42,0	19,4
„ „ 15,1—20,0 „	5,9	32,9	14,6
„ „ 20,1—30,0 „	4,2	23,2	13,1
„ более 30,0 „	2,3	15,3	9,9
всего дес.	6,3	33,5	15,5

По Тамбовской губ мы имеем аналогичные данные:

	дворов	душ	посева
землепольз. до 6,0 дес. . .	23,2	169,1	64,3
„ „ 6,1— 9,0 дес	14,2	106,4	60,4
„ „ 9,1—12,0 „	9,7	91,2	62,6
„ „ 12,1—15,0 „	7,5	70,1	66,1
„ „ 15,1—20,0 „	6,1	47,0	64,5
„ „ 20,1—30,0 „	4,2	45,8	58,9
„ более 30,0 „	2,4	36,0	69,7
всего дес	9,8	82,5	63,8

*) П. Маслов, «Условия развития сельского хозяйства в России», 1903, стр. 346 — 7.

**) В. Книпович: «К вопросу о дифференциации русского крестьянства», 1912, стр 98.

На севере, следовательно, широкое развитие крупных крестьянских хозяйств в 20 и более дес. было бы возможно только в том случае, если бы плотность населения не превышала 25 чел. на кв версту. На юге — при плотности населения не более 45 чел на квадратную версту.

Между тем, в большинстве губ. Евр. России плотность населения значительно превышает эти нормы. Поэтому, крупные крестьянские хозяйства развиваются у нас главным образом на редко населенных окраинах, — новороссийских, северо-кавказских и заволожских степях

При условии рыночного хозяйства мы считаем вполне естественным развитие в крестьянском хозяйстве денежных элементов, стремления к получению прибыли и пользования наемным трудом. Это не «заразные болезни», которыми заболевает крестьянское трудовое хозяйство, как это думает Н П Макаров *), а нормальные в нем новообразования под влиянием городов, железных дорог и мирового рынка. Но в одной социально-экономической среде эти зародыши мелко-капиталистических хозяйств развиваются быстро, в другой медленно, с продолжительными остановками и периодами регрессивного развития. В России социально-экономическая обстановка не благоприятствует их развитию. В этом отношении в высшей степени показательны те выводы, к которым пришла А. И. Хрящева в своей работе по Епифанскому у. Г-жа Хрящева по своему миросозерцанию очень близка к В Ильину и П. Румянцеву. Но она имеет перед ними одно преимущество: ее выводы построены на основании материалов динамической переписи, т. е. имеют строгое индуктивное основание. Она не фантазирует, не создает произвольных идеологических построений, а исследует конкретную действительность. И вот ее выводы о формах и размере процесса выделения класса сельской буржуазии из массы трудового крестьянства

А И. Хрящева нашла, что «в среде господства крестьянского хозяйства, как такового, нет условий для безграничного расширения деятельности капитала в сфере ли земледельческого предприятия, или торгово-промышленного Если площадь владения хозяйства увеличилась значительно, то центр земледельческого предприятия не может быть в деревне, среди надельных земель, он переносится на те земли, которые увеличили владение, т. е на купчие, и хозяйство выселяется туда. При концентрации торгово-промышленного капитала, последнему приходится считаться с ограниченным кругом потребителей и покупателей Поэтому в деревне происходит лишь процесс первоначального накопления и незначительного расширения операций. Лишь только размер ка-

*) Н. Макаров, Крестьянское хозяйство и его эволюция, ч I. Москва, 1920. стр. 70.

питала потребует присущих ему более широких функций, — представители его выселяются в условия более благоприятные для расширения оборотов. Таких трансформированных хозяйств деревня отслоет немного, но в этом их характерная черта. Их немного, но они — другие, чем те что остаются в деревне» *). В 1899 г. в высшей категории, имевшей более 15 дес. пашни на двор, у выселившихся приходилось на двор, по сравнению с оставшимися наличными·

	ост наличн	выселивш.
десятин посева на 1 хоз. . . .	19,01	48,26
десятин на 1 раб (в переводе)	4,17	10,13
десятин на 1 едока (в переводе)	3,22	8,00
рабочих лошадей	2,79	5,50
нанято рабочих	1,50	6,50

Очевидно, в этой высшей категории выселившихся мы имеем дело с хозяйствами совершенно особого типа. Характерною особенностью этих хозяйств А. И. Хрящева считает то, что «здесь концентрация средств производства значительно опередила рост семьи, обычно сопутствующий и идущий наравне с концентрацией средств производства в хозяйствах разделившихся и у части неделившихся Хозяйства, выселившиеся из высшей группы, следовательно, еще будучи в деревне утратили уже характерные черты крестьянского хозяйства, в котором размер семьи имеет тесную связь с размером земледельческого производства. При концентрации средств производства, далеко оставляющей за собою даже категорию разделившихся, мы находим у выселившихся из высшей земельной группы коэффициент едоков и рабочих сил на одно хозяйство значительно низшим, чем у разделившихся. Таким образом, иная формация хозяйств крупных, выселившихся из деревни, выразилась в утрате значения размера семьи, ее роли, как фактора, при организации хозяйства»**).

Хозяйства эти, несомненно, утратили свой примитивный трудовой характер и приобрели характер капиталистический. Это — мелкая сельская буржуазия в настоящем смысле этого слова Но как велика она количественно?

Как мы видели выше, Вл. Ильин (Ленин) считал, что она составляет не более одной пятой части дворов. Цифра эта была взята им с потолка, вернее — подсказана ему его партийной программой. А. И. Хрящева, в партийном отношении единомышленница Ленина, произвела статистическое исследование этого вопроса на территории Епифанского у., и нашла, что указанным признакам отвечает только группа выселившихся, имеющая на

*) Епифанский у., II, стр. 96.

**) Там же, стр. 99; ср также стр. 68 — 69.

двор более 15 дес пашни Группа эта заключает в себе 39 хозяйств

Таким образом, за 12 лет, разделяющих две переписи, из 18.106 крестьянских хозяйств Епифанского уезда в класс сельской буржуазии перешло 39 хозяйств, или 0,2%.

А. И Хрящева об'ясняет причину малочисленности таких хозяйств, приобретающих капиталистический характер. «Хозяйства, говорит она, переросшие рамки применения капитала в деревне, очень немногочисленны по сравнению с остальной массой крестьянских хозяйств. Но в этой немногочисленности заключается доказательство подлинности их капиталистического типа, хотя многие статистики — экономисты видят в этом отрицание существования класса капиталистов в деревне, забывая, что этот последний никогда не может быть многочисленным. Особенно не может быть многочисленным, оставаясь в деревне· ведь концентрация средств производства, или, лучше сказать, накопление капитала в деревне может совершаться только в очень ограниченных размерах и в очень немногих руках, ибо та сфера, откуда извлекаются капиталы, весьма ограничена в деревне Это последнее обстоятельство и служит стимулом к выселению из деревни тех ее элементов, которым необходимо расширить сферу извлечения капиталистического дохода» *)

Слабая накопляющая сила русского крестьянства является сильнейшим тормазом на пути его капиталистического развития

Таким образом, слабая сила капиталообразования русского крестьянского хозяйства, незначительность в нем дохода от капитала по сравнению с доходом от труда мешает развитию имущественных неравенств в социально-классовые отношения.

Другим условием, необходимым для того, чтобы образование новых хозяйственных форм могло привести к делению общества не просто на группы с разным уровнем жизни, а на классы с разными интересами и разной психикой, является устойчивый, даже наследственный характер принадлежности отдельных лиц и хозяйств к этим группам.

Выше мы видели, что в русской деревне нет этой устойчивости крестьянские хозяйства постоянно переходят из одной имущественной группы в другую и состав групп постоянно обновляется. Особенно неустойчива более состоятельная группа, в которой чаще всего происходят разделы. Лишь из распадающихся и «обмирающих» хозяйств нет путей и под'ема к среднему трудовому хозяйству.

При таких условиях нельзя говорить о расслоении русского крестьянства на класс сельского пролетариата и класс сельской буржуазии, или о «вымывании середины» трудового крестьянского хозяйства.

*) Там же, стр. 101 — 2.

Но неверна также и теория «общей подвижки вниз» крестьянского хозяйства, формулированная П. А. Вихляевым. Изучая по конским переписям данные об изменениях в лошадности крестьянского хозяйства в период с 1888 по 1893-4 г., П А Вихляев пришел к выводу, что за исключением Новороссии, «на всем остальном обширном пространстве Европейской России,.. от западных границ до Урала, на юг до Новороссии и на север до границ Вятской, Вологодской и Олонецкой губерний — раскрывается перед нами одна и та же картина упадка многолошадных крестьянских хозяйств. Подводя итог этим наблюдениям, мы не можем не придти к выводу о глубоком противоречии между действительностью, раскрывающейся при количественном анализе фактов, и ходячим представлением о прогрессирующем расслоении деревни, о происходящем будто бы выделении из разрушающейся массы сильных хозяйственных элементов Мы видим по всей исследованной площади Евр России (за исключением Эстляндской губ) совершенно иную картину — прогрессирующего упадка этих сильных когда то хозяйственных единиц. Хозяйства концентрируются около среднего однолошадного типа, не перестающего тем не менее выделять из себя безлошадные массы . Изучение действительности не обнаруживает типичного для процесса дифференциации двустороннего развития крайних противоположных типов на счет однородной середины Процесс идет в одну сторону всеобщего хозяйственного упадка. Направление движения к конечному пункту безлошадности для всех групп крестьянского хозяйства остается одним и тем же и, вследствие усиления быстроты этого движения по мере увеличения числа лошадей на 1 двор, происходит скопление хозяйств в однолошадной группе. И по Новороссии, где за период времени 1891 — 1896 г.г. развитие хозяйственных явлений получило диаметрально противоположное направление, не наблюдается также основных признаков процесса дифференциации, так как отсутствует типичное для названного процесса двустороннее движение от однородной разрушающейся средины к противоположным укрепляющимся краям» *).

Эта работа П. А. Вихляева страдает тремя недостатками Во первых, как мы показали в другом месте, рабочая лошадь — далеко не самый удачный показатель размеров крестьянского хозяйства. Гораздо вернее эти размеры характеризуются посевной площадью, площадью землепользования или количеством (ценностью) всего скота.

Во вторых, период времени, с которым оперирует П. А. Вихляев, слишком краток. Нельзя на основании периода в шесть лет строить индуктивные построения о направлении общественн-

---

*) П. Вихляев, Очерки из русской сельскохозяйственной действительности, 1901, стр. 107.

ного развития. Развитие общества всегда дает ломаную кривую и по линии роста маленького кусочка этой кривой нельзя судить о направлении всей кривой. Подобная же ошибка была сделана Николаем - оном в его известных «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства»

В третьих, этот краткий период, исследованный П А. Вихляевым, носил совершенно исключительный характер Две сравниваемые им переписи, 1888 и 1893 — 4 г.г. отделены одна от другой крупнейшими неурожаями 1891 и 1892 г.г. охватившими значительную часть исследованного района. Насколько исключительный характер носил этот период, можно видеть из след справки В. Г. Бажаева о движении арендных плат:

«В первые 25 лет после освобождения крестьян от крепостной зависимости, арендные цены обнаружили особенно быстрый рост. Этот процесс быстрого возрастания арендных цен был за указанный период весьма постоянным, последовательным и распространенным. Начиная со второй половины 1880-х г г. этот процесс приостановился, а в первой половине 1890-х г.г. (под влиянием ряда неурожаев) арендные цены заметно понизились Со второй половины 1890-х г г. рост арендных цен опять возобновился» *). Н. Н. Черненков поэтому называет период времени, предшествовавший конской переписи 1893 — 94 г г., сравнительно ненормальным периодом, так как он непосредственно следовал за неурожайными 1891 — 2 г г **)

Сознавая малую убедительность своих выводов, П. А. Вихляев попытался подкрепить их двумя соображениями.

Во первых, он попытался выделить влияние неурожая 1891 г и определить, каковы были тенденции развития крестьянского хозяйства в группе уездов, давших в эти годы наибольший урожай. Распределив уезды на три равновеликие группы, — с наименьшим урожаем, средним и наибольшим, г. Вихляев получил след. изменения за период 1888 — 1893 - 4 г.г в рабочем скоте, принимая данные 1888 г. за 100***)

	безлош	с 1 лош	с 2	с 3	с 4	с 5	с 6 и бол
наим урожай	124	129	100	80	67	60	54
средний урожай .	113	126	101	82	69	63	54
наивысший урожай	112	111	93	80	73	67	68

Отсюда г. Вихляев делает вывод: «Из представленных чисел выясняется знакомый по предыдущей части (его исследования, С. П.) процесс передвижения многолошадных крестьянских хозяйств в группу однолошадных Но степень этого передвижения

*) В. Бажаев,Крестьянская аренда в России, 1910, стр 58 — 9

**) К характеристике крестьянского хозяйства, изд. 2-е, стр. 115.

***) Вихляев, Очерки, стр. 142.

была неодинакова по различным группам уездов, ослабевая по мере улучшения результатов ржаного сбора в 1891 г. Неурожай этого года таким образом и в данном случае только содействовал усилению процесса, вызываемого некоторыми более общими экономическими условиями... Подобно тому, как тлеющая лучина, опущенная в среду, наполненную кислородом, вспыхивает ярким пламенем, медленно назревавшие процессы хозяйственного развития получили в местностях, постигнутых неурожаем, более бурное течение» *).

Но неурожай и голод 1891 г, глубоко поразив народное хозяйство страны, не мог не затронуть крестьянское хозяйство и тех уездов, которые наименее пострадали от неурожая. Поэтому, изменения в строении этих хозяйств в этот исключительный период никоим образом не могут быть приписаны «действию более постоянных факторов хозяйственного развития».

Во вторых, Вихляев приводит, в подкрепление своих выводов данные земских статистических и ветеринарных бюро за вторую половину 1890-х г г. по губ. Саратовской, Уфимской, Вятской и Тамбовской. Эти данные приводят его к след. выводу: «Влияние неурожайных лет отражается неодинаковым образом на различных группах крестьянства. При неблагоприятных хозяйственных условиях в сильнейшей степени понижается относительное значение многолошадных крестьянских дворов. Эти дворы, в противоположность господствующим взглядам, в массе оказываются в наименее устойчивом хозяйственном положении. При обратных условиях — обильных урожаях, как это, напр., имело место в средине девятидесятых годов, процент многолошадных дворов вновь обнаруживает повышение; но если сравнивать произошедшее при этом перераспределение рабочего скота с более ранними периодами, с началом или концом восьмидесятых годов, то при этом сравнении обнаруживается, что многолошадные крестьянские дворы не были в состоянии вернуть своего прежнего хозяйственного значения, даже и в случае прироста в количестве рабочих лошадей. Благоприятными хозяйственными условиями средних девятидесятых годов в наибольшей степени воспользовался средне-состоятельный слой крестьянства. Таким образом, наблюдения над изменениями в распределении рабочего скота в позднейшее время подтверждают основной вывод, полученный из разработки конских переписей 1888 г. и 1893 г. Вытеснение крупнокрестьянского хозяйства с арены земледельческого производства является одним из крупнейших фактов экономической жизни обширнейших районов Европейской России за последнее десятилетие»**).

*) Там же, стр. 142 — 3.

*) Там же, стр 139 — 140

Для 1890-х г. г этот вывод повидимому правилен Но нельзя ему приписывать общего характера. Не при крепостном же праве был период расцвета крупно-крестьянского хозяйства!

Итак,ни схема В Ильина, утверждающая прогрессивное разложение трудового крестьянства на сельскую буржуазию и сельский пролетариат, ни схема П. А. Вихляева с его общею подвижкою вниз не отвечают действительности Но главный грех этих схем не в том, что они дают неверные ответы на поставленный вопрос, а в самой постановке вопроса. Экономическая наука стремится вскрыть причиннозависимости экономических явлений, образцом такой научной постановки подлежащего изучению вопроса может служить работа Н. Н Черненкова по Петровскому у., первое «динамическое» исследование крестьянского хозяйства, в которой Н. Н Черненков исходит из мысли, что причину тех или других морфологических процессов, испытываемых крестьянским хозяйством, нужно искать в их строении Совершенно иную постановку вопроса мы находим у г г. Ильина и Вихляева они стремятся не вскрыть экономические причиннозависимости явлений, а установить порядок в преемственности форм этих явлений. Их интересует исключительно вопрос — как изменяется крестьянское хозяйство, по какой схеме, а не вопрос о том, почему оно изменяется, какие силы влияют на него и в каком направлении Законы экономических явлений всегда носят условный характер, — это условные утверждения, которые всегда можно начинать словом если: если даны такие то предпосылки, то за ними обязательно последует такое то последующее явление. Схемы г г Ильина и Вихляева представляют собою нечто совершенно иное, их формулировки не заключают в себе никакого если, они — не условные, а категорические суждения. Нам не говорят, что если даны такие то и такие то условия, русское крестьянское хозяйство будет эволюционировать в направлении разложения на класс собственников и класс пролетариев или будет происходить всеобщая подвижка вниз крестьянского хозяйства, нам говорят попросту, что крестьянство необходимо будет и должно развиваться по определенной схеме.

Наука не знает абсолютно-необходимых путей развития исторических явлений и отношений. Всякий раз, когда наука пытается об'яснить какое либо историческое явление или процесс, она обращается к двум об'ясняющим фактам: 1) законам, т. е условно необходимым отношениям и 2) условиям, которые действительно имели место, но не вытекают из самих законов и не имеют их необходимости. Если бы эти условия были иными, из них следовал бы иной характер процесса развития, который наука констатировала бы и пыталась об'яснить тем же путем.*)

*) Подробнее об этом см. доклад А. Навилля на втором международном философском конгрессе в 1904 г.

Научный анализ путей развития русского крестьянского хозяйства требует совершенно иного подхода к вопросу, чем тот, который дан гг Ильиным и Вихляевым При одних условиях дифференцировка крестьянских хозяйств растет, при других — уменьшается. После тяжелых неурожаев наблюдается общии упадок хозяйства, после хороших урожаев, которые были в пятилетие перед началом мировой войны, и сопровождались высоким уровнем цен на продукты сеьского хозяйства, мы должны были иметь общую подвижку вверх крестьянских хозяйств, при которой особенно преуспеть должны были многопосевные и многолошадные дворы. Словом, в один год развитие идет в одну сторону, в другой — в другую. Важен не факт определенного направления развития, а анализ причин, приводящих к развитию в том или ином направлении Между тем, под влиянием практических, партийно-програмных соображений почти вся русская литература по крестьянскому вопросу интересовалась почти исключительно вопросом о фактическом направлении развития крестьянского хозяйства, и почти совершенно игнорировала вопрос об экономических причинах того или иного направления этого развития. Чисто научным, гносеологически правильным мы должны признать только подход Н Н Черненкова, выразившийся в идее «динамических переписей».

Но мы не можем удовлетвориться тем результатом этих динамических исследований, который может быть выражен в общем положении: морфологические процессы в крестьянских хозяйствах определяются их строением. Крестьянское хозяйство — очень сложное образование и заключает в себе много элементов Нельзя ли конкретизировать зависимость происходящих в нем морфологических процессов от определенных моментов хозяйства и их сочетаний?

И в данном вопросе наша экономическая мысль блуждала до сих пор в потемках. Руководящее положение в нем занимала идея противоположения внутренних, свойственных даннои форме хозяйства тенденций развития внешним влияниям, исходящим из окружающей среды Так, например, Н Н Черненков считает желательным «подвергнуть более глубокому и детальному анализу многие стороны и явления в области крестьянского хозяйства, которые до сих пор оставались как бы в тени, хотя они и представляются крайне важными для уяснения основных черт и тенденций этого хозяйства, а следовательно и для надлежащего разграничения в современном крестьянском хозяйстве явлений и тенденций, свойственных ему, *как таковому*, от явлений и тенденций, порождаемых окружающей его в данное время общей экономическою атмосферою, т. е частью привносимых как бы извне в сферу данного типа хозяйства, частью же могущих возникать органически в недрах этого хозяйства, *на смену его*,

под влиянием известных перемен в основных хозяйственных условиях»*). Раз та или иная хозяйственная форма существует, значит, она жизнеспособна, т. е. ее строение и функции находятся в необходимом соответствии с окружающей обстановкой. Нельзя говорить о явлениях или тенденциях, свойственных организму или хозяйству, как таковым, независимо от окружающей среды, ибо и организм и хозяйство живут в определенной среде, и чтобы жить, они должны к этой среде приспособиться. Нет и не может быть явлений и тенденций, органически возникающих в недрах данной хозяйственной формы. Жизнь состоит в постоянном общении хозяйства с окружающей средой, и все явления и тенденции, в хозяйстве обнаруживающиеся, определяются этим общением. Поэтому подобное противоположение внутренних, органических тенденций внешним влияниям лишено какого бы то ни было экономического содержания

Между тем эта идея пользовалась в экономической литературе по крестьянскому вопросу самой широкой популярностью. Так например, А. В Пешехонов говорит о крестьянском хозяйстве в по-реформенный период: «Какие процессы происходили в это время в крестьянской жизни, что в них было плодом внутреннего, органического развития данного социального типа, что явилось результатом воздействия определенной исторической среды, что, наконец, было привнесено политикой.. в точности нам неизвестно»**). И в другом месте в той же статье: «Мы видели, как должна складываться крестьянская жизнь в силу присущих ей самой задатков и особенностей... Действительное содержание и общее направление ее представляют из себя равнодействующую, с одной стороны, внутренних сил, свойственных данной социальной форме, а с другой, внешних условий крестьянского существования»***).

Эти внутренние силы, противопологаемые внешним влияниям,— пустая фраза, лишенная конкретного содержания. Ни Н. Н. Черненков, ни А. В. Пешехонов не могут нам сказать о них, равно как и об явлениях и тенденциях, свойственных данной хозяйственной форме, как таковой, ничего положительного. Разрывая взаимную связь между хозяйством и окружающею его народно-хозяйственною и географическою средою, мы делаем невоэможной хозяйственную жизнь, т. е. уничтожаем сущность всякого хозяйства

К каким произвольным выводам может приводить подобный подход к эволюции крестьянского хозяйства, показывает след заявление А. В. Пешеханова в цитированной выше статье: «Среди органических свойств крестьянского двора мы не нашли таких, ко-

*) «К характеристике крестьянского хозяйства», стр. V.

**) Из теории и практики крестьянского хозяйства». «Русское Богатство», 1902, кн. IX, стр. 163

***) Кн. X, стр. 71

торые делали бы неизбежным разрушение данной социальной формы и распадение крестьянства на социально-различные классы»*) Какое конкретное содержание вкладывает А. В. Пешехонов в понятие «органические свойства крестьянского двора»? В экономическом исследовании нам постоянно приходится иметь дело с экономическими и демографическими свойствами крестьянского двора, в данной экономической среде порождающими данные экономические явления и тенденции развития Никаких других «органических» свойств у крестьянского двора экономист не знает. Свойства эти — нечто сверх-экономическое, лежащее вне, по ту сторону экономической действительности.

С таким же правом, с каким А. В. Пешехонов высказал приведенное выше суждение о русском крестьянском хозяйстве в начале XX века, любой исследователь европейского средневекового ремесла мог бы высказать аналогичное суждение о свойственных этому ремеслу «органических» качествах, которые вовсе не делают неизбежным его упадок и развитие капиталистической мануфактуры и фабрики. И тем не менее, фабрика убила ремесло. При том развитии денежных элементов, которое наблюдалось в русском крестьянском хозяйстве в первое десятилетие XX века, сомневаться в его денежно-товарном характере не приходится. Прав был В. Ильин, когда утверждал, «что строй экономических отношений в «общинной» деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада («народного производства» и т. п), а обыкновенный мелко-буржуазный уклад . Русское общинное крестьянство не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная его основа»**)

Заслуга А. И. Хрящевой состоит в том, что она отказалась от этих сверх-экономических «внутренних» или «органических» сил и тенденций крестьянского хозяйства и подошла к вопросу о моментах, определяющих его морфологические преобразования строго реалистически. Остановившись специально на вопросе о семейных разделах, она поставила себе задачу «исследовать влияние на разделы различных факторов в комбинциях их друг с другом, с целью определить, какие из них оказывают большее влияние на частость разделов»***). С этою целью она проследила изменения % разделившихся хозяйств в зависимости от роста различных элементов крестьянского двора — числа в нем душ, работников (в переводе на полного работника), количества посева и т д. В результате она получила след. ряды % разделов·

*) Там же, кн. X, стр. 116.

**) В. Ильин, Развитие капитализма в России, стр. 115.

***) Епифанский у, ч II, стр 44

по числу душ	0,0	1,9	7,7	16,8	35,8	57,5	78,2					
„ „ работников	1,0	1,8	11,8	40,0	68,1							
„ „ работников-мужчин	2,9	6,8	32,4	56,7	72,5							
по количеств. пашни	4,0	5,9	25,3	45,0	56,0	63,0						
по колич. посева	5,1	3,4	8,1	16,9	19,7	27,5	31,0	37,6	42,9	52,7	60,9	
по числу лошадей	9,0	23,4	37,8	50,8	61,9							

Просмотрев эти ряды, А. И Хрящева «на глаз» определила коэффициент их роста и нашла, что «если и нельзя сказать, что рост семьи является причиною, всегда влекущей за собою разделы, то ясно, что он является важнейшим условием разделов. Размер хозяйства, поскольку он выражается в площади посева, играет более пассивную роль в этом случае. Семья в 13 и более душ — будет ли хозяйство мелкопосевное или крупнопосевное — все равно дает свыше 70% разделившихся по истечении 11 лет. То же и в остальных группах по семье· интенсивность разделов увеличивается по мере увеличения показателя семьи и слабо реагирует на размер посева . Число работников (муж. пола) является более активным признаком, чем число лошадей, хотя и число лошадей оказывает вполне определенное влияние на частость разделов, усиливая ее.. Присутствие большого числа рабочих сил в семье чаще является причиной или условием разделов, чем размер собственной пашни . Из всех рассмотренных таблиц выясняется, что экономические признаки, как например, размер пашневладения, посева и числа рабочих лошадей в хозяйстве оказываются менее активными в своем воздействии на интенсивность разделов, чем признаки демографического характера — размер семьи и число работников; последнего рода признаки более активны и оказывают определяющее влияние на интенсивность разделов крестьянских хозяйств»*). И в другом месте: «Итак, для разделившихся можно считать установленным положение, что характерное их отличие от неделившихся с точки зрения данного периода времени состоит в их большей семье и высшем рабочем составе при прочих равных условиях и чем глубже это различие, тем на большее число хозяйственных единиц разделилось впоследствии хозяйство»**)

Эти выводы, как мы уже сказали, получены А. И. Хрящевой «на глаз» Но глаз — мерило ненадежное. Попробуем точным математическим приемом определить коэффициент роста или регрессии каждого ряда; тогда мы получим след. табличку.

по числу душ	6,47
по числу работников . . .	12,09
по колич. посева . . .	3,70
по числу лошадей	10,90

*) Там же, стр. 44 — 7, также стр. 56.

**) Там же. стр. 53

Математика дала совершенно неожиданный результат: количество разделов сильнее реагирует на число лошадей в хозяйстве, чем на число душ в семье «Глаз» А И Хрящевой, повидимому, ввел ее в заблуждение

Но раз мы начали пользоваться математикой, нужно итти в этом направлении до конца. Математика учит нас, что при определении роста одной именованной величины по другой очень большое значение имеет соотношение масштабных единиц обеих величин В данном случае души, работника, десятины посева и одной лошади с % разделившихся хозяйств Напр., если число работников оказывает вдвое более сильное действие на % разделов, чем число душ, то причина этого лежит в том, что один работник является более крупной масштабной единицей, чем одна душа Нам нужно устранить это путающее влияние соотношения масштабных единиц. Эта задача легко достигается путем перехода от коэффициентов регрессии к коэффициентам корреляции. При вычислении этих коэффициентов мы были связаны формами публикации материала; поэтому по Петровскому и Вяземскому уу. мы совсем не могли определить коррелятивных отношений интересующих нас величин, а по Епифанскому и Суражскому уу. могли их определить далеко не для всех величин, нас интересующих. Полученные нами коэффициенты дают по Епифанскому у след таблицу:

	распавш.	выселивш	нормальн	разделивш
число душ .	—0,24	—0,17	—0,26	0,52
работников . .	—0,21	—0,16	—0,28	0,54
дес. посева	—0,16	—0,15	—0,13	0,33
число лошадей	—0,15	—0,16	—0,10	0,28

Таблица эта показывает прежде всего, что рост размеров крестьянской семьи и крестьянского хозяйства сопровождается увеличением числа одних только разделившихся хозяйств и уменьшением хозяйств всех других категорий. Следующий вывод состоит в том, что наибольшее влияние на хозяйственно-морфологические процессы в крестьянском дворе оказывают число душ и работников в семье. В конце концов вывод А И Хрящевой случайно оказался правильным По Суражскому у. мы получили след табличку коэффициентов корреляции:

	распавш	выселивш	норм разв.	разделивш
дес пахоты . .	—0,27	—0,12	—0,09	0,39
голов раб скота .	—0,19	—0,12	—0,08	0,31
коров . .	—0,14	—0,11	—0,04	0,22

Таким образом, на жизнеспособность крестьянского двора наибольшее влияние оказывает число в нем рабочих сил — т. е тот хозяйственный фактор, который оказывает наименьшее влияние на размер дохода крестьянского хозяйства.

Противоречие между этими двумя выводами только кажущееся. Если мы вспомним приведенные выше (стр) данные о той роли, которую играют промысловые заработки в экономии крестьянского двора, преобладающее влияние рабочих сил на его судьбу не представит ничего неожиданного

Что же касается жизнеспособности крестьянского хозяйства, как такового, то она определяется прежде всего производительностью в нем труда и его капиталообразующей силою.

К сожалению, при нынешнем состоянии бюджетных исследований у нас нет точных данных о процессах накопления хозяйственного имущества, происходящих в крестьянском хозяйстве

Что же касается производительности труда в крестьянском хозяйстве, то, как мы уже указывали выше, в крупных крестьянских хозяйствах труд производительнее, чем в мелких.

Этот момент определяет исход той борьбы за существование которая с такою интенсивностью ведется в деревне. Побеждают в этой борьбе более крупные крестьянские хозяйства, располагающие большим количеством земли, хозяйственного имущества и рабочих сил В результате мы имеем тенденцию вытеснения мелкого крестьянского хозяйства крупным. Этой тенденции противодействуют семейные разделы, непрерывно дробящие крупные хозяйства Борьба этих двух тенденций и определяет строение всей массы крестьянских хозяйств в каждый данный момент

ГЛАВА VII.

ВЛИЯНИЕ РЫНКА НА КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Большинство продуктов, производимых в крестьянском хозяйстве, потребляется семьею крестьянина или расходуется в хозяйстве. Однако, значительная часть их отчуждается также на сторону. В какой мере денежные элементы проникли в русское крестьянское хозяйство, показывает следующая табличка, в которой приведены средние размеры денежного дохода на двор в крестьянских хозяйствах разной величины в рублях:

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Староб.
Сеющие до 1,0 дес.	11,2	43,4	73,3	—	115,2
„ „ 1,1— 2,0 „	19,6	87,0	27,9	126,4	71,4
„ „ 2,1— 3,0 „	28,2	96,5	56,5	45,1	88,7
„ „ 3,1— 4,0 „	36,0	125,5	75,0	144,7	189,3
„ „ 4,1— 6,0 „	35,6	199,0	146,1	179,5	145,1
„ „ 6,1—10,0 „	70,8	322,4	124,6	235,3	259,7
„ „ 10,1—20,0 „	—	350,4	245,8	449,5	435,5
„ более 20,0 „	—	—	—	1297,4	830,8
В среднем	31,7	105,7	77,3	226,9	353,1

С ростом размеров хозяйства, растет и величина его денежных оборотов. Но если мы обратим внимание на % денежности хозяйства, то такой правильности мы не обнаружим Так % денежности валового дохода крестьянского двора следующим образом изменяется в зависимости от размеров хозяйства:

	Вельск.	Волог.	Новгор.	Тамбов.	Староб.
Сеющие до 1,0 дес.	10,4	46,3	47,2	—	65,8
„ „ 1,1— 2,0 „	14,6	50,2	17,8	32,8	39,4
„ „ 2,1— 3,0 „	14,4	44,4	22,7	16,2	35,7
„ „ 3,1— 4,0 „	15,0	44,1	23,0	33,0	51,9
„ „ 4,1— 6,0 „	11,0	52,5	31,4	32,1	34,4
„ „ 6,1—10,0 „	16,4	56,1	25,7	32,9	44,4
„ „ 10,1—20,0 „	—	49,3	28,2	42,9	42,4
„ более 20,0 „	—	—	—	36,9	46,0
В среднем	13,9	47,7	25,3	34,2	43,8

Неправильность рядов % денежности показывает, что на развитие денежных элементов в крестьянском хозяйстве сильное влияние оказывают моменты внешнего порядка, ни в каком отношении к размерам посевной площади не стоящие, — именно, близость хозяйства к рынкам и железнодорожным путям. В общем, как показывают бюджетные данные, денатурализация хозяйства русского крестьянина в начале XX в. достигла весьма значительных размеров. В этом отношении очень показательна группировка хозяйств по % денежности их валового дохода.

	Вельск	Волог.	Новгор	Гамбов	Староб
до 10,0%	41	1	26	14	3
10,1—20,0	39	6	20	11	4
20,1—30,0	16	16	21	15	18
30,1—40,0	4	25	14	20	22
40,1—50,0	2	38	5	17	15
50,1—60,0	—	36	5	6	16
60,1—70,0	—	7	1	1	4
70,1—80,0	—	3	—	1	7
более 80,0	—	4	—	—	2
всего	102	136	92	85	91

Как показывает эта таблица, русский крестьянин вырвался из тисков так долго порабощавшего его натурального строя и стал деятельным, — хотя и малосознательным участником мирового хозяйства.

Это перерождение русского крестьянского хозяйства было отмечено Шульце-Геверницем уже в середине 1890-х г.г. По его словам, «вытеснение традиционного натурального хозяйства сельским хозяйством, продающим земледельческие продукты, улучшающим торговый баланс и покупающим произведения промышленности — вот основной факт русского хозяйственного развития во второй половине нашего столетия; в то же время он является основой тех успехов промышленности и финансов, которые хотя и бросаются наблюдателю прежде всего в глаза, но на самом деле в причинной связи явлений занимают второе место» *).

Развитие денежных элементов в крестьянском хозяйстве пореформенной России было прежде всего вызвано ростом сети железных дорог, этих «гвоздей, вбиваемых в гроб натурального хозяйства». Рынок, с помощью своих щупальцев, энергично толкал крестьянское хозяйство в этом направлении. Но не все хозяйства поддавались этому давлению. Чтобы выяснить, какие внутрихозяйственные элементы в крестьянском хозяйстве шли навстречу этим внешним влияниям, посмотрим, как велика коррелятивная

*) Г. Шульце-Геверниц, Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, 1901, стр. 254 — 5.

связь % денежности валового дохода с теми элементами крестьянского хозяйства, которые могут в данном случае иметь какое либо значение:

	Волог.	Новгор	Тамбов.	Староб.
Вал. доход от с. х.	0,34	0,44	0,41	0,15
Землевладение	0,19	0,19	0,04	0,02
Землепользование	0,19	0,13	0,23	±0,01
Посев	0,06	0,17	0,27	0,01
Работники	—0,21	0,13	0,02	—0,09
Землевл. - работники	0,28	0,15	0,05	0,12
Хоз. имущество	0,20	0,43	0,13	0,06
Всего скота	0,12	0,16	0,06	±0,01
Раб скот	—0,15	—0,14	0,04	—0,06
Хоз им. - землевл.	—0,05	0,28	±0,04	0,08
Едоки	—0,15	0,08	0,10	—0,09
Землеполь з - едоки	0,26	0,08	0,60	0,13
Аренда	±0,02	—0,17	0,30	±0,01
Пром. заработки	—0,29	—0,22	—0,37	—0,29

Из этой таблицы мы можем извлечь следующие выводы. Повышенную денежность обнаруживают хозяйства с большим хозяйственным имуществом и высоким валовым доходом; очевидно, % денежности находится в прямой связи с размером и высотою производительности крестьянского хозяйства. С промысловыми заработками денежность крестьянского сельского хозяйства находится в антагонистических отношениях; семьи с большим числом работников предпочитают сторонние заработки, и денежные элементы менее развиты в их хозяйстве. Такое же сдерживающее влияние оказывает и число едоков; чем больше земли приходится на едока, тем легче развивается работа на рынок.

Наиболее важное для нас значение имеет связь денежности с высотою интенсивности крестьянского хозяйства. С какою различною степенью интенсивности ведут крестьяне свое хозяйство, можно судить по размеру валового дохода, получаемого ими с десятины землепользования. По размерам этого дохода крестьянские хозяйства группируются следующим образом:

	Вельск	Волог	Новгор	Тамбов.	Староб.
до 10,0 руб	37	30	22	—	1
10,1—20,0	54	70	48	—	3
20,1—30,0	8	27	17	4	13
30,1—40,0	2	6	4	8	31
40,1—50,0	—	1	1	9	17
50,1—60,0	1	1	—	24	11
60,1—70,0	—	—	—	11	9
70,1—80,0	—	—	—	14	5
более 80,0	—	1	—	15	1
всего	102	136	92	85	91

Таблица эта довольно ярко рисует то огромное расхождение в интенсивности хозяйства, которое существует в русской деревне. Прежде всего бросается в глаза разница между производительностью южного чернозема и северных подзолов и суглинков. Но и в пределах одной губ. или уезда производительность земли в крестьянских хозяйствах в высшей степени различна. Дело тут, очевидно, не только и не столько в богатстве почвы. Чтобы выяснить вопрос, определим коррелятивную связь дохода с десятины землепользования с различными моментами, способными, по нашим предположениям, оказать влияние на величину этого дохода:

	Волог	Новгор.	Тамбов.	Староб
Валовой доход от с. х.	0,05	0,33	0,42	0,08
% денежности вал дох.	0,09	0,42	0,22	0,23
Землевладение . .	—0,39	—0,38	—0,29	—0,25
Землепользование . .	—0,45	—0,43	—0,14	—0,30
Работники . . .	±0,04	0,09	0,04	—0,10
Землевл - работники	—0,43	—0,43	—0,34	—0,16
Хоз имущество . . .	—0,09	0,29	0,16	—0,05
Хоз имущество-землев.	0,51	0,70	0,56	0,14
Едоки	—0,03	0,07	0,12	—0,18
Едоки - работники . . .	±0,007	—0,10	±0,03	—0,04
Аренда	±0,05	±0,05	0,25	—0,22
Промысл. заработки	0,21	—0,08	0,13	—0,12

Очевидно, наибольшее влияние на величину валового дохода с десятины землепользования оказывает оборудованность хозяйства крестьянина хозяйственным имуществом и рабочими силами при рассчете на десятину землепользования. Все остальные коррелятивные зависимости являются производными, за исключением зависимости от % денежности, рост которого оказывает на доход с десятины землепользования положительное влияние. Попробуем конкретизировать влияние количества живого и мертвого инвентаря, рабочей силы и развития денежных отраслей на интенсивность крестьянского хозяйства.

Здесь прежде всего мы встречаемся с влиянием % распаханности земли, — на черноземе он значительно выше, чем на северных суглинках и подзолах. Чем выше в хозяйстве % земли под посевом, тем выше доход с дес. землепользования. Большое значение имеет также, что сеется. В этом отношении особенного внимания заслуживают трудоемкие культуры: лен, картофель, свекла, подсолнух, бахчевые растения и т. д. Чем значительнее % посевной площади под трудоемкими культурами, тем выше доход с десятины землепользования. Затем, на доходность земли

оказывает также влияние количество скота на десятину землепользования, — прежде всего тем доходом, который приносят продукты скотоводства, затем скопами навоза, влияющими на урожайность в тех районах, где земля удобряется. На урожайность влияет также тщательность и своевременность производства всех работ На различия в техническом совершенстве и своевременности работ в крестьянских хозяйствах разной зажиточности уже указывалось в литературе. Наконец, последним из числа основных моментов, влияющих на доходность крестьянского хозяйства, являются цены на продукты: в зажиточных хозяйствах, имеющих возможность не торопиться с реализацией своих продуктов, цены выше.

Итак, на размеры валового дохода с десятины землепользования оказывают влияние три момента: оборудованность хозяйственным имуществом и рабочими силами и развитие денежных элементов. Насколько велико влияние связи хозяйства с рынком, мы можем видеть из след · Деля все хозяйства каждой из обследованных территорий на две группы по % денежности валового дохода, — до 30% и более 30%, — мы получаем следующие любопытные данные о высоте валового дохода, приносимого десятиной землепользования:

Землеполь. в дес.	Вологодск.		Новгородск		Тамбовск.		Старобельск.	
	натур	ден	натур	ден.	натур	ден	натур	ден
до 6,0 . . .	25,3	24.1	—	23,6	63,3	117,2	45,4	53,8
6,1— 9,0 . . .	18,2	24,6	21,8	29,4	53,6	63,9	42,0	48,4
9,1—12 0 . ..	12,1	18,0	18,7	48 5	57,9	70,9	33,1	46,3
12,1—15,0 . . .	15,3	16,5	16,8	19,8	44,2	68,7	36,0	53,4
15,1—20,0 . . .	8,0	12,9	12,7	16,8	33,1	52,6	37,7	43,2
20,1—30,0 . . .	7,2	12,9	11,7	15,6	—	54,8	32 9	44,4
более 30,0 . . .	—	9,2	9,4	13,2	—	81,2	35,9	35,3
Всего	12,8	13,5	12,3	16,0	52,7	68,5	35 5	41,2

Как показывает эта таблица, теснота связи хозяйства с рынком определенным образом повышает производительность земли. Не трудно понять причины этого влияния рынка. Агрикультурный прогресс имеет место только в хозяйствах, связанных с рынком, в их работающих на рынок отраслях, потому что всякое усовершенствование требует денежных затрат, которые должны быть покрыты его результатами.

Изолируя с помощью комбинационной таблицы действие % денежности от влияния прочих моментов, мы получаем следующие коэффициенты зависимости дохода с десятины землепользования от % денежности:

Вологодский у.	0,52
Новгородская губ . .	0,30
Тамбовская губ.	0,37
Старобельский у. . .	0,20

Такова мера влияния рынка на развитие производительных сил крестьянского хозяйства. Как показывают эти коэффициенты, в настоящее время развитие меновых отношений в крестьянском хозяйстве зашло настолько далеко, что рынок и цены на сельскохозяйственные продукты приобрели значение одного из наиболее мощных факторов, определяющих строй хозяйства русского крестьянина.

Это влияние рынка заслуживает особого внимания. Повидимому, первые десятилетия после реформы 1861 г. крестьянское хозяйство переживало период застоя. И лишь с середины 1880-х г.г., под прямым влиянием, с одной стороны, железных дорог и запросов рынка, с другой — нового поколения, ставшего во главе хозяйства, не испытавшего на себе расслабляющего и притупляющего влияния крепостного права, — в крестьянском хозяйстве начинают усиленно развиваться травосеяние, посевы льна, картофеля и свеклы, молочное хозяйство и т. д. Если в первое время рынок только отбирал у крестьянина продукты его хозяйства, понижая потребление им хлеба, молока, льна и шерсти на одежду, и не давая ему ничего взамен, так как выручаемые за продукты деньги шли у крестьянина главным образом на уплату податей и выкупных платежей, —то к концу XIX в. под влиянием запросов рынка начало замечаться развитие производительных сил крестьянского хозяйства, в строении которого появились глубокие перемены: развитие денежных отраслей, приспособленных к требованиям рынка, повышало доход крестьянина и вместе с тем создавало прочную основу для развития в стране обрабатывающей промышленности, железных дорог и городской жизни. В начале 1870-х г.г. А. Н. Энгельгардт имел основание сомневаться в плодотворности влияния на крестьянское хозяйство молочных артелей, несших в него меновые отношения. Но утверждения Николая — она, что развитие меновых отношений «ведет к уменьшению успешности земледельческого труда» и их следствием оказывается «несоразмерно низкая и притом постоянно понижающаяся производительность его (крестьянина) собственного труда» *), — представляют собою в 1890-х г.г. явный анахронизм. Н. — он упустил из виду то развитие производи-

*) Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, 1893, стр. 74, 188.

тельных сил крестьянского хозяйства, которое началось с середины 1880-х г г, и происходило в форме развития его денежных отраслей. Весь тот прогресс, который связан с деятельностью земской агрономической организации и работою сельскохозяйственной кооперации, происходит в денежной части крестьянского хозяйства; натуральная его часть, напротив, не обнаруживает никаких признаков развития и ее техника носит чисто традиционный характер

Теорию влияния рынка на сельское хозяйство дал Тюнен в его классическом «Уединенном государстве». Он исходит из двух предпосылок, в высшей степени упрощающих современную ему сельскохозяйственную действительность: 1) сельское хозяйство носит вполне денежный характер, его продукты предназначены исключительно для продажи, и 2) рынок для сбыта сельскохозяйственных продуктов расположен в центре равномерно плодородной равнины, лишенной других путей сообщения, кроме гужевых. Благодаря этим двум предпосылкам Тюнен получает возможность выделить из всей массы моментов, определяющих организацию сельского хозяйства, один фактор — экономическое расстояние от рынка, т. е. издержки перевозки, и проследить влияние большего или меньшего расстояния на систему хозяйства в различных поясах равнины. При гужевом транспорте издержки зависят исключительно от веса груза и расстояния, на которое этот груз перевозится: стоимость перевозки одного пуда прямо пропорциональна числу верст, которые этот пуд проходит. Чтобы совершенно устранить влияние прочих экономических моментов, Тюнен предполагает, что перевозка товаров производится в свободное от полевых работ время, на лошадях и телегах, употребляемых в сельском хозяйстве. При подобной организации и технике транспорта, когда издержки прямо пропорциональны весу груза и проходимому им расстоянию, производство малоценных громоздких товаров должно концентрироваться около рынка сбыта, а вдали от центрального рынка, на окраинах равнины должны производиться товары высокой ценности и малого веса. Исходя из этих соображений, Тюнен устанавливает существование вокруг центрального города своего «Уединенного государства» след. шести концентрических поясов.

1) пояса огородного хозяйства,
2) „ лесных дач,
3) „ плодосменного хозяйства,
4) „ выгонного хозяйства,
5) „ трехпольного хозяйства, и
6) „ пастбищного скотоводства

В настоящее время сельскохозяйственные продукты перевозятся не на лошадях, гужем, а по железной дороге. Естественно возникает вопрос, какие изменения должна вызвать новая система транспорта в организации сельского хозяйства в «Уединенном государстве» Тюнена.

Попытаемся прежде всего установить, в чем заключаются народно-хозяйственные особенности железнодорожного транспорта. Характерною чертою этого вида транспорта является то обстоятельство, что железная дорога представляет собою предприятие, имеющее общие расходы, независящие от размеров движения. Благодаря тому, что постройка железнодорожной линии и содержание пути и станций обходится очень дорого, количество этих расходов представляет собою величину весьма значительную По свидетельству К. Я. Загорского, «из всей совокупности железнодорожных расходов только одну четвертую часть составляют издержки, непосредственно связанные с движением и возрастающие или убывающие приблизительно в одинаковой пропорции с количеством перевозок» *). Расходы специальные, — на тягу, перевозку и ремонт рельсов и их принадлежностей, — завися от величины движения, растут, однако, медленнее, чем масса транспорта Поэтому, чем больше плотность движения, т. е чем больше масса транспортируемого товара по расчету на единицу пути, тем меньше будет расход на единицу товара и тем дешевле, следовательно, может быть транспорт. Для всякой железной дороги решающее значение имеет плотность движения, количество грузов по расчету на единицу пути. Если дороге удалось привлечь большое количество грузов, она будет доходна и железнодорожные тарифы могут быть понижены; если грузов мало, дорога будет приносить убыток и расходы на перевозку единицы товара будут высоки Из этой основной особенности железнодорожного транспорта по сравнению с гужевым, — необходимости для безубыточной эксплуатации дороги известной плотности товарного движения — вытекает прежде всего невозможность сохранения тарификации товаров по весу, характерной для гужевого транспорта. Громоздкие, малоценные товары не могут оплачивать высоких тарифных ставок, по которым перевозятся высокоценные товары. Поэтому, железные дороги вынуждены устанавливать для них более низкие тарифы. Вместе с тем, железные дороги не могут принять и систему тарификации товаров по ценности, так как им пришлось бы тогда или перевозить дешевые товары по явно убыточному тарифу, не оплачивающему даже прямых расходов на тягу и перевозку, или же установить для до-

*) К. Загорский Теория железнодорожных тарифов, 1901 г., стр. 32.

рогих товаров тарифы, далеко превышающие расходы при гужевом транспорте. Как комбинируют железные дороги эти два принципа тарификации, по весу и по ценности, можно видеть на конкретном примере действовавших перед началом мировой войны русских железнодорожных тарифов. Цена пуда различных товаров исчислена нами на основании данных о русском экспорте за пять лет 1904 — 1908 г г.; относительно дров взяты данные за 1909 год. Во второй графе приведена стоимость перевозки этих товаров за первую тысячу верст:

	Цена	Пуда	Тариф	В % %
Бумажные ткани	35 р.	63,7 к	93,33 к	2,6%
Масло коровье . . .	13 „	47,6 „	50,00 „	3,7%
Кожи невыделанные	13 „	06,5 „	34,16 „	2,6%
Свинина соленая	6 „	40,5 „	34,92 „	5,5%
Лен	4 „	42,7 „	24,83 „	5,6%
Пшеница . .	— „	98,9 „	18,88 „	19,1%
Рожь	— „	81,3 „	18,88 „	23,2%
Доски . .	— „	38,2 „	11,00 „	28,8%
Дрова	— „	12,4 „	8,33 „	67,2%
Руда железная . . .	— „	9,8 „	9,04 „	92,2%

Чем дешевле товар, тем ниже тариф на его перевозку и, вместе с тем, тем большую долю его рыночной цены поглощают издержки транспорта. Подобная система тарификации грузов находит свое об'яснение во влиянии тарифа на количество перевозимого по железной дороге товара, т е на плотность движения Понижение тарифа далеко не всегда увеличивает количество транспортируемых товаров Еще А. И. Чупров заметил, что не всякое изменение в стоимости провоза сопровождается соответствующим изменением цен перевозимых предметов, и не всякая перемена в ценах отражается на количестве товаров, поступающих на железную дорогу При перевозке на расстоянии 1000 верст по русским железным дорогам, понижение тарифов на 50% приведет к удешевлению бумажных тканей на 1,3% и железной руды — на 45,9%. Очевидно, такое радикальное изменение тарифа, как понижение его на 50%, почти не отразится на цене аршина ситца; напротив, на цену железной руды оно окажет решающее влияние. Чем более значительную часть рыночной цены товара составляют издержки на его перевозку, тем сильнее влияние железнодорожных тарифов на эту цену. Далее, понижение цены товара в том лишь случае увеличивает количество транспортируемых товаров, если может быть увеличен соответствующим образом как спрос, так и предложение товара Спрос на предметы личного потребления на местном рынке является величиною

очень устойчивой, подвергающейся лишь постепенным и медленным изменениям; иной характер носит спрос на мировом рынке, на котором та или другая группа производителей может вытеснить своих конкуррентов и сразу увеличить свой сбыт на 50,100 или 200%. Далеко не всегда возможно и расширение производства, особенно в области сельского хозяйства. Если весь избыточный хлеб данной местности уже поступает на железную дорогу, понижение тарифа на его перевозку отразится на количестве транспортируемого хлеба лишь через несколько лет, когда произойдут соответствующие изменения, — если они произойдут, — в организации сельского хозяйства этой территории. Поэтому, понижение тарифов даст желательный для железных дорог эффект в том лишь случае, если им открывается доступ к рынкам сбыта для новых производительных областей, которые были до тех пор отрезаны от рынков дороговизною перевозки. Обстоятельство это привело к введению дифференциальных тарифов, при которых для районов, уже вовлеченных в меновой оборот, сохраняются старые ставки, пониженные же вводятся только для новых районов, до сих пор не имевших рынков сбыта. Так, например, на наших железных дорогах за перевозку зерновых хлебов с пуда и версты взималась следующая плата:

с	1— 180	в. . . .	—1/25 к.
„	181— 344	„	—1/63 „
„	345— 800	„	—1/68 „
„	801—1120	„	—1/84 „
„	1121—2779	„	—1/115 „
свыше	2779	„ . .	—1/80 „

Последняя ставка вызвана была боязнью конкурренции на мировом рынке дешевого сибирского хлеба, т. е. соображениями экономической, а не железнодорожной политики.

Наконец, для железных дорог выгодно не всякое понижение тарифа, которое поведет к повышению плотности движения и, следовательно, к некоторому понижению издержек перевозки, а лишь такое, благодаря которому издержки перевозки уменьшаются в большей мере, нежели понижена провозная плата. Последнее соотношение может наблюдаться лишь на малоценных товарах, сильно реагирующих на понижение тарифных ставок *).

В силу этого обстоятельства главное значение для железных дорог имеют громоздкие, малоценные товары Именно этими де-

*) Ср. А. И Чупров. Железнодорожное хозяйство, изд 1910 года, стран. 219 — 221, 251 — 253.

шевыми товарами живут железные дороги, — сборами за их перевозку они оплачивают как свои издержки, так и выдаваемые акционерам дивиденды.

Этот краткий анализ экономических оснований железнодорожных тарифов позволяет нам ответить на поставленный выше вопрос, как отразится введение парового транспорта на организации сельского хозяйства в «Уединенном государстве» Тюнена

Замена гужевого транспорта паровым, удешевив перевозку, должна прежде всего вызвать увеличение ширины всех поясов «Уединенного государства». По данным, собранным в начале 90-х г г гужевая перевозка обходилась в России на близких расстояниях ⅓, ¼ и 1/5 коп, с пуда и версты, на далеких 1/6—1/8 коп., реже 1/10 коп. *) Таким образом перевозка гужем пуда ржи за 1000 верст должна была обходиться от 1 руб. до 1 руб 66,7 коп., тогда как в настоящее время по железным дорогам она обходится 18,9 коп., в 5 — 9 раз дешевле. По рассчетам Тюнена, в его время гужевая перевозка поглощала всю рыночную цену ржи на расстоянии 49,95 миль от рынка, т. е около 350 верст; на русских железных дорогах плата за перевозку с'едает всю рыночную цену ржи при пробеге в 6504 версты, т. е. на в 18½ раз большем расстоянии Но паровой транспорт в разной мере удешевляет перевозку товаров различной ценности. При гужевом транспорте стоимость перевозки определялась исключительно весом груза; при паровом — провозная плата определяется и весом груза, и его ценностью Чем дешевле товар, тем меньшую плату взимают железные дороги за его перевозку. Так, перевозка пуда бумажных тканей обходится на русских железных дорогах, при 1000 верстах пробега, в 93,3 коп., а перевозка пуда дров — всего в 8,3 коп., в 11 раз дешевле. Благодаря этому внутренние концентрические пояса «Уединенного государства», производящие громоздкие малоценные товары, увеличатся в большей мере, чем наружные пояса, производящие высокоценные продукты.

Таким образом, анализ тарифной политики железных дорог приводит нас к заключению, что и для современной экономической действительности, в которой такую видную роль играет паровой транспорт, остается в силе основное положение Тюнена, что расстояние от рынка, или условия сбыта сельско-хозяйственных продуктов оказывают определяющее влияние на организационный план сельских хозяйств, — поскольку они втянуты в меновой оборот, — и интенсивность их сельско-хозяйственного производства.

---

*) К. Загорский. Теория железнодорожных тарифов, стр. 110—111

Влияние рынка мы можем выявить и на массовых данных о русском крестьянском хозяйстве. Для этого нам придется обратиться к данным 1897 — 1900 г г.: в 1897 г. была произведена всеобщая перепись населения, к 1900 г приурочены многие сводные работы о сельском хозяйстве вообще и крестьянском хозяйстве в частности, заключающие в высшей степени ценные данные. В основу нашей сводной таблицы мы положили расстояние от рынка, измеряемое высотою местных осенних цен на рожь в 1896 — 1900 г г., исчисленных на основании II выпуска «Свода статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века». Из приведенных в этом источнике погубернских данных, мы для каждого из 13 районов, на которые обычно делятся 50 губ Евр России, вычислили среднюю арифметическую. Мы думаем, что эти цифры могут служить некоторым показателем цен на сельскохозяйственные продукты, хотя способ собирания сведений о ценах мало удовлетворителен, и для сельского хозяйства имеют определяющее влияние не только цены на рожь, но и на все остальные продукты сельского хозяйства, притом для каждого района в особой пропорции, географические изменения которых, особенно цен на продукты скотоводства и торгово-технические растения, далеко не параллельны изменениям цен на рожь. За отсутствием других данных, мы вынуждены были остановиться на ценах на одну рожь, придавая им значение лишь приблизительных индексов цен, удачно констатирующих удаленность каждого района от мирового рынка. Затем мы помещаем те данные о строении крестьянского хозяйства, которые являются показательными для степени его интенсивности: количество продуктивного скота, коров и свиней, на 100 дес. посева, количество пара, выгонов и лугов по отношению к площади посева и % этой площади, занятой трудоемкими культурами, льном, коноплею и картофелем. Далее в 6-й графе мы поместили сведения о сборе хлебов с десятины посева за 1891 — 1900 г г ,вычисленные нами на основании погубернских данных, приведенных в «Материалах Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года комисси по исследованию вопроса о движении с 1861 года по 1900 г. благосостояния сельского населения Европейской России»; в 7-й графе помещены сведения о валовой доходности десятины посева, вычисленные для каждого района на основании погубернских данных П. Н. Соковнина *).

В таблицах г Соковнина нет сведений о Донской области и Прибалтийских губерниях. Затем, в 8-й и 9-й графах мы приводим данные о земледельческом населении, его плотности и размерах переселения в Сибирь. Численность лиц, живущих сель-

*) Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле, с поуездными данными, 1906, стран. 11 — 12.

ским хозяйством, заимствована нами из переписи 1897 года. Так как в бюджете многих крестьянских семей, особенно в промышленных губерниях, крупную роль играли деньги, присылаемые их членами, занятыми отхожими промыслами, то, чтобы устранить влияние этого фактора на плотность земледельческого населения, мы сочли более правильным ограничиться данными о числе лиц мужского пола, живущих земледелием; за основание при исчислении плотности взята нами не вся площадь района, даже не вся площадь надельных земель в районе, а одна лишь посевная площадь. Ненадельные земли, хотя и являлись дополнительным источником средств существования для крестьянского населения, не играли, однако, в его бюджете значительной роли. Частновладельческие и государственные земли, обрабатываемые за счет владельцев, служили для крестьян лишь источником заработков, поденных, сдельных и сроковых; арендуемые земли, при наблюдавшейся высоте арендной платы, в лучшем случае только оплачивали затраченный на них труд крестьянина, и лишь скупленные крестьянами частновладельческие земли играли в их бюджете такую же роль, как и надельные. К сожалению, нам неизвестна площадь посева на этих купчих землях. Но и из надельных земель, для исчисления плотности населения, мы взяли только часть их, именно посевные площади, мы полагаем, что надельные земли различных районов в целом, благодаря разнице климатических, почвенных и топографичесчих условий, совершенно между собою несравнимы, — напр., что может дать нам сравнение площади надельной земли, приходящейся на душу крестьянского населения в губерниях Вологодской, Виленской, Тамбовской и Оренбургской? Ничего или почти ничего. Напротив, посевные площади этих губерний, как основной фактор крестьянского хозяйства, вполне соизмеримы между собою. По всем этим соображениям мы исчислили плотность земледельческого населения (мужского пола) по отношению к посевной площади на надельных землях. В следующей графе помещены данные о переселении крестьян в Сибирь в 1896—1900 гг.; так как переселялись туда исключительно земледельцы, то, для определения относительной силы переселенческого движения из различных районов, мы отнесли абсолютное число переселенцев к числу душ мужского пола, занимавшихся земледелием в 1897 году. В двух следующих графах мы приводим сведения о поденной плате рабочему во время уборки хлебов за 1897 — 1901 г.г, исчисленной из погубернских данных и выраженной в копейках и пудах ржи Наконец, в последней графе мы поместили данные о вкладах в Государственные сберегательные кассы на 1 января 1901 года лиц, занятых земледелием и сельскими промыслами, исчисленные на 100 дес. посева.

	Цена пуда ржи	На 100 дес посева на надел земле				Обор хлебов с дес посева	Вал. дох. с дес. посева	Земледельцев муж п на 100 дес посева	Переселилось в Сибирь	Поденная плата		Сумма вкладов на 100 дес посева
		Рог. скота	Свиней	Торг. тех. растений	Кормовой площади					В копейк	В пуд. ржи	
	Коп.	Шт.	Шт.	Дес.	Дес.	Пуд	Руб	Чел	Чел	Коп.	Пуд.	Руб
1. Крайние северные губ.	83	111,7	7,4	7,4	490,6	44,6	37,8	106 0	0,5	78	0,94	563,0
2. Приозерные „	81	84,5	14,0	12,8	533,8	41,9	39,4	94,8	0,3	68	0,84	587,6
3 Прибалтийские „	75	96,9	51,6	17,5	190,4	56,0	—	62,8	1,4	72	0,96	863,9
4. Литовские „	65	74,3	45,6	13,1	136,6	37,8	33,5	88,4	1,5	48	0,74	313,4
5. Моск. промышл. „	63	62,0	13,2	12,9	198,1	43,4	37,4	65,4	0,3	72	1,14	971,5
6. Белорусские „	62	78,5	51,2	14,7	152,9	42,4	33,1	93,5	3,4	55	0,89	416,8
7. Новороссийские „	57	50,0	15,5	3,0	117,8	33,7	23,6	46,3	1,1	84	1,47	80,6
8. Юго-западные „	55	61,9	35,4	5,7	98,4	48,1	30,5	112,8	0,6	51	0,93	129,7
9. Малороссийские „	51	52,2	27,7	7,4	93,5	38,9	27,4	80,7	6,5	67	1,31	146,7
10. Центр.-земледельч. „	51	37,7	16,9	8,9	93,9	40,9	27,7	69,7	4,3	63	1,24	243,9
11. Средневолжские „	48	38,4	10,2	5,0	104,6	38,0	23,9	61,5	1,5	56	1,17	257,2
12. Приуральские „	45	52,0	9,6	4,4	249,1	44,8	25,4	51,4	1,1	53	1,18	132,8
13. Нижневолжские „	43	50,6	6,0	1,9	354,8	29,6	21,7	48,9	2,2	68	1,58	101,9
В среднем	60	54,1	19,1	7,0	172,1	39,4	27,9	67,0	2,2	65	1,08	269,0

Посмотрим, что дает эта таблица по интересующему нас вопросу. С первого же взгляда на нее мы видим, что с ростом цен интенсивность крестьянского хозяйства повышается, с их падением — понижается. Некоторое сомнение в этом отношении могут вызывать губернии приуральские и нижневолжские, в которых количество рогатого на 100 дес. выше, чем в губерниях центрально-земледельческих и средне волжских. Но в этих губерниях скотоводство имеет совершенно иное хозяйственное значение, чем в других губерниях Европейской России Об организации крестьянского хозяйства в наших восточных и юго-восточных губерниях дают представление следующие данные о количестве скота, распределении культур и угодий (на 100 десятин посева):

	Рогат скота	Свиней	Торг. техн. растения	Кормовой площади
Пермская губ. .	74,0 шт.	12,9 шт.	4,1 дес.	347,9 дес.
Уфимская губ	56,1	9,7	2,4	385,4
Оренбургская г	66,9	3,4	2,5	762,4
Астраханская г	140,4	10,9	1,7	629,9
Донская обл. .	73,9	15,5	3,2	259,2

Губернии эти, в хозяйственном отношении, представляют собою переход к западно-сибирским, средне-азиатским и северно-кавказским губ. и обл В них низкие цены на хлеб благоприятствуют развитию пастбищного скотоводства, стоящего совершенно независимо от земледелия. Согласно теории Тюнена, наибольшее количество скота на единицу посевной площади должно наблюдаться вблизи рынков сбыта, в районе высоких цен; затем количество скота непрерывно падает, по мере падения цен на сельскохозяйственные продукты, вплоть до района пастбищного скотоводства, где скотоводство развивается независимо от земледелия и, следовательно, число штук продуктивного скота на единицу площади посева увеличивается. Возвращаясь к основной таблице, мы найдем, что, в общем, чем меньше рогатого скота приходится на единицу посевной площади в районе, тем меньше развитие в нем свиноводства, тем меньший процент посевной площади занят культурою торгово-технических растений и тем меньше кормовая площадь, приходящаяся на 100 дес. посева; развитие пастбищного скотоводства не сопровождается увеличением свиноводства и посевом торгово-технических растений. Рассматривая всю совокупность этих генетических признаков, в связи с данными о ценах на рожь и сборе хлебов с десятины посева, мы можем заметить влияние пертурбационных моментов, не зависящих от условий сбыта сельскохозяйственных продуктов. Сюда надобно отнести прежде всего влияние климата, сильно сказывающегося в северных губерниях:

	Рогат. скота	Свиней	Торг техн. растения	Кормовой площади
Архангельская губ	212,7 шт.	0,3 шт.	5,7 дес.	543,7 дес.
Олонецкая губ. .	132,9	5,7	6,5	2728,2
Вологодская губ . .	103,0	8,0	7,5.	485,9
Новгородская губ.	89,4	9,7	8,1	410,8

Далее, влияние естественных условий, именно, бесплодия почвы, можно заметить в литовских губерниях, сельское хозяйство которых, не смотря на более высокие цены, стоит ниже чем в белорусских губерниях. Особенно сильно сказывается этот момент в Виленской губ, давшей в 1891-1900 годах только 34 пуда с десятины· в ней на 100 дес. посева приходится только 72,9 шт. скота и 12,1 дес под торгово-техническими растениями. Совсем другого рода моменты обнаруживают свое влияние в промышленном и новороссийском районах: в обоих этих районах цены на продукты сельского хозяйства делают возможною значительную его интенсификацию, но недостаточная населенность некоторых новороссийских губерний и занятие обрабатывающею промышленностью в московском районе мешают этому Но если на систему хозяйства плотность земледельческого населения не оказывает определяющего влияние, то на некоторые другие стороны народнохозяйственной жизни, — например, на заработную плату сельских рабочих и количество вкладов земледельческого населения в сберегательных кассах, — влияние ее весьма значительно. В общем, заработная плата за сельскохозяйственные работы выше в районах интенсивного земледелия и ниже — при экстенсивных системах; выраженная в пудах ржи, она обнаруживает обратное отношение. В трех районах поденная плата пешему рабочему несоответственно низка, — в литовских губерниях, отличающихся малоплодородной почвой, в густонаселенных юго-западных губерниях и в губерниях белорусских, давших также высокий процент переселенцев в Сибирь. Напротив, высокая заработная плата наблюдалась в двух районах с редким земледельческим населением, промышленном и новороссийском, в малороссийских губерниях, густо населенных, но давших очень высокий процент переселенцев в Сибирь и в губерниях нижневолжских. Еще показательнее данные о сбережениях земледельческого населения. Чем выше интенсивность сельского хозяйства какого-либо района, тем большая, в общем, наблюдается в сберегательных кассах сумма сбережений по рассчету на 100 дес. посева. Но есть и отступления от этого правила. Чрезмерно низкую сумму сбережений дали два перенаселенных района, юго-западный и малороссийский, и один редко населенный — новороссийский, в котором все сбережения, повидимому, идут на развитие сельского хозяйства. Несоответственно большую сумму сбережений дали два другие района с ред-

ким земледельческим населением, центрально-промышленный и прибалтийский.

Итак, массовые данные о строении русского крестьянского хозяйства показывают, что близость к рынку оказывает определяющее влияние на его интенсификацию.

В нашей литературе однако господствует взгляд, что определяющее влияние на строение крестьянского хозяйства оказывает не рынок и уровень цен на сельскохозяйственные продукты, а плотность населения.

Так, на влияние плотности населения на системы земледелия, наряду с влиянием рынка, указывал еще И. Вильсон в конце 1860-х г. г.*). На этой же точке зрения стоял Н. А. Каблуков. По его мнению, «постепенно экстенсивные системы земледелия, рассчитанные, главным образом, на большие пространства свободных земель, с ростом населения заменяются системами более интенсивными, требующими при меньшей площади более значительного приложения труда и капитала. Таким образом, за известными пределами густота населения прямо вынуждает переход к высшей системе земледелия. Таково основное направление в развитии земледельческого хозяйства, нарушаемое, однако, различными историческими условиями.. Отдаляется этот переход и тем, что при обработке ранее пустовавших заокеанских земель применяется экстенсивная система земледелия, а хлеб с этих земель доставляется в страны с плотным населением, для которых и получается существование экстенсивного хозяйства как бы рядом с ними А это создает такую дешевую цену хлеба, по которой он не может производиться в хозяйствах с интенсивной обработкой земли. Конечно, это должно отдалять переход к такой обработке**). По мнению Б. Д. Бруцкуса, «переход к более интенсивным системам хозяйства является вынужденным следствием сгущения населения»***)

А. В.Чаянов полагает, что «в каждый данный момент хозяйственный режим какого - либо района количественно определяется плотностью населения, устанавливающей об'ем хозяйственной деятельности и степень интенсивности, и качественно рыночными и естественно - историческими условиями, устанавливающими содержание хозяйственной деятельности и наиболее рентабельные формы сочетания технических факторов»****) Вообще все экономисты, приписываю-

---

*) И. Вильсон, Об'яснения к хозяйственно — статистическому атласу Европейской России, 1869 г., стр. 46 — 7, 68 — 9.

**) Н. Каблуков, Об условиях развития крестьянского хозяйства в России, 2-е издание. 1908 г., стр. 308 — 9.

***) Экономия сельского хозяйства, Берлин, 1923, стр. 69.

****) A. Tschajanow. Die Lehre von der bauerlichen Wirtschaft. стр. 129 — 30.

щие семье крестьянина, ее рабочему или потребительскому составу определяющее влияние на строение и об'ем крестьянского хозяйства, видят движущий фактор развития сельского хозяйства не в рынке и ценах, а в росте плотности населения.

Наиболее видными представителями этой теории являются А И. Скворцов, А. А. Кауфман, А. Н. Челинцев и Н П. Огановский

По мнению проф. Скворцова, в вопросе о влиянии рынка на организацию сельского хозяйства решающее значение имеет характер транспорта. При гужевом транспорте рынок оказывал это влияние. «Тюнен вовсе не случайно положил в основу своего исследования влияние транспорта и расстояния от рынка, а не иное какое-либо условие, влияющее на характер хозяйства. Он остановился на факторе расстояния, потому что при существовавшем в то время способе транспорта, расстояние от рынка являлось повелевающим условием для той или иной организации хозяйства». Дороговизна гужевого транспорта и свойственная ему тарификация по весу, безотносительно к ценности продукта, умаляла значение естественных условий и преимуществ. «Тюнен был прав, предположив в своем «Уединенном государстве» всюду одинаковые естественные условия (климат, почву и топографическое положение); при тех условиях транспорта, которые имели место в «Уединенном государстве», разница естественных условий не могла существенно изменить его выводов и не потому только, как он думал, что пределы «Уединенного государства» не велики, но еще и главным образом потому, что условия транспорта подавляли влияние различия в естественных условиях, не давали им резко обнаружить свое значение. Другими словами, прежний транспорт давал огромные преимущества именно географическому положению (растоянию рынка), но зато не давал выразиться в полной мере влиянию преимуществ области по отношению к производству того или другого продукта. Современный же торговый транспорт, обратно, выдвигает на первый план и даже усиливает значение естественных преимуществ по отношению к производству, подавляя в то же время значение географического положения, т. е. близости от рынка. Поэтому, заключает проф. Скворцов, мы должны не только принять во внимание преимущества каждого района по отношению к производству того или другого продукта, но именно исходить из этих преимуществ, чтобы прийти к выводу о расположении отраслей хозяйства в современном мире». Паровой транспорт открыл возможность приспособления сельского хозяйства к условиям почвы и климата. «Огромное удешевление транспорта уничтожает значение того единственного фактора, который вынуждал концентрическое расположение систем хозяйства (полеводства) в «Уединенном государстве» Тюнена и, наоборот, выдвигает вперед значение естественных факторов, определяющих строй хозяйства, и, следовательно, дает возможность сделать хо-

зяйства технически рациональными; при этом каждое хозяйство будет производить, при помощи соответствующих приемов, только те продукты, которые (при данных естественных условиях) могут быть произведены в наибольшем количестве и наилучшего качества с единицы площади и, вместе с тем, с наименьшей, сравнительно с другими областями и хозяйствами, затратой труда и капитала»*).

Большинство из этих соображений А. И. Скворцова вполне правильны Несомненно, дорогой гужевой транспорт в соседстве больших городов, поскольку его недостатки не компенсировались дешевым водным транспортом, приводил к совершенно иррациональному использованию природных данных. Дешевый паровой транспорт, ослабив влияние расстояния от рынка, сделал возможным более рациональное приспособление системы сельского хозяйства к условиям почвы и климата. Отсюда, однако, вовсе не следует что паровой транспорт «уничтожил» влияние рынка, вынуждавшего концентрическое расположение систем хозяйства в «Уединенном государстве». Подобное влияние железных дорог могло бы иметь место в том лишь случае, если бы им свойствена была тарификация грузов по их ценности. Именно это и утверждает проф. Скворцов; он говорит, что «железные дороги, устанавливая тариф по ценности и давая особые льготы отдаленным от рынка районам (дифференциальные тарифы), достигают таким образом того, что район сбыта малоценных товаров в высокой степени расширяется и если не сравнивается, то сильно приближается по размерам районов товаров наиболее ценных... Главной особенностью железных дорог, или современного парового транспорта вообще, является содействие расширению района сбыта малоценных товаров, если не в большей степени, чем высокоценных, то вовсяком случае в такой мере, что радиусы районов того и другого рода товаров делаются почти равными»**) Районы сбыта товаров различной ценности могли бы стать равными или почти равными и в том лишь случае, если бы провозная плата за одно и то же расстояние брала у них одну и ту же долю рыночной ценности или, как говорит проф. Скворцов, если бы единственною основою железнодорожного тарифа была ценность товаров. Между тем, железным дорогам свойственна совершенно иная система фиксации провозных плат, — по ценности и весу, которая приводит к значительному расширению концентрических колец «Уединенного государства» особенно внутренних, но никоим образом не к их уничтожению. Поэтому, железные дороги лишь ослабили, но не

*) Влияние парового транспорта на сельское хозяйство, стран. 625, 630 — 631, 698.

**) Влияние парового транспорта, стр. 305, 307; см. также Основы экономики земледелия, ч. I. стр. 103.

уничтожили влияния экономического расстояния от рынка на организацию сельского хозяйства. Также неосновательны и дальнейшие выводы проф. Скворцова, что интенсивность сельского хозяйство «стремится уравняться в различных областях» и «вовсе не убывает от центра современного «Уединенного государства» к его границам, как она убывала у Тюнена»*).

Отвергнув влияние рынка, проф. Скворцов утверждает, что при паровом транспорте определяющее влияние на формы хозяйства имеют природные условия «Определяющим моментом, говорит он, для существования или развития в данной области той или иной системы хозяйства и системы полеводства являются те естественно-исторические условия, которые мы назвали географическим положением и геологическим строением страны.. Взамен преобладания фактора — пути сообщения, — которым определялось в схеме Тюнена расположение систем хозяйства и полеводства, — в современном мире, где значение расстояния, благодаря усовершенствованию техники сношений в значительной мере упало, выступает на первый план значение местных естественных условий, которыми, в конце концов, определяется не только система хозяйства и система полеводства и вообще техника и экономика местного земледелия, но и ход развития внеземледельческой промышленности, а, следовательно, и вся общественно-экономическая структура»**). Последовательно развивая далее эту мысль, проф. Скворцов дает нам классификацию систем хозяйства, основанную на природных условиях. В основу деления им положен климат, главным образом его влажность. Одни страны имеют влажный, морской климат; им свойственна скотоводственная система хозяйства, так как важнейшие кормовые растения, травы и корнеплоды, нуждаются в большем количестве воды чем растения зорновые. Другим странам свойствен климат более или менее сухой, континентальный; тем из этих стран, которые в период открытия железных дорог имели редкое население, свойственна зерновая система хозяйства, так как зерновые хлеба довольствуются относительно сухим климатом, требуя, вместе с тем, значительного содержания в почве азота и фосфорной кислоты в удобоусвояемой форме. Наконец, в густо населенных странах с сухим климатом развивается техническая система хозяйства, требующая затраты большого количества труда на единицу площади***) Все эти три системы хозяйства, — правильнее их называть типами хозяйства, — и зерновая, и скотоводственная, и техническая, — могут быть самой различной высоты интенсивности. Как замечает

---

*) Влияние парового транспорта, стр. 699, также стр. 625.

**) Основы экономики земледелия, ч. II, вып. I, стр. 108, 112.

***) Влияние парового транспорта, стран. 598 — 624; Основы экономики земледелия, ч. I, 1900 г., стран. 35 — 37

проф Скворцов, «почти в каждой системе хозяйства найдутся предприятия или группы предприятий, весьма резко различающихся между собой по степени интенсивности. Так, хозяйство оренбургского хозяина и английского февмера будут с одинаковым правом называться скотоводственными, так как и то и другое добывают главный доход от продажи продуктов скотоводства Но, конечно, в способе ведения этих хозяйств, как и в высоте интенсивности их — разница громадная»*)

Интенсивность хозяйства зависит не от системы (или типа) хозяйства, а от «системы полеводства» по терминологии профессора Скворцова, которая «указывает, какими способами и приемами хозяин достигает поставленной им себе цели.. При этом она характеризует и количественную сторону приложения капитала, интенсивность хозяйства»**). Таким образом, для суждения о степени влияния рынка на интенсивность системы сельского хозяйства для нас важны не «системы хозяйства», которые допускают различные степени интенсивности, а «системы полеводства». Однако, вряд ли можно говорить о «системе полеводства» при огородном хозяйстве или кочевом скотоводственном хозяйстве; между тем, мы и можем и должны судить о степени интенсивности этих двух сельско-хозяйственных организаций С другой стороны, трудно климат средне-азиатских степей, в которых ведется скотоводственная система хозяйства, признать морским. Очевидно, классификацию форм сельского хозяйства, предложенную проф. Скворцовым, нельзя признать удачной. Естественные условия, климат, почва, топография, несомненно оказывают, при современной дешевизне парового транспорта, значительное влияние на соотношение разничных отраслей сельского хозяйства; но не эти условия определяют соотношение различных факторов сельского хозяйства, труда, капитала и земли, иными словами, организационный план сельско-хозяйственного прдеприятия. Выдвинув на первый план влияние естественно-исторических условий, которые и при паровом транспорте имеют лишь второстепенное значение, проф. Скворцов придал всей своей системе искусственный, не отвечающий действительности характер. Его «системы полеводства» ближе подходят к основным вопросам организации сельского хозяйства Но чем вызывается переход от экстенсивных систем хозяйства к интенсивным? Отрицая влияние рынка проф. Скворцов приписывает этот переход демографическому фактору, приросту населения, его плотности. При проведении железных дорог в странах с континентальным климатом, густо населенные местности введут более интенсивные системы полеводства, чем области с

*) Основы экономики земледелия, ч. I, стран. 38.

**) Основы экономики земледелия, ч II, вып I-й, стран. 4

редким населением*); при выработке схемы географического распределения различных отраслей хозяйства приходится принимать во внимание, по его мнению, кроме естественных условий, также «воличину землевладения и величину хозяйственных единиц, а в связи с этим и населенность страны»**).

«Населенность страны, говорит проф. Скворцов в своей позднейшей работе, густота населения в ней является одним из важнейших факторов экономической эволюции. Причины такого влияния населенности страны понятны чем гуще населенность страны, тем больше должно быть общественное разделение труда тем, говоря вообще, выше должна быть производительность труда каждого отдельного члена общества, ибо тем дробнее специализация функций; а так как специализация является одной из важнейших предпосылок для совершенствования в отправлении данной функции, то вместе с тем, в этой специализации заключается и элемент прогресса»***)

Конечно, разделение труда и специализация увеличивают производительность труда и, следовательно, общественно-полезны, но для их усиления недостаточно густоты населения, их рост невозможен без роста национального капитала При недостаточно быстром его накоплении происходит падение производительности труда, создается аграрная перенаселенность страны, в городах растет хроническая безработица и уровень жизни населения падает Тогда население начинает переселяться на слабо населенные окраины или эмигрировать из страны; но верный своей теории о пользе роста густоты населения при всяких экономических условиях, проф Скворцов осуждает переселения, — ибо «ослабляя населенность центральных областей государства, расселения задерживают экономический прогресс этих областей, и в этом смысле явление это нежелательно, особенно, конечно, тогда, когда оно принимает значительные размеры»****)

Статистика населения учит нас, что как прирост населения, так и его плотность определяется чисто экономическими моментами. Проф. Скворцов, напротив, утверждает, что экономика земледелия зависит от плотности населения. Очевидно, вопрос этот не так прост, чтобы его решение было для всех самоочевидным. Но так как у проф. Скворцова мы никаких дальнейших соображений по данному вопросу не находим, то нам приходится обратиться к другим сторонникам мысли об экономической выгодности роста плотности населения при любых экономических условиях.

---

*) Влияние парового транспорта, стран. 599

**) Ibid, стр. 636.

***) Основы экономики земледелия, ч. I стр. 290.

****) Там же, ч. I, стр. 300.

Обратимся прежде всего к проф. А. А. Кауфману. Этот экономист с сочувствием цитирует слова В. Чаславского из его статьи в «Сборнике государственных знаний» 1873 г.: «Известно, что увеличение населения в какой бы то ни было местности и связанное с ним стеснение в землях всегда вынуждает переход к новой системе хозяйства... У крестьян разных категорий, даже живущих бок о бок, могут встречаться совершенно разнородные культуры и системы; так, в центральной полосе Самарской губ., на юго-восточной окраине Екатеринославской губ у государственных крестьян можно найти еще перелоги, между тем как у помещичьих хозяйство уже трехпольное; у колонистов-болгар на берегу Азовского моря, близ Бердянска, при большом наделе, хозяйство переложное, между тем как рядом у помещичьих крестьян трехпольное»*).

Аналогичные явления были констатированы и в некоторых земских статистических сборниках. Эти эмпирические данные приводят А. А. Кауфмана к постановке вопроса: каково же, на самом деле, отношение между размерами земельного обеспечения крестьян и прогрессом крестьянской агрикультуры, или, конкретнее, что же способствует этому прогрессу, — земельное утеснение, как утверждают одни, или достаточный размер земельного обеспечения, как думают другие?

По А А Кауфману, крестьянское хозяйство может быть приведено к агрикультурном прогрессу только земельным утеснением «Расширение размеров крестьянского землевладения и улучшение крестьянской культуры, если только иметь в виду случаи относительного малоземелья, не только не могут быть рассматриваемы, как явления, параллельно действующие, а тем более — как друг друга обусловливающие, — это скорее явления, полярные друг другу.. Коренное изменение системы хозяйства наступает исключительно при увеличении населения и при связанном с ним стеснении в землях Совершенно верно, что для улучшения крестьянского хозяйства недостаточно одной необходимости — нужны еще знания и материальные средства. Но ведь и наоборот, для улучшения хозяйства недостаточно знаний и материальных средств, — необходимо еще и давление фактора нужды, фактора малоземелья, без которого ни знания, ни материальные средства не будут направлены в сторону качественного улучшения крестьянского хозяйства. Пока крестьянин будет иметь какую либо возможность, — а возможность эту и дает переселение, — продолжать вести хозяйство издавна принятыми первобытными или вообще экстенсивными путями, до тех пор он не пожелает приобретать тех знаний, которые помогли бы ему улучшить свое хозяйство, мало

*) А. Кауфман. Переселение и колонизация. 1905, стр. 165, 168, 201.

того — он будет относиться к улучшениям с недоверием и сомнением, — а средства, какие попадутся ему в руки, он направит не на улучшение, а исключительно на расширение его хозяйства Только когда ему будет «некуда податься», «некуда попириться», — только тогда он направит всю свою энергию в другую сторону, — в сторону коренного улучшения своего хозяйства И это — не гипотеза, а факт. В одной и той же местности, при несомненно равных условиях умственного и культурного развития и при отсутствии разницы в материальной обеспеченности, сплошь и рядом наблюдаются существенные различия в способах и приемах крестьянского хозяйства, в зависимости исключительно от размеров надельного обеспечения»*). И в другом месте: «Плотность населения является основным фактором, определяющим состояние сельского хозяйства, а сгущение населения — основным моментом, определяющим его эволюцию, в частности стимулирующим переход от первобытного экстенсивного хозяйства, истощающего землю, к интенсивному хозяйству, развивающему ее производительные силы»**)

Отсюда отрицательное отношение А. А. Кауфмана к переселениям при относительном малоземелии, которые являются, по его мнению, бегством от культуры и затраты на которые с гораздо большею пользою для народного хозяйства могли бы быть обращены на качественное улучшение крестьянского хозяйства и повышение его интенсивности***).

Дальнейшее развитие этих идей мы находим у проф. А. Н. Челинцева. Этот экономист во многом расходится с А. И. Скворцовым. Так, напр., он решительно протестует против деления стран на сельскохозяйственные районы по природным условиям, — морской и континентальный климат А. И Скворцова! — так как при этом делается та ошибка, «что в один район включают местности, кои не одинаково далеко ушли в экономической и, в частности, сельскохозяйственной эволюции, и, наоборот, места, экономически однородные, дробят на части. Экономические особенности сельских хозяйств данной местности, например, сельскохозяйственные растения, техника и организация сельских хозяйств и все запросы его имеют своим началом особенности экономических условий, но не условия природы. Между названными особенностями сельского хозяйства и природными условиями параллелизма, вообще говоря, не существует. Этот параллелизм в чистом виде может быть встречен только в местностях с однородными в

*) А. Кауфман, Переселение и колонизация, стр. 201.

**) А. Кауфман, Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства, 1918, стр. 1.

***) Переселение и колонизация, стр. 135, 195, 202.

общем экономическими условиями»*) А. Н Челинцев не принимает также неудачного деления А И. Скворцова на «системы хозяйства» и «системы полеводства». Возвращаясь к теории Людоговского**), он считает основным вопросом сельскохозяйственного производства вопрос о производительности хозяйственной площади и поддержании ее на прежней высоте; поэтому, в основу классификации систем сельского хозяйства должны быть положены приемы поддержания плодородия почвы***).

Поэтому, А. Н. Челинцев никоим образом не может считаться последователем А И. Скворцова; тем не менее, мы решаемся утверждать, что взгляды А. И. Скворцова оказали на него глубокое и определяющее влияние — в вопросе о влиянии цен и прироста населения на эволюцию сельского хозяйства.

Отвергнув теорию Тюнена о влиянии рынка, проф. Скворцов естественно выдвинул на первое место влияние природных условий и плотности населения Точно также и А Н. Челинцев мог признать решающее влияние на систему хозяйства плотности населения и его прироста, лишь признав убедительной критику теории Тюнена, данную проф Скворцовым. Игнорирование теории Тюнена, как теории устарелой и опровергнутой, привело А. Н. Челинцева к ряду тяжких недоразумений. Так, например, он замечает в своих «Очерках»: «в интенсивных и обильнее снабженных скотом местностях (западн., юго-западн., северо-западн., промышл.) цена на мясо, несмотря на их многоскотность, высока, тогда как в более экстенсивных местностях, имеющих низкие мясные цены (в северо-залежных и южно-залежных), многоскотность продолжает существовать вопреки низким ценам на мясе»****). Проф. Челинцев не замечает, что эти факты не опровергают, а подтверждают теорию Тюнена: по этой теории многоскотность существует как вблизи рынка сбыта, при высоких ценах, так и вдали от этого рынка, при низких ценах, малоскотен лишь средний пояс трехпольного хозяйства. В другом месте проф. Челинцев говорит «Можно указать на многие примеры из массового русского сельского хозяйства, когда господствующая продукция данных сель-

---

*) Очерки по сельскохозяйственной экономии, напеч. в «Сельском хозяйстве и лесоводстве», 1910 г., сентябрь — декабрь, стр. 262 — 263.

**) Ср. его «Основы сельско-хозяйственной экономии»,1875 г., и статью «К учению о системах земледелия», помещ. в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство», 1872 г., кн. IX — XI.

***) Труды подсекции статистики XII с'езда русских естествоиспытателей и врачей 1909 — 1910 г.г., стр. 246. Ср. «Очерки по сельскохозяйственной экономии», ibid, стр. 265.

****) «Сельское хозяйство и лесоводство», 1910 г, сентябрь — декабрь, стр. 733 — 734.

скохозяйственых произведений имеет место, несмотря на сравнительно самые низкие цены и, следовательно малый спрос, но когда эта продукция вызывается типом организации соответствующей данной плотности (наибольшая мясная продукция в окраинных восточных и юго-восточных губерниях, несмотря на наименьшие мясные цены и проч). Или, наоборот, продукция известных сельскохозяйственных произведений сокращается, несмотря на самые высокие цены и на их рост; напр., относительное сокращение мясной свиньеводственной продукции в Царстве Польском. В какой нибудь Оренбургской губернии редкость населения и связанное с ней господстве залежной системы требуют пока содержания повышенного количества рогатого скота, именно в экстенсивной форме; а в Парстве Польском — при высшей в стране плотности населения и интенсивности хозяйства — даже свиньеводственная мясная продукция перестает быть достаточно трудоемкой сравнительно, напр., с свежемолочной продукцией»*). О том, что большое количество степного скота в восточных и юго-восточных губерниях не противоречит теории Тюнена, мы уже говрили Что же касается вытеснения производства свиней производством на продажу молока, — то и этот факт не противоречит, а подтверждает выводы Тюнена. Развитие по мере приближения к рынку и роста цен, производства более громоздких продуктов за счет более ценных является основным законом «Уединенного государства». Между тем, именно на основании этого рода данных, совершенно неверно понятых и истолкованных, А. Н. Челинцев заключает, что отношения к рынку являются не причиною того или другого строя сельского хозяйства, но или следствиями последнего или сопутствующими явлениями, которые имеют общую с этим строем причину в густоте местного населения. «Таким образом, говорит он, беря сельское хозяйство в процессе эволюции, мы видим на примере скотоводства, что не цены на сельскохозяйственные продукты и их повышение должны обусловливать рост интенсивности сельского хозяйства, но рост самых цен и интенсивности сельского хозяйства совершается параллельно росту местного населения, несущего с собою все более напряженное требование хлеба — работы. Цены на сельско-хозяйственные продукты и интенсивность — явления сосуществующие, но не обусловливающие в конечном счете друг друга»**). Еще яснее эта мысль формулирована А. Н. Челинцевым в докладе, читанном в 1912 году в Имп Вольном Экономическом Обществе. Проф. Челинцев указывал в нем, что одним из препятствий «к установлению районов по разным типам

*) Труды Имп. Вольного Экономического Общества, 1912 г., №№ 3—4, стр. 91.

**) «Сельское хозяйство и лесоводство», 1910 г., сентябрь—декабрь стр. 732.

организации сельского хозяйства были господствующие (часто и до сих пор) преувеличенные представления о власти рынка, рыночных цен на сельскохозяйственные продукты и вообще рыночных кон'юнктур над сельским хозяйством. При наличности этих представлений, внимание исследователей уклонялось от исканий более или менее независимой линии развития сельскохозяйственного производства и от того, что по природе вещей в этом производстве, взятом на протяжении больших районов, замечается приспособление рыночных отношений и цен к состоянию сельскохозяйственной продукции, обусловленному плотностью населения»*). Логичным дополнением к этому взгляду на отношение между рынком и ценами, с одной стороны, плотностью населения, с другой, является утверждение полной независимости размножения населения от экономических условий А. Н. Челинцев много раз возвращается к этому вопросу и говорит, что «универсальным двигателем сельского хозяйства в направлении повышения производительности его является само неудержимо размножающееся население и дифференциация занятий последнего», что «перестраивание это совершается со стихийно непреложной силой под воздействием стихийно совершающегося умножения населения и индустриализации занятий последнего.. прирост населения делает рост сельскохозяйственной продукции одновременно и неизбежным, и возможным»; прирост населения оказывает на сельское хозяйство «формирующее действие»**).

Так ставил проф. Челинцев вопрос в своих первых работах. В бюджетном исследовании хозяйства крестьян Тамбовской губернии мы находим уже значительное изменение его первоначальной точки зрения. В этой работе утверждается уже не независимость размножения населения от экономических условий, а, напротив, зависимость прироста населения от его материального благосостояния. Так он говорит о приросте населения в Тамбовской губернии, что его величина «больше в многоземельных южных частях губернии, меньше всего в малоземельных нечерноземных у., большая промысловость последних не ослабила угнетающего влияния малоземелья. При недостатке своей земли, т. е. при наступившем земельном утеснении возможность аренды сказывается увеличением прироста населения. Косвенно незадержанный прирост населения указывает на достаточность заработка, средств к жизни, сокращающийся же прирост — на задержку в расширении заработка. Зависимость прироста крестьянского населения от наличности арендного фонда, т. е от возможности экстенсивного расширения

*) Труды Имп. Вольного Экономического Общества, idib, стр. 78.

**) Сельское хозяйство и лесоводство, ibid, стр. 255; Труды подсекціи статистики, ibid, стр. 245; Труды Имп. Вольного Экономического Общества, ibid, стр. 52 — 53, 72 — 73.

сельскохозяйственного производства, свидетельствует о затруднении для крестьянства своевременно поднимать доход от него путем достаточно быстрой интенсификации его; эти затруднения и выталкивают часть прироста населения»*). Еще определеннее он говорит в другом месте: «Поскольку совершающийся здесь хотя и замедленный прирост населения идет за счет поднятия производительности земли и предполагает прогрессивные сдвиги сельского хозяйства, последние выражались в земледелии расширением площади картофеля, отпуска волокна конопли, увеличением унавоживания полей, каковые можно предполагать вслед за расширением скотоводства, и вместе с тем повышением урожая хлебов. Если, однако, с под'емом сельского хозяйства, имеющем место в нечерноземной половине губернии в той мере, как это отмечено выше, прирост населения шел замедленно, несмотря на то, что часть его поглощалась неземледельческими промыслами, то это означает, что этот под'ем сельского хозяйства земедлен и недостаточен. Ни в земледелии, ни в животноводстве население не могло найти само выхода из создавшегося положения, чтобы удержать весь свой прирост на прежний территории»**). Губернии угрожает в будущем «перенаселенность со всеми ее печальными экономическими и политическими последствиями»***)

Поэтому, если в первых своих работах «формирующее действие» на крестьянское хозяйство А. Н. Челинцев приписывал только размножению населения, совершающемуся со стихийною силою совершенно независимо от экономических условий, то теперь он указывает уже два «основных условия» сельского хозяйства — плотность населения и об'ем рынка. «Некоторые из экономических отношений — говорит А. Н Челинцев — являются постоянно дѣйствующими на сельско-хозяйственное производство, независимо от последнего Мы хотим сказать здесь о приросте наличного крестьянского населения, который имеет место повсюду в губернии и который, как пресс, всегда требует и предполагает соответствующее изменение сельскохозяйственного производства. При медленности последнего прирост населения задерживается но все таки абсолютно он остается, согласно сказанному ранее, достаточно значительным, чтобы оказывать свое действие на изменение сельского хозяйства Прежняя территория сельского хозяйства должна кормить и давать заработок все большему числу ртов и рук. Точно также и в отношении внегубернского рынка на сельскохозяйственые продукты. Рынок этот растет и насчет спроса внутри страны, и — заграницы. Поэтому, позволяя реали-

*) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства.. Тамбовской губ., 1919, стр. 40.

**) Там же, стр. 116—117; ср. также стр. 53—4, 119—124, 192—3.

***) Там же, стр. 639.

зовать все большие массы сельскохозяйственных продуктов из числа соответствующих наличному строю сельскохозяйственных производств в губернии, и в количестве, которое позволяет, как максимум, этот строй сельского хозяйства, сельскохозяйственный рынок является условием, поднимающим сельскохозяйственную продукцию в губернии. Он позволяет получить добавочные массы продуктов сверх своего и внутригубернского рыночного потребления, при этом таких продуктов, которые наличный организационный строй сельского хозяйства допускает произвести и которые без этого сбыта не получались бы в нем»*)

Рынок, само собою разумеется, содействует развитию денежных отраслей крестьянского хозяйства, а рост плотности населения оказывает формирующее действие на его натуральную часть. «Под влиянием наростания суммы потребностей, сжимать кои далее крестьянскому хозяйству делается невозможным, — суммы потребностей, все более удаляющих его с сельскохозяйственного рынка, как поставщика, — производительность хозяйственной площади в хозяйствах с «уплотненным населением» выростает. Таким образом, несмотря на то, что фактически все большая часть произведенных у себя сельскохозяйственных продуктов обращается в натуральный оборот в самом хозяйстве, минуя рынок, в значительной степени только в связи с наростанием числа едоков на одной и той же площади идет стихийная переорганизация сельского хозяйства в направлении повышения производительности каждой десятины хозяйства, а вместе с тем и в соотношении основных отраслей его.. Таким образом в пределах натурально-потребительского назначения продуктов идет повышение производительности земли и это связано, конечно, не с ростом внехозяйственного (рыночного) спроса на сельскохозяйственные продукты, а обязано внутрихозяйственному уплотнению населения»**).

Аналогичную эволюцию, но только зашедшую гораздо более далеко, испытали и взгляды Н. П. Огановского. В начале своей литературной деятельности, в 1908-1911 гг., он определенно считал, что интенсификация сельского хозяйства совершается «под влиянием роста населения»***). Или как говорит Н. П. Огановский в первом томе «Закономерности аграрной эволюции», «рост населения играет решающую роль в эволюции сельскохозяйственного производства.. Между степенью развития производительности земли (природной или являющейся результатом человеческой деятельности) и населенностью существует прямая неразрывная связь... Рост населения и его потребностей есть самостоя-

*) Там же, стр. 125.

**) Там же, стр. 182—3

***) Борьба за землю, т I, 1908, стр. 106.

тельный фактор эволюции сельскохозяйственного производства, оказывающий на ее ход наиболее сильное влияние... Уплотнение населения вообще и земледельческого в частности, есть обязательный основной фактор сельско-хозяйственной эволюции, и чем быстрее происходит рост населения, тем быстрее сменяются фазисы эволюции, системы хозяйства и усложняются процессы труда. Густота населения прямо пропорциональна производительности земли... В реальной обстановке истории решающий фактор эволюции (сельского хозяйства, С. П.) — рост населения»*).

В то же время рост населения является самодовлеющим фактором, независящим от экономических условий. Это положение, являющееся одним из основных в системе взглядов Н. П. Огановского, обосновывается весьма своеобразными и в высшей степени неудовлетворительными соображениями. Огановский рассуждает следующим образом: «Теперь возникает такой вопрос: есть ли рост населения фактор самодовляющий или, наоборот, он сам зависит от уровня развития сельскохозяйственного производства? Мы знаем, напр., что каждый неурожай влечет за собой увеличение смертности и сокращение прироста населения. В России нормальный естественный прирост равняется в последние десятилетия 14,5 чел. на тысячу; но в 1892 г. после неурожая он понизился до 4,8 чел. на 1000, т. е. втрое против нормального. Совершенно верно, но, во первых, неурожай отражается только на приросте одного года, во вторых, на приросте отражаются только слишком резкие неурожаи, которые бывают сравнительно редко; в третьих, на падении прироста в 1892 г. отразилась и холера; наконец, в четвертых, неурожаи бывают лишь при экстенсивных системах Неурожай — случайное, а не постоянное явление, которое далеко не всегда отражается на приросте населения. Вообще же, если сумма продовольственных средств не спускается ниже минимума, рост населения не зависит от уровня развития сельскохозяйственного производства... Рост населения, поэтому, по отношению к сельскохозяйственной эволюции можно считать фактором самодовлеющим: т. е. самостоятельно влияющим на сельскохозяйственное производство. Размножение населения, подобно размножению любого вида животных, происходит, не считаясь с запасом продовольственных средств для существования»**)

Эти утверждения Н. П. Огановского прямо противоречат основным учениям демографии и биологии.

Развитие рынка и денежных элементов в сельском хозяйстве Н. П. Огановский также приписывает росту населения. По его мнению, промышленный рост Европы и развитие американского

*) Закономерность аграрной эволюции, ч. I, 1909 г., стр. 170, 171, 174—5, 206, 211.

**) Закономерность аграрной эволюции, I, стр. 172—3.

земледелия «имеют одну общую причину своего развития — именно быстрый прирост населения. Не будь роста населения Европы, не было бы и заокеанского земледелия, а вместе с тем не было бы и мирового товарообмена сельскохозяйственных продуктов Итак, товарообмен не есть первопричина новых хозяйственных форм в земледелии; его возникновение, как и этих форм, есть следствие двух причин· а)убыстренного роста населения, б) того факта, что сельское хозяйство Европы, благодаря специфическим свойствам производства, не могло доставить продовольственные средства возросшему населению так же быстро, как, напр., на фабриках приготовляется обмундирование солдат во время внезапной военной мобилизации Отсюда вывод: и своеобразный ход эволюции сельского хозяйства, и рассеяние земледелия, и порожденный им товарообмен вместе с новыми формами предприятий — все это следствие двух основных причин: специфических свойств эволюции сельскохозяйственного производства и роста населения»*). И в другом месте: «Плотность населения влияет не только на систему хозяйства: она влияет на самый рынок. Как только население в стране достигает большой плотности и система земледелия интенсифицируется — страна из вывозящей хлеб превращается в ввозящую.. Таким образом, направление мирового рыночного оборота находится в зависимости от плотности населения»**)

Таким образом, рост плотности населения действует на развитие систем сельского хозяйства и прямо, и через посредство рынка В результате, «в связи с ростом населения, эволюция сельскохозяйственного производства переживает три фазиса. В первом до-земледельческом фазисе население настолько редко, что человек не нуждается в развитии производительности земли посредством ее обработки, а довольствуется теми продуктами природы, которые она дает без участия человеческого труда Это фазис звероловного и пастушеского быта. При дальнейшем увеличении населения является необходимость к переходу на земледелие, т. е. к развитию производительности земли в прямом смысле этого слова. Развитие производительности земли, сообразно с плотностью населения, достигается двумя способами, двумя системами земледелия: расширением эксплоатации даровых запасов природы вообще и почвы в частности и планомерным постоянным развитием естественного плодородия почвы. Так как запасы природных благ ограничены, то первая система возможна лишь до известных пределов, за которыми, при дальнейшем возрастании населения, она неизбежно должна смениться второй. Эпоху пре-

*) Закономерность аграрной эволюции, стр. 162 — 3

**) Очерки по истории земельных отношений в России, 1911 г, стр. 539.

обладания первой системы мы называем экстенсивным фазисом эволюции сельскохозяйственного производства, эпоху преобладания второй — интенсивным фазисом»*).

Свои взгляды по вопросу о влиянии плотности населения на сельское хозяйство Н. П. Огановский резюмирует в следующих кратких положениях: «Совершаясь в различные периоды времени, сельскохозяйственная эволюция, находясь в зависимости от одного и того же основного фактора, — роста населения, проходит однотипичные этапы, однородные фазисы во всем мире». «Основной принцип эволюции (сельскохозяйственного, С П.)производства развитие производительности земли, происходящее под влиянием роста и умножения населения»**)

Затем во взглядах Н П. Огановского произошла существенная перемена. В 1914 г он пишет: «Два основных фактора создают стихийную эволюцию (сельского хозяйства, С. П.): уплотнение сельскохозяйственного населения и развитие рынка для сельскохозяйственных продуктов. В русской экономической литературе теперь поднимается спор о том, какой из этих факторов является первостепенным. Одни авторы (г. Лященко, С Н. Прокопович) выдвигают на первый план роль рынка, другие (А. Н Челинцев, А. И. Скворцов) наиболее важным фактором эволюции считают рост и уплотнение земледельческого населения. Этот спор, в нынешних условиях, приобретает не только теоретическое, но и практическое значение, так как от решения этого вопроса в ту или другую сторону, в значительной мере зависит построение организационных планов крестьянского хозяйства, которое является первоначальной задачей общественной агрономии»***). Таким образом, Н. П. Огановский еще несколько лет тому назад говоривший, что сельскохозяйственная эволюция определяется исключительно ростом плотности населения, теперь, в 1914 году, признал влияние на него двух факторов. Отсюда возможность значительного расхождения между производительностью сельского хозяйства и плотностью населения, которое при старых взглядах Н П. Огановского было вещью совершенно невозможной (вспомним его положение: густота населения прямо пропорциональна производительности земли). По его мнению переселенческое движение «во все периоды и во всех местностях порождается одной общей глубокой причиной — несоответствием плотности земледельческого населения господствующей в данном районе системе хозяйства. Системы хозяйства почти всюду в Росси отстали от плотности населения и эта отсталость порождает экономическое осу-

*) Закономерность аграрной эволюции, стр. 292.

**) Очерки по истории земельных отношений в России, стр. 3 и 612

***) Обновление земледельческой России и аграрная политика, вып. I, 1914 г, стр. 7.

дение и чувство земельной тесноты, особенно острое в нижних слоях земледельческой массы Поэтому малоземельные крестьяне тех районов, в которых городская жизнь развивается сравнительно слабо, представляют из себя запасные кадры переселенческой армии, всегда готовые ринуться с места при каждом более или менее подходящем поводе»*).

Эволюция взглядов Н. П. Огоновского на этом не остановилась. Следующий шаг вперед он сделал в «Очерках по Экономической географии Р. С. Ф. С. Р.», вышедших в 1923 г. В этой новой своей работе он по прежнему, как и в 1914 году, считает, что сельское хозяйство развивается под влиянием двух факторов — плотности сельского населения и размеров рынка сбыта этих продуктов**). Но влияние рынка он рисует такими яркими красками, что вплотную подходит к точке зрения тех экономистов, которые, следуя за Тюненом, приписывают рынку определяющее влияние на современное сельское хозяйство. «Роль плотности местного сельского населения, говорит он, является превалирующей до тех пор, пока в данной стране или районе господствует натуральное хозяйство, удовлетворяющее одни лишь насущные потребности самого производящего населения. Когда же наряду с земледелием в данной стране или районе начинает развиваться промышленность, и наростает городское население, пред'являющее также большой спрос на сельскохозяйственные продукты, — этот спрос, иначе говоря, рынок, становится новым фактором, также сильно влияющим на систему хозяйства. Переход от паровой зерновой системы полеводства с трехпольным севооборотом к более интенсивным в странах с умеренным климатом, господствующим в областях европейской культуры и в России невозможен без образования рынка; ибо продукты интенсивного земледелия: корнеплоды (свекла, картофель), масличные (лень конопля, подсолнух) и прочие, так называемые промышленные растения; равно как и продукты интенсивного скотоводства — специально откормленный скот, масло, птица, яйца, а также огородничества, садоводства и т. д. производятся главным образом не для собственного потребления, а на продажу. С другой стороны, средства производства интенсивного земледелия — усовершенствованные орудия, искусственное удобрение, улучшенные семена — земледелец также приобретает на рынке. Иначе говоря, интенсификация сельского хозяйства обусловливается развитием рыночных отношений. Интенсивное земледелие без развитого рынка мы встречаем только в жарких субтропических и тропических странах, — напр. в Китае и Индии, где исключительные климатические условия позволяют снимать по несколько жатв в год. В странах же умеренного

---

*) Там же, стр. 85.

**) Очерки по экономической географии Р. С Ф. С Р., ч I, Сельское хозяйство, 1923 г., стр. 14, 40

климата, как в России и Западной Европе, если плотность сельского населения в данной стране начинает перерастать нормальную для данной системы хозяйства — при отсутствии рынка, эта страна вступает в полосу аграрного кризиса Так и случилось с Россией, когда во второй половине XIX века плотность сельского населения, в большинстве земледельческих районов, превзошла вышеуказанный предел в 40 чел. на кв. версту, а развитого рынка, т. е. большого количества населения, не производящего, но потребляющего покупные сельскохозяйственные продукты, еще не было»*). Несмотря на полунатуральный характер русского крестьянского хозяйства, «рынок в XX веке для земледелия России играл важную, во многих случаях первенствующую роль. Рыночные отношения являлись одним из главных факторов, толкавших земледелие западных и центральных районов к интенсификации, и юго-восточных и восточных к экстенсивной безудержной распашке пустующих земель послужившей одной из причин неурожаев и аграрного кризиса в этих районах после революции»**).

Раньше Н. П. Огановский верил, что производительность земли прямо пропорциональна густоте населения. Теперь, при более обстоятельном знакомстве с даннымы сельскохозяйственной статистики, он убедился, что это далеко не так. «Для развития производительных сил еще не достаточно одного уплотнения земледельческого населения и увеличения затраты капитала и труда. Нужно, чтобы эти затраты производились рационально, чтобы труд окупался соответственным под'емом сельскохозяйственной продукции. Что уровень под'ема сельскохозяйственной продукции далеко не всегда связан с уровнем плотности земледельческого населения — видно из следующего сопоставления:

	На 00 дес обрабатываемой земли приходится сельского населения	Урожайность главных зерн. хлебов в пуд с 1 дес.
Европейская Россия	91	46
Австро-Венгрия	126	80
Франция	84	85
Германия	107	108
Великобритания	79	126

«В Великобритании, где плотность земледельческого населения наименьшая, урожайность, т. е. производительность земли оказывается максимальной. Европейская Россия, которая, если сделать расчет населения на посевную площадь, окажется первой страной по плотности сельского населения, по производительности земли отстает от всех европейских стран в два-три раза. Отсюда наиболее острой, самой жгучей потребностью сельского хозяйства

*) Там же, стр. 35 — 6.

**) Там же, стр. 138.

в России является рационализация наблюдающегося сейчас стихийного стремления крестьян к ломке старых способов хозяйства и содействия им к переходу на более интенсивные системы земледелия, способные восстановить нарушенное убыстренным ростом населения равновесие между производительностью земли и производительностью человеческого труда. Для интенсификации земледелия один необходимых элемент — соответственная плотность, т. е. потребные запасы физического труда и отчасти капитала имеются налицо. Но одного этого элемента недостаточно. Переход к интенсивным системам, в пределах стран европейской культуры, обусловливается не только уплотнением земледельческого населения, но и ростом городов и индустрии — т. е. развитием рынка»*). Вообще, «общее развитие рыночных отношений является непременным условием перехода к интенсификации, к рационализации сельского хозяйства, что ведет к развитию производительных сил в сельском хозяйстве»**). С другой стороны, «относительно большая плотность населения не всегда и не везде является стимулом к развитию рыночных отношений. Например, в Австралии, где большая часть европейских насельщиков сосредоточилась в городах, крайняя редкость сельского населения не препятствует развитию рыночности экстенсивного сельского хозяйства»***).

Из этого теоретического построения вытекают очень интересные практические следствия в области экономической политики. «Для наступающей сейчас, говорит Н. П. Огановский, эры реорганизации народного и, в особенности, сельского хозяйства России развитие рынка не только внешнего, а еще более, пожалуй, внутреннего является непременным постулатом для дальнейшего сельско-хозяйственного прогресса... До революции фокусом, на котором сосредоточивалось общественное внимание, являлись земельные отношения Для последующей эры XX века основной осью экономической политики должно стать развитие рыночных отношений, как внешних, так особенно внутренних»****).

Этот отказ, в сущности, Н. П. Огановского от учения о плотности населения, как факторе, определяющем эволюцию сельского хозяйства вообще и строение крестьянского хозяйства в частности, не может считаться решением интересующего нас вопроса. Как показал нам обзор высказанных сторонниками этого учения положений и аргументов, в русской литературе о крестьянском хозяйстве господствует интуитивное убеждение в этом влиянии. Но когда дело доходит до формулировки этого убеждения, каждый экономист формулирует его по своему, в положениях и доказательствах, часто противоречающих положениям и доказательствам

*) Там же, стр. 176—7.
**) Там же, стр. 180.
***) Там же, стр. 237.
****) Там же, стр. 237, 238.

его единомышленников, так что мы до сих пор не имеем единой, общезначимой научной формулировки теории влияния плотности населения на системы сельского хозяйства. Поэтому, отказ от этой концепции Н. П. Огановского не обязателен для других ее сторонников. Лишь систематический анализ вопроса, с тщательным разбором каждого положения и строгим взвешиванием каждого аргумента, может дать нам его решение.

Как и в большинстве неверных политико-экономических теорий, в основе этого учения лежат бесспорные факты. Неверно лишь истолкование этих фактов, и те выводы, которые из них делались и делаются.

Бюджетные исследования крестьянского хозяйства дают нам и по этому вопросу в высшей степени ценный материал.

Хотя с ростом землепользования крестьянского двора растет обычно и размер семьи крестьянина, тем не менее, крестьянские хозяйства с различным размером землепользования имеют весьма различную плотность или густоту населения. Так, если мы примем, что вся территория сплошь занята крестьянскими хозяйствами размером до 6,0 дес землепользования, 6,1—9,0 дес и т. д., тогда на 1 кв. версту территории, без лесов и неудобных земель, приходилось бы душ населения:

	Вельск	Вологод.	Новгород.	Тамбовск	Старобельск.
До 6,0 дес.	60,4	92,4	34,7	169,1	106,3
6,1— 9,0 дес . .	69,2	69,7	69,2	106,4	63,6
9,1—12,0 „ . .	63,4	54,7	54,5	91,2	57,0
12,1—15,0 „ . .	38,6	42,0	62,1	70,1	65,8
15,1—20,0 „ .	35,7	32,9	40,1	47,0	53,0
20,1—30,0 „ . .	30,7	23,2	32,4	45,8	41,4
более 30,0	18,0	15,3	15,8	36,0	25,5
В среднем	30,4	33,5	31,7	82,5	40,9

Параллельно росту плотности или густоты населения растет и интенсивность сельского хозяйства, которая может быть измеряема размером валового и чистого дохода с дес. землепользования или другой какой либо земельной меры. Кв верста территории, покрытая крестьянскими хозяйствами одной величины, дает след. количество валового дохода (в рублях):

	Вельск.	Вологодск	Новгородск.	Тамбовск.	Старобельск.
До 6,0 дес. .	3284,2	2532,1	2461,6	8851,0	5375,0
6,1— 9,0 дес.	2082,8	2352,6	2606,5	6018,8	4847,1
9,1—12,0 „	1674,7	1754,3	2220,2	6814,1	4514,1
12,1—15,0 „	1566,7	1698,5	1823,4	5971,6	5111,9
15,1—20,0 „	1233,0	1260,3	1480,6	5249,1	4412,9
20,1—30,0 „	1107,6	1270,9	1306,1	5711,6	4207,9
более 30,0 „	786,1	956,4	1129,8	8419,3	3680,6
В среднем . . .	1115,5	1395,2	1403,2	6525,0	4124,9

Аналогичную таблицу дает и количество чистого дохода, получаемого с 1 кв версты земельной территории·

	Вельск	Новгородск.	Тамбовск	Старобельск
До 6,0 дес. .	1264,5	1597,1	5076,1	3457,3
6,1— 9,0 дес . . .	1355,9	1845,0	4128,9	3376,8
9,1—12,0 „ . .	1009,0	1435,2	4648,3	2960,2
12,1—15,0 „ . .	1071,6	1326,9	3896,1	4043,1
15,1—20,0 „ .	785,7	1083,0	2797,6	3294,7
20,1—30,0 „	845,9	899,7	2797,1	2923,1
более 30,0 „ . .	632,1	855,5	6892,3	2587,6
В среднем	865,5	1009,0	4264,2	2904,1

Обе эти таблицы очень показательны для состояния крестьянского хозяйства в различных губерниях. По интересующему нас вопросу они в общем и целом, за исключением нескольких неправильностей, показывают, что параллельно росту плотности населения в крестьянских хозяйствах растет и доход на единицу землепользования, т. е. интенсивность сельского хозяйства. Это бесспорный факт, подтверждаемый всеми бюджетными исследованиями крестьянского хозяйства.

Но мы не можем ограничиться констатированием этого факта Нам нужно выяснить, чем он обусловлен, и оценить его народнохозяйственное значение. Мы должы проследить влияние плотности населения в крестьянском хозяйстве на производительность труда крестьян и уровень их жизни.

Показателем производительности труда в крестьянском хозяйстве может служить величина чистого дохода от этого хозяйства, приходящаяся на одного работника (в переводе на взрослого мужчину) в рублях:

	Волог.	Новгородск.	Тамбовск.	Старобельск
более 30,0 дес . . .	75,7	90,5	401,1	217,4
20,1—30,0 дес. . . .	58,6	53,2	117,8	162,6
15,1—20,0 „	51,7	49,2	122,3	134,9
12,1—15,0 „	42,9	45,7	119,3	149,3
9,1—12,0 „ . . .	31,6	46,2	99,7	109,3
6,1— 9,0 „ .	34,8	47,5	81,0	97,5
менее 6,0 дес	24,6	57,5	73,6	69,0
В среднем	46,7	58,7	109,3	153,8

Как пкоазывает эта табличка, производительность труда работника в крестьянском хозяйстве падает с сокращением его площади землепользования и ростом интенсивности ведущегося на этой площади сельского хозяйства. Исключением из общего привила является лишь хозяйства Новгородской губ, имеющие менее 12 дес. на двор· в них с сокращением площади землепользова-

ния производительность не падает, а растет. С сокращением размеров хозяйства падает и производительность одного дня работы, как мы уже указывали в другом месте (в копейках)

	Кадников у	Вологод у.
засевают 6,1 дес. и более . .	63	99,5
4,1—6,0	67	75,2
3,1—4,0	57	46,8
2,1—3,0	61	48,8
1,1—2,0 . . .	54	48,8
до 1,0	43	31,0

С понижением производительности труда падает и уровень жизни. При рассчете на 1 душу населения, размер чистого дохода в исследованных хозяйствах равняется (в рублях):

	Вологодск	Новгородск	Тамбовск	Староб
Более 30,0 дес. . .	41,2	54,0	191,5	101,6
20,1—30,0 дес. . .	36,5	27,8	61,0	70,7
15,1—20,0 „ .	23,9	27,0	59,5	62,1
12,1—15,0 „	25,5	21,3	55,6	61,4
9,1—12,0 „ .	18,4	26,3	51,0	52,0
6,1— 9,0 „ . . .	19,5	26,7	38,8	53,1
до 6,0 „ . .	13,7	46,0	30,0	32,5
В среднем	25,9	31,8	51,7	71,0

Жить на 30 руб. в год, не говоря уже о 15 — 20 р, нельзя. Отсюда — чрезвычайное развитие промысловых заработков у крестьян, особенно у малоземельных. Эти сторонние заработки составляли на 1 душу населения (рублей):

	Вологодск.	Новгородск	Тамбовск.	Староб
Более 30,0 дес. . . .	17,6	25,7	9,4	11,1
20,1—30,0 дес. . . .	16,3	25,9	4,9	5,8
15,1—20,0 „ . . .	18,1	23,5	7,8	8,0
12,1—15,0 „ . . .	20,2	18,0	16,5	2,2
9,1—12,0 „ . . .	22,4	26,6	20,3	8,8
6,1— 9,0 „ . . .	28,4	28,1	21,2	12,2
до 6,0 „ . . .	30,3	13,7	21,4	20,0
В среднем	21,7	24,2	18,1	9,5

Повидимому, крайним минимумом, отвечающим современному уровню жизни русского крестьянства, является годовой доход в 40 р. на душу.

Этот минимум в нечерноземной полосе России вырабатывается в хозяйствах, землепользование которых дестигает 20 дес.,

на черноземном юге — в крестьянских дворах с 6 и более десятин.

Крестьянские хозяйства меньших размеров могут существовать только благодаря сторонним заработкам — отчасти в крупных сельских хозяйствах, главным же образом в промышленности и транспорте.

Эти данные очень показательны.

Не трудно понять, почему интенсивность сельского хозяйства может расти только при условии роста плотности населения Интенсификация земледелия продполагаеет затрату на единицу площади большого количества единиц труда и капитала Чем гуще население, тем большее количество рабочих рук находится в распоряжении сельского хозяйства. Таким образом, рост плотности населения делает технически возможным переход к более интенсивным системам хозяйства.

Но ведь вопрос интенсификации сельского хозяйства — не только и не столько вопрос техники, сколько вопрос экономики. Эта народно-хозяйственная сторона дела выявляется в приведенных выше таблицах в виде резкого падения производительности труда крестьянина и дохода на душу населения по мере сокращения размеров крестьянского хозяйства и роста плотности сельского населения. Проф. А. И. Скворцов думал, что уплотнение труда приведет к росту разделения труда, а следовательно, и к под'ему его производительности Бюджетные данные показывают нам, что уплотнение сельского населения в условиях русской действительности, характеризующейся аграрною перенаселенностью страны, приводит не к повышению, а к понижению его производительности. Причину такого влияния роста плотности населения на производительность труда легко вскрыть. Она кроется прежде всего в сокращении площади землепользования на рабочего, — в том земельном утеснении, которое называется у нас малоземельем. На одного работника, в переводе на взрослого мужчину, приходилось десятин землепользования:

	Вельск	Волог.	Новгород.	Тамбовск.	Староб.
Более 30,0 дес . . .	10,1	12,5	11,0	6,0	8,7
20,1—30 0 дес.	5,6	7,2	6,2	4,4	5,8
15,1—20,0 „	4,9	6,8	4,7	4,6	4,3
12,1—15,0 „	4,8	4,2	3,6	3,2	3,8
9,1—12,0 „	2,9	3,3	3,4	2,2	3,8
6,1— 9,0 „	2,7	2,7	2,7	2,0	3,0
до 6,0 „	1,9	2,0	3,7	1,5	2,8
В среднем	5,9	5,5	6,1	2,7	5,5

В этом земельном утеснении А. А. Кауфман видел залог развития крестьянского хозяйства, ту силу, которая принудит

его к агрикультурному прогрессу. Мы знаем, каков этот «прогресс» — он приводит к нищете и голоду, от которых наше малоземельное крестьянство спасают только промысловые заработки. Рост производительности труда определяется прежде всего двумя моментами: связью с рынком, открывающей возможность развития доходных отраслей хозяйства, и ростом капитала хозяйства, дающего средства на их развитие и надлежащее оборудование средствами производства.

Как влияет теснота связи с рынком на производительность труда крестьянина, можно видеть из след, таблицы. По принятому шаблону, мы делим все хозяйства на две группы: с % денежности валового дохода до 30, которую для краткости мы обозначаем «натуральной» группой хозяйств, и с % денежности выше 30, — «денежную» группу. Одна рабочая сила, в переводе на полного работника, производит в течение года след. количество ценностей в обеих этих группах (в рублях):

	Вологодск.		Новгородск		Тамбовск.		Старобельск.	
	натур.	денеж.	натур.	денеж.	натур.	денеж	натур	денеж.
Землепольз. до 6,0 дес.	16,8	26,8	—	57,5	60,0	98,8	63,4	71,6
6,1—9,0 дес.	19,1	44,3	50,6	44,5	67,9	102,0	60,4	125,5
9,1—12,0 „	15,7	37,2	41,6	99,0	84,8	110,7	124,4	105,5
12,1—15,0 „	27,4	46,0	47,8	39,9	99,7	137,3	94,9	167,5
15,1—20,0 „	30,4	56,1	41,7	64,1	85,4	126,6	169,6	130,5
20,1—30,0 „	44,2	60,0	48,1	73,9	—	117,8	142,3	173,6
более 30,0 „	—	75,7	70,2	130,8	—	398.9	204,4	223,8
Всего	22.5	51,7	50,7	80,0	75,8	137,7	141,6	158,9

Таблица показывает, что в денежных крестьянских хозяйствах производительность труда гораздо выше, чем в натуральных. Это — факт, имеющий решающее значение. Связь хозяйства с рынком способствует росту производительности труда крестьянина.

Что касается капиталов крестьянского хозяйства и их накопления, то по этому вопросу, за отсутствием индуктивных данных, даже в нашей бюджетной литературе господствуют самые странные мнения. Так, напр., проф. Челинцев попросту отрицает существование процесса накопления капитала в крестьянском хозяйстве Он говорит, что в нем «от заработка хозяйства за покрытием потребления семьи сбережений совсем нет или почти не остается» *), и что «в трудовом крестьянском хозяйстве размеры потребления семьи, измеряемые суммой потребляемых благ, в общем равны всему чистому заработку семьи. Это явствует как было говорено, и из теоретического представления о природе тру-

*) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства . Тамбовской губ, стр. 166.

дового хозяйства, а также и из эмпирических данных бюджетных исследований»*) Как мы старались показать в настоящей работе, особенно в гл. I и IV, теоретические представления А Н Челинцева о природе крестьянского хозяйства совершенно не отвечают действительности, что же касается бюджетных исследований, то в них, благодаря отсутствию инвентарной описи к началу бюджетного года, мы не находим индуктивных данных о процессе накопления хозяйственного имущества в крестьянском хозяйстве. Затем проф Челинцев констатирует существование сбережений — у высших посевных групп**), и у больших семей, обремененных большим числом едоков***). Результаты анализа влияния потребительского момента на валовой доход крестьянского двора и производительность труда в нем заставляют нас относиться с большим скепсисом к тому, чтобы высота накопления в крестьянском хозяйстве определялась числом в нем ртов Тут очевидно мы имеем дело с другим моментом производственного характера, находящимся в известной коррелятивной связи с числом душ в семье. Несколько иначе ставит вопрос проф. Чаянов. Он думает, что число рабочих в семье является величиной неизменной, фиксированной, к которой подгоняется землепользование и капиталовладение крестьянского двора. «Конечно, замечает А. В. Чаянов, общая густота населения в том или ином районе, условия первоначального (при освобождении от крепостного права в начале 1860-х г г) наделения и проч, часто оказываются непреоборимыми препятствиями стремлению развернуть свою земельную площадь до оптимума. Процессы накопления капитала в этом отношении более легки, но... и они требуют от хозяйства некоторого напряжения. Однако, мы все же можем.. принять, что крестьянское хозяйство, имеющее в минимуме земельную площадь и средства производства, имеет существенный стимул к развитию их до оптимума и в меру своей мощности производит это расширение.. Поэтому, если в каждый данный год об'ем хозяйства определяется наличными в этом году средствами производства, то сама по себе наличность средств производства à la longue подгоняется семьею к оптимальному об'ему хозяйства»****).

Эта наивная теория накопления мало интересна. Если трудно крестьянам арендовать землю, то еще труднее купить ее. Если им трудно найти кредит, то для многих крестьянских семей совершенно недоступно накопление собственного капитала. Не

---

*) Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, стр. 161.

**) Опыт, стр. 167.

***) Опыт, стр. 200—1, 231—2, 244.

****) Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft, стр. 63.

«некоторого» напряжения требует накопление капитала в крестьянском хозяйстве, а чрезвычайного. В главе об аренде земли мы видели, что определяющим размеры аренды моментом является хозяйственная мощь крестьянского двора. Точно также и капитал накопляет хозяйственно — сильный крестьянский двор, а не двор с большим числом душ.

В общем, накопление средств производства в крестьянском хозяйстве идет чрезвычайно медленно, и тем медленнее, чем беднее хозяйство. На работника приходилось хозяйственного имущества (в раблях)

	Вельск.	Вологодск	Новгород	Тамбовск	Староб.
Более 30,0 дес. . .	176,2	363,6	288,0	374,7	386,7
20,1—30,0 дес. . . .	119,0	231,2	200,7	306,3	297,3
15,1—20,0 „ . . .	110,2	257,4	164,2	398,9	255,3
12,1—15,0 „ . . .	148,5	192,4	134,3	269,4	284,1
9,1—12,0 „ . . .	90,2	167,1	159,5	187,7	230,7
6,1— 9,0 „ . . .	115,1	182,9	198,1	193,5	162,9
до 6,0 „ . . .	107,1	168,7	238,6	229,9	160,8
В среднем	130,2	222,6	198,7	240,5	284,2

Таким образом, в общем, чем беднее крестьянское хозяйство, тем меньшим капиталом обладает оно на работника. Некоторый рост капитала в малоземельных хозяйствах Новгородской и Тамбовской губ. имеет лишь ограниченное значение и не изменяет существа дела. Недостаток земли у массы малоземельных крестьян не только не восполняется большим количеством капитала, но еще отягощается его недостатком. При отсутствии же капитала переход к тем интенсивным системам земледелия и формам животноводства, которое практикуются в западной и средней Европе, является экономически невозможным, и производительность труда крестьянина падает. Связь с рынком ускоряет процесс накопления капитала, но незначительно. При делении крестьянских хозяйств на две группы, слабо и тесно связанных с рынком, мы найдем, что на одного работника приходилось хозяйственного имущества (в рублях):

	Натур.	Денежн.
Вологодский у.	210,0	225,4
Новгородская губ.	165,9	286,1
Тамбовская губ. . . .	218,5	259,2
Старобельский у. . .	278,0	286,8

Мы, следовательно, имеем не одну, а две формы интенсификации сельского хозяйства:

1) основанную на увеличении затрат одного труда, при уменьшении затрат капитала, — эта форма интенсификации приво-

дит к падению производительности труда и понижению уровня жизни населения;

2) основанную на увеличении затрат как труда, так и капитала, приводящую к росту производительности труда крестьянина и повышению его уровня жизни.

Эти две формы интенсификации представляют собою два совершенно различных народно-хозяйственных процесса, которые нельзя подводить под одну теорию. Ведь основным народно-хозяйственным моментом является производительность труда, а не земли. Поэтому, интенсификация сельского хозяйства далеко не всегда является положительным с народно-хозяйственной точки зрения явлением. Прогрессивны только те агрономические улучшения, которые повышают производительность труда и народный доход общества. Между тем, та интенсификация, которая сопровождает измельчание крестьянских трудовых хозяйств, приводит всегда к падению производительных сил народного хозяйства и сокращению национального дохода.

Как правильно замечает Л. Н. Литошенко, «гонимый нуждою человек может пойти на самую бессмысленную растрату своих сил и капиталов, лишь бы получить достаточно средств пропитания для своего домоводства. Стремление к увеличению чистого дохода тоже может послужить поводом к увеличению сумм прилагаемых к земле личных и материальных средств. Сопоставление интенсивности и чистого дохода в разных странах дает совершенно различные результаты. В условиях германского сельского хозяйства увеличение интенсивности хозяйства идет нога в ногу с ростом дохода на единицу затрат труда и капитала. То же самое может быть установлено для американского земледелия.. Совершенно иной смысл имеет та истинно-русская «интенсификация» сельского хозяйства, которая так радует сердца народников .. То увеличение затрат и валового продукта на единицу площади, которое так радует сердце идеологов крестьянского хозяйства, в действительности является симптомом роста населения, обгоняющего увеличение народного богатства. И мы знаем уже, что вынужденная интенсификация в отличие от рациональной покупается дорогой ценой: падает производительность человеческого труда, прилагаемого к земле» *).

Коренная ошибка всех приведенных выше рассуждений об интенсификации крестьянского хозяйства и влиянии плотности населения заключается в том, что наши экономисты, позабыв о примате производительности труда, игнорировали различие этих двух форм интенсификаций, приводящих к прямо противоложным народно-хозяйственным результатам. Б. Д. Бруцкус утверждает

*) Л. Литошенко, Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства, Москва, 1923, стр. 41 — 42.

даже, что интенсификация сельского хозяйства всегда приводит к падению производительности труда По его мнению, важнейшим условием интенсификации «является относительная дешевизна труда, ибо в нем особенно нуждается интенсивное сельское хозяйство Готовность труда в сельском хозяйстве довольствоваться скромным вознаграждением стоит в теснейшей связи с густотой населения. Поскольку более густое население вынуждено работать в сельском хозяйстве, оно прилагает свой труд в нем под действием закона убывающей производительности труда, предельная производительность его падает, и оно вынуждено мириться с его низкой оплатой, как в собственном хозяйстве, так и при работе в чужом хозяйстве» *).

Если бы интенсификация сельского хозяйства всегда приводила к падению производительности труда, как это думает Б Д. Бруцкус, — тогда она была бы вредна и с экономической, и с культурной точки зрения

В самом деле при колоссальном росте производительности труда в обрабатывающей промышленности, повышающей материальный и культурный уровень жизни горожан, сельское население, идя по пути интенсификации сельского хозяйства, согласно этой концепции, все более и более понижало бы свой уровень материальной и духовной жизни Но, как показывают судьбы крестьянства в странах Западной и Средней Европы и Сев Америки, сельскому населению этих стран вовсе не угрожает опасность превратиться в каких то париев — потому что та интенсификация, которая в них имеет место, сопровождается ростом производительности труда, а не ее падением.

Для наших сторонников интенсификации во что бы то ни стало и при всяких экономических условиях характерно также, что они совершенно игнорируют вопрос о накоплении капитала в крестьянском хозяйстве и его условиях, и обращают внимание на моменты, никакого отношения к существу дела не имеющие.

Таков прежде всего вопрос о том, какие факторы определяют интенсификацию сельского хозяйства при натуральном строе Проф. Челинцев утверждает, как мы видели, что внутри хозяйственное уплотнение населения при натуральном строе хозяйства приводит к повышению производительности земли; по мнению проф. Огановского, роль плотности населения является превалирующей, пока господствует натуральное хозяйство. Мы так плохо знаем экономию натурального строя хозяйства, и располагаем о нем столь недостаточным количеством статистических сведений, что, быть может, было бы осторожнее не высказывать таких решительных суждений. Тем более, что в них нет прямой нужды, ибо нас интересует главным образом строение русского крестьян-

*) Б. Бруцкус, Экономия сельского хозяйства, стр 96.

ского хозяйства в конце XIX — начале XX в., в котором денежные элементы играют определяющую роль.

Затем, таким же не относящимся к делу моментом является утверждение «стихийности», «самодовления» и независимости роста населения от экономических условий. Носит размножение населения самодовлеющий характер, или зависит от экономики,— этот вопрос не имеет никокого отношения к процессу накопления капитала и прогрессивной интенсификации крестьянского хозяйства.

Наконец, такой же инородный характер носит и положение, что развитие рынка и меновых отношений само определяется ростом плотности населения. А. Н. Челинцев говорил, как мы видели, о «приспособлении рыночных отношений и цен к состоянию селькохозяйственной продукции, обусловленному плотностью населения», так что «цены на сельскохозяйственные продукты и интенсивность — явления сосуществующие, но не обусловливающие в конечном счете друг друга; по Н. П. Огановскому, плотность населения определяет рынок.

Мы сомневаемся, чтобы историки хозяйственного быта могли признать устанавливаемую проф Челинцевым и проф. Огановским зависимость развития рынка и меновых отношений от плотности населения.

Итак, поскольку мы имеем в виду денежное хозяйство, плотность населения является только техническим условием перехода к интенсивным системам хозяйства; определяющие факторы этого перехода мы должны искать не в технических моментах, а в области экономики сельского хозяйства, следовательно, прежде всего в его отношении к рынку. Для тех форм интенсификации сельского хозяйства, которые приводят к развитию в нем производительных сил, к росту оплаты труда крестьян и повышению уровня их жизни, необходимо энергичное накопление капитала в крестьянском хозяйстве Но капитал этот может накопляться в тех лишь хозяйствах, продукты которых хорошо оплачиваются, и тем быстрее, чем выше цены на них. Благоприятная рыночная кон'юнктура не только делает выгодною интенсификацию хозяйства, но и создает необходимые для нее условия. Этим об'ясняется отмеченный факт, что по интенсивности хозяйства первое место в Европе занимает Англия (вместе с Бельгией), затем идут Германия и Франция, Россия же стоит на последнем месте Поэтому, при денежной системе хозяйства, плотность населения представляет собою лишь техническое условие интенсификации, а определяющим фактором является развитие рынка и рост цен.

Таким образом, если для развития промышленности нужен рост сельского хозяйства, питающего городское население, то для развития производительных сил в сельском хозяйстве необходимо развитие рыночных отношений, рост городов и промышленности,

служащих рынком сбыта для его продуктов. Рынок приобщает деревню к плодам того прогресса техники, который происходит в городе. В течение последних 150 лет в странах европейской культуры человек научился пользоваться силою пара и электричества; этот технический прогресс привел к значительному росту народного дохода на душу населения. Городской рынок, повышая цены на продукты европейского сельского хозяйства и стимулируя его интенсификацию, повышает доход европейского крестьянина и делает его активным участником этого роста национального благосостояния.

Русский крестьянин остался вне этого экономического под'ема. Кроме неблагоприятных рыночных условий, росту его хозяйства мешало то, что при отмене крепостного права он получил недостаточные наделы, а последующая экономическая и фискальная политика правительства мало способствовала расширению площади крестьянского землевладения и накоплению капиталов в крестьянском хозяйстве. Отсюда тот экономический кризис, который переживало его хозяйство в конце XIX и в начале XX века. Значительная часть нашего крестьянства не могла участвовать в общем под'еме народного благосостояния, вызванном техническим прогрессом последних 150 лет, не могла даже удержать свой уровень жизни на прежней высоте и начала периодически голодать и непрерывно нищать, переходя к все менее и менее продуктивным формам приложения труда и обнаруживая все признаки аграрного перенаселения. Падение цен всегда приводит сельское хозяйство к кризису и росту эмиграции и переселений, которые разрежая население представляют собою явления прогресивного характера. Переселения крестьян вовсе не представляют «бегства от культуры», как думал проф Кауфман, и вовсе не задерживают экономического роста тех областей, из которых идет выселение, как утверждал проф. Скворцов.

Напротив, в условиях аграрного перенаселения выселение части сельского населения в промышленные города или на редко населенные окраины несомненно является прогрессивным в народнохозяйственном отношении явлением, так как оно предохраняет крестьянское хозяйство от необходимости прибегать к таким формам интенсификации, которые не соответствуют состоянию рыночных цен и приводят к понижению производительности их труда, в то время как рядом с крестьянским хозяйством, в промышленности и в городах, идет быстрое развитие этой производительности. Где рыночные условия благоприятствовали развитию производительных сил крестьянского хозяйства, там мы видим и совершенно иные демографические последствия. Так, напр., возврат на землю, под влиянием улучшившихся условий быта, был замечен в Московской губ. Сравнение данных подворных переписей 1898 — 1900 г. и 1877 — 1881 г.г. приводит к заключению,

что в некоторых местах Московской губ. за эти 20 лет имела место обратная тяга населения в деревню. Решающее значение в этом процессе принадлежит повышению доходности земли под влиянием улучшения условий сбыта По словам П. А. Вихляева, «в этом последнем условии, т. е в повышении доходности земли совместно с понижением платежей и следует искать об'яснение факта возвращения населения на землю в обширном подмосковном районе, состоящем из большей части Московского уезда и соседних с ним волостей. Повышение доходности занятия земледельческим хозяйством в этом районе в значительной степени об'ясняется развитием менового хозяйства, связанным с непрерывным возрастанием спроса столичного рынка на различные продукты сельского хозяйства. Этой же причине следует приписать упрочение земледельческого хозяйства в западном районе Волоколамского уезда, где развитие рыночного льноводства и крупные улучшения в земледельческой технике не могли не оказать влияние на повышение доходности земли» *).

Вообще под влиянием благоприятной или неблагоприятной рыночной кон'юнктуры мы наблюдаем в крестьянском хозяйстве две основные тенденции развития. В то время как в Соед. Штатах Сев. Америки, западной и средней Европе мы находим, под влиянием промышленного расцвета этих стран, сокращение числа мелких полупролетарских хозяйств и рост или фермерского полукапиталистического или крупного трудового хозяйства, — в Восточной Европе, главным образом, в России, мы видим совсем иные тенденции развития По словам Н. П. Огановского, «здесь и в крестьянском надельном и в частном землевладении наиболее растут не средние, а нижние группы, при чем на крестьянской земле полупролетарского типа Этот процесс дробления, называемый подвижкою вниз, является следствием наростания малоземелья и одним из показателей оскудения — пауперизации» **).

Таким образом, тенденции развития крестьянского хозяйства зависят от того, насколько высок спрос на его продукты со стороны промышленности и городов. При слабом развитии городской жизни, крестьянское хозяйство обречено, под давлением роста плотности населения, на переход к менее производительным формам хозяйства и понижению уровня его жизни. Поэтому крестьянин самым прямым образом заинтересован в развитии железных дорог и водных путей сообщения, горной и фабричной промышленности. Та экономическая политика, которая мешает развитию промышленности, в конце концов всего тяжелее

---

*) Московская губ. по местному обследованию 1898 — 1900 г.г., т. IV, вып. I: «Земледельческое хозяйство», 1907, стр. 30.

**) Очерки по экономической географии Р. С. Ф. С. Р., стр. 73—74.

отражается на крестьянине и его хозяйстве, делая невозможным его прогрессивное развитие.

Но для того, чтобы промышленность могла развиваться, она должна получать от крестьянских хозяйств достаточное количество сельскохозяйственных продуктов для пропитания занятых в ней рабочих. Посмотрим, какое количество сельскохозяйственных продуктов может дать промышленности русское крестьянское хозяйство. Чтобы определить это количество, мы взяли денежную часть валового дохода крестьянских дворов от сельского хозяйства, без расходов этих дворов на покупку сельскохозяйственных произведений — скота, семян и прочее — и денежных расходов на пищу Проделав соответствующие рассчеты, мы найдем, что с 1 кв. версты территории было отчуждено сельскохозяйственных продуктов (в рублях):

	Вологодск		Новгородск.		Тамбовск		Старобельск.	
	Натур	Денеж.	Натур	Денеж.	Натур	Денеж	Натур.	Денеж
Землепользов. до 6,0 д.	—1466,7	—452,1	—	—369,8	—1886,5	—939,6	—552,1	955,2
„ 6,1—9,0 д.	—871,9	60,4	—875,0	—567,4	—829,2	1084,4	—464,6	1273,0
„ 9,1—12,0 „	—1083,4	—11,9	—834,4	2406,3	—746,9	1703,2	680,2	750,0
„ 12,1—15,0 „	—414,6	187,5	—640,6	—281,3	—191,7	1864,6	357,3	2813,6
„ 15,1—20,0 „	—334,4	36,8	—478,1	33,3	—385,4	1465,0	513,6	1277,1
„ 20,1—30,0 „	—98,6	252,1	—342,7	230,2	—	1492,1	619,0	1541,7
более 30,0 „	—	246,9	—77,8	293,4	—	2606,3	663,1	1338,2
всего	—596,5	156,2	—349,0	204,6	—783,4	1566,7	529,2	1369,2

Цифра со знаком минус означает, что в данной группе хозяйств баланс купли - продажи сельскохозяйственных продуктов дает отрицательную величину, т. е. не отчуждение, а покупку сельскохозяйственных продуктов в указанном размере. Если мы присмотримся к рядам приведенных в таблице цифр, то найдем, несмотря на некоторые неправильности, об'ясняющияся недостаточным числом бюджетов в группе для получения устойчивой средней, что хозяйства с малым развитием денежных элементов гораздо меньше продают сельскохозяйственных продуктов и гораздо больше их покупают, чем хозяйства той же величины, но с большим развитием денежных отраслей. Затем, таблица эта показывает также, что мелкие по размерам землепользования крестьянские хозяйства являются покупателями, а не продавцами сельскохозяйственных продуктов, черпая для этих покупок средства в своих промысловых заработках. Таким образом, количество сельскохозяйственных продуктов, отдаваемых крестьянским хозяйством промышленности, находится в обратном отношении с нуждою крестьянских хозяйств в промысловых заработках Крестьянство нечерноземных губ. больше нуждается в этих заработках, чем южное черноземное крестьянство, между том, оно отчуждает совершенно ничтожные количества сельскохозяйствен-

ных продуктов. Мелкие крестьянские хозяйства, особенно нуждающиеся в промысловых заработках, сами покупают, а не продают продукты сельского хозяйства. Аграрная перенаселенность страны уничтожает ее способность к экспорту сельскохозяйственных продуктов.

Как замечает Б. Д. Бруцкус, «лишь в том случае, если крестьянское хозяйство в благоприятных условиях, напр., при многоземелье или наличии выгодных рыночных конъюнктур наилучшим образом их использует и разовьет свое хозяйство за пределы того, что необходимо для удовлетворения элементарных потребностей, можно рассчитывать на такое развитие народного хозяйства, на такое наростание его емкости, что явления перенаселения в густо заселенных районах не наступят Богатое крестьянство создаст тогда рынок, который даст возможность промышленности расшириться настолько, чтобы поглотить избытки сельского населения. Проникновение крестьянства хрематистическим духом есть предпосылка благоприятного развития народного хозяйства. А важнейшими средствами для достижения этой цели является культурный под'ем крестьянства и создание в нем полной и безусловной уверенности в принадлежности ему продуктов его труда»*). Правильно также замечает Н. П Огановский, что «из бюджетных материалов по любой губернии видно, что те $^2/_3$ или $^3/_4$ зерновых продуктов, которые поступали на рынок, отчуждались не всей крестьянской массой, а преимущественно более зажиточными, многопосевными и многоскотными ее группами. Эти группы не только снабжали города и за-границу избытками своих продуктов, но и малоземельные, безхозяйные полупролетарские массы крестьян»**).

Крестьяне, в бюджете которых промысловые заработки составляют 40% и более, обычно не продают, а покупают продукты сельского хозяйства. Их земледелие и скотоводство не дают им достаточного количества продуктов питания. Поэтому, дворы таких размеров не способны к самостоятельному существованию; они предполагают производство продуктов питания в других, более мощных крестьянских хозяйствах, которые должны кормить и промышленность, и эти мелкие крестьянские хозяйства ,не обладающие достаточным количеством земли для получения необходимого количества сельскохозяйственных продуктов для продовольствия своей семьи.

Отсюда следует, прежде всего, что невозможно существование земледельческой страны, состоящей из такого рода мелких трудовых хозяйств. Промышленные страны, живущие привозным хлебом, могут позволить себе парцелляцию своей сельскохозяйственной площади. Их национальная экономия определяется ин-

*) Экономия сельского хозяйства, стр. 253 — 4.

**) Очерки по экономической географии, Р. С. Ф. С. Р., стр. 232.

тересами промышленности. Для земледельческой страны подобная парцелляция означала бы полный отказ от развития промышленности и городской жизни и падение национального дохода значительно ниже минимального европейского уровня.

На аграрную перенаселенность России уже 30 лет тому назад указывал В. Е. Постников в своих очерках южно-русского хозяйства. «Избыток, говорил он, в продуктах земледелия над собственным потреблением их земледельцами, определяющий собою об'ем запроса страны на продукты не земледельческого труда и общую сумму в стране производства и потребления, зависит в значительной мере от отношения численности рабочих сил земледелия к его площади. При излишестве в земледелии рабочих сил, теряющихся непроизводительно вследствии праздности, или ненормальных условий земледельческой техники, уменьшается общая масса продовольственных запасов и отпускаемого на рынок сырья и в то же время теряется для страны ценность всего того, что могло бы быть произведено трудом излишнего для земледелия населения». И в другом месте: «Малый размер крестьянского землевладения и хозяйства в России, не позволяющий утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи... есть коренная причина экономической бедности России. Выгоды государства, культуры, так же как и самого земледельца, требуют, чтобы размер мелкого хозяйства (считая в нем и с'емные земли) не опускался ниже нормы, соответствующей рабочей способности крестьянского двора»*).

С того времени, когда писал В. Е. Постников, эта аграрная перенаселенность русской деревни непрерывно росла, приняла характер аграрного кризиса и привела, наконец, к аграрной революции.

Таков народно-хозяйственный аспект той «интенсификации» крестьянского хозяйства, под влиянием роста плотности населения, которую так высоко ценят А. А. Кауфман и А. Н. Челинцев. Когда страна находится в состоянии аграрного перенаселения, дальнейший рост плотности сельского населения представляет собой явление отрицательное, а не положительное, ибо приводит к понижению производительности труда. Между тем, аграрная перенаселенность страны является основным фактом нашей сельскохозяйственной действительности. Поэтому именно в России не следовало бы приветствовать увеличение плотности сельского населения и видеть в нем залог прогресса сельского хозяйства.

Мы должны напомнить здесь еще один результат развития денежных отношений в крестьянском хозяйстве, на который мы уже указывали. Мы имеем в виду влияние развития связей с рын-

*) В. Постников, Южно-русское крестьянское хозяйство, стр. 322, 341.

ком на размер крестьянской семьи. Рынок, развивая потребности, несомненно, уменьшает размеры крестьянской семьи, и понижает годовой прирост сельского населения. Поэтому развитие денежных элементов в крестьянском хозяйстве и в этом отношении является одним из основных средств борьбы с аграрною перенаселенностью страны.

К сожалению, вопрос этот недостаточно разработан в нашей литературе по крестьянскому хозяйству, так как она более интересовалась социально классовой стороной аграрного вопроса, чем его экономическим содержанием. В последнее десятилетие в ней пользовалась большой популярностью идея капиталистического развития крестьянского хозяйства и распада трудового крестьянства на классы капиталистического общества: пролетариат и буржуазию. Заслуживает внимания, что эта теория была формулирована в тот именно момент истории нашего пореформенного крестьянского хозяйства, когда низкие цены на хлеб (их минимум падает на 1894 г.) свели капитало-образующую способность крестьянского хозяйства также к минимуму, и наступил упадок этого хозяйства, описанный в «Очерках» П. А. Вихляева. Между тем, для русского и даже всего европейского крестьянского хозяйства характерно деление не на пролетариат и буржуазию, а на следующие социально-экономические группы: 1) хозяйства, землепользование которых не достигает пищевой нормы, которые не продают, а покупают сельскохозяйственные продукты, слабо связаны с рынком и в бюджете которых более 40% покрывается промысловыми заработками, и 2) хозяйства, землепользование которых превышает пищевую норму и приближается к размерам рабочего участка, и связь которых с рынком настолько велика, что определяет все строение хозяйства; эти хозяйства являются главными поставщиками сельскохозяйственных продуктов на мировой рынок. Промысловые заработки в их бюджете не играют большой роли, составляя менее 25% бюджета.

Основное значение для будущего каждой земледельческой страны имеет вопрос, какая из этих типичных форм трудового хозяйства будет в ней расти и развиваться. При росте первой группы, мы фатально будем иметь усиление аграрного перенаселения, низкую производительность труда и всеобщую бедность. Борьба с этим аграрным перенаселением является основною задачей, стоявшею и продолжающею стоять перед русской демократией в области аграрной политики. Вестись эта борьба может только в направлении развития денежных элементов в крестьянском хозяйстве, развития связей с внешним рынком путем расширения сети железных дорог и водного траспорта и укрепления внутреннего рынка, т. е. развития промышленности и городов. Лишь при наличии всех этих условий хозяйство русского крестьянина усвоит себе те прогрессивные тенденции развития, которые

свойственны в настоящее время только западно- и средне-европейскому крестьянскому хозяйству, и в Росси станут расти и развиваться крестьянские хозяйства второй социально-экономической группы, питающие своими продуктами промышленность и участвующие, через посредство рынка, в плодах того технического прогресса и роста производительности труда, который происходит главным образом в современном городе.

Лишь преодоление аграрного перенаселения выведет русское керстьянство на путь экономического прогресса, благосостояния и культурного развития

ОГЛАВЛЕНИЕ*)

Предисловие.

Отсутствие в русской экономической литературе научной теории крестьянского хозяйства (3). — Недостаточность и неправильность применявшихся в ней приемов анализа статистических таблиц (5).

Гл. I. Валовой доход крестьянского хозяйства.

Общий обзор бюджетных исследований русского крестьянского хозяйства (15) — Валовой доход крестьянского хозяйства, его определение (22). — Мера эмпирической корреляционной связи валового дохода с различными экономическими моментами (28). — Изоляция влияния отдельных производственных моментов на высоту валового дохода с помощью комбинационных таблиц и определение аналитических коэффициентов корреляции (35). — Выводы об экономической природе крестьянского хозяйства (36).

Гл. II. Аренда и сдача земли.

Вопросы о крестьянской аренде в лигературе 1870-х и 1880-х г. г. (45). — Постановка вопроса в работе Н. А. Карышева (49). — Работа С. А. Харизоменева по Хвалынскому у. (52). — Бюджетные данные о крестьянской аренде (57). — Мера корреляционной связи крестьянских аренд с различными экономическими моментами (63).

Гл. III. Личные расходы крестьянской семьи.

Бюджетные данные о личных расходах крестьянской семьи (74). — „Закон средних потребностей" Ф. А. Щербины (80). — Единый уровень жизни крестьян (82). — Влияние развития денежных элементов в крестьянском хозяйстве на личный бюджет крестьянской семьи (93). — Существование в русском крестьянстве двух различных социально-экономических слоев или групп, с преимущественно-натуральным и преимущественно-денежным расходным бюджетом, экономические и демографические особенности этих групп (96). — Влияние экономических моментов на прирост населения в крестьянском хозяйстве (98). — Расходы крестьян на одежду, жилище и учение (103). — Таблицы в приложении (106—107).

*) Цифры в скобках означают страницы

Гл. IV. Труд в крестьянском хозяйстве.

Бюджетные данные о затратах труда в крестьянском хозяйстве (108) и его годовом доходе (113). — Число затрачиваемых в крестьянском хозяйстве рабочих дней (117). — Теория А. В. Чаянова (118). — Производительность рабочего дня крестьянина (129). — Интенсивность его труда (136). — Производительность работника в крестьянском хозяйстве (139). — Производительность крестьянского хозяйства в целом (142).

Гл. V. Промысловые заработки.

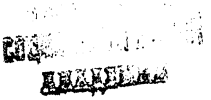
Бюджетные данные о величине промысловых заработков (144). — Моменты, влияющие на развитие промысловых занятий и высоту промысловых заработков (147).

Гл. VI. Динамика крестьянского хозяйства.

Динамические переписи (157) — Характеристика хозяйственно-морфологических процессов в крестьянских хозяйствах (1[illegible]). — Критика теории расслоения крестьянства на два класса, буржуазию и пролетариат (171). — Критика теории общей подвижки вниз (183). — Выводы (186).

Гл. VII. Влияние рынка на крестьянское хозяйство.

Развитие денежных элементов в русском крестьянском хозяйстве (193). — Теория Тюнена и ее применение в условиях железнодорожного транспорта (199). — Массовые данные о русском крестьянском хозяйстве (204). — Влияние на строение хрестьянского хозяйства плотности населения (209). — Взгляды А. И. Скворцова (210), А. А. Кауфмана (215), А. Н. Челинцева (216) и Н. Н. Огановского (221). — Данные бюджетных исследований (228). — Выводы (234).



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „КООПЕРАТИВНАЯ МЫСЛЬ“

О-во С ОГР. ОТВ. БЕРЛИН, ЦИММЕРШТРАССЕ 9

Вышли в свет следующие издания:

Н. А. ЛАЗАРКЕВИЧ: „Лен — на волокно“. (Новейшие способы мочки, мятья и трепки льна) 18 рисунков в тексте, 33 рисунка и 6 чертежей в приложении. Стр. 92. ::

Б. Д. БРУЦКУС: „Экономия сельского хозяйства“. Народно-хозяйственные Основы. Стр. 360. :: :: :: :: :: ::

Г. Р. ЯРКОВ: „Русский яичный Экспорт и Кооперация“. Под ред. Н. В. Малолетенкова. Стр. 68. :: :: :: :: :: :: ::

С. Н. ПРОКОПОВИЧ: „Крестьянское хозяйство“. (По данным бюджетных исследований и динамических переписей)

В скором времени выйдут из печати:

Под ред. проф. М. ЗЕРИНГА: Сборник „Аграрный переворот в странах Средней и Восточной Европы“. :: :: :: ::
Обзор аграрных реформ, осуществленных в результате войны и революций в: Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Латвии, Литве, Польше, Румынии, Финляндии, Чехо-Словакии, Юго-Славии, Эстии. :: :: :: :: :: :: :: :: :: :: ::

А. В. ПЕШЕХОНОВ: Аграрные реформы и аграрная революция в России. :: :: :: :: :: :: :: :: :: :: :: :: :: ::

Издательство „Кооперативная Мысль“ подготовляет к изданию следующие книги:

1. Сельско-хозяйственная и кредитная кооперация в Германии после войны.
2. Сельское хозяйство и с.-хоз. кооперация в Великобритании.
3. Крестьянская кооперация в Италии.
4. С.-хоз. кооперация в Сев. Америке.
5. Кредитная и с.-хоз. кооперация во Франции.
6. С.-хоз. кооперация в Дании.
7. Плодоовощная кооперация.
8. Машинные товарищества.
9. Кооперативные силовые установки (электрические кооперативы).
10. Экспорт хлеба.
11. Рынки кожи, пушнины, щетины и волоса.
12. Рынки леса и продуктов перегонки дерева.
13. Рынок молочных продуктов.
14. Россия и мировое хозяйство (хозяйственные отношения между Россией и Западом).
15. Зерновое хозяйство Сев. Америки.